

THE VARIOUS FORMS
OF RUSSIA'S IMAGE IN HISTORY

RUSSIAN
STUDIES
HU

2023/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главного редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Farkas Ádám, PhD
Igari Léna

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2023
All rights reserved

Editorial Board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Veniamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevskij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

The Various Forms of Russia's Image in History /

Изменения образа России в истории /

Az Oroszország-kép változásai a történelemben

11 Eisuke Kaminaga

Views of Russia in Japan in the Late 20th Century

33 Anna V. Uriadova

Первые советские Конституции

в восприятии русских эмигрантов первой волны

The First Soviet Constitutions in the perception of Russian emigration

47 Judit Hammerstein

About Russia from a Hungarian Perspective –

Lajos Thallóczy's Study "Russia and Our Country"

71 Charles J. Halperin

The Fictional Ivan: Ivan the Terrible in English-Language Fiction

87 Mikhail P. Odesskiy

Визуализация России в эпоху Петра I

(на материале панегирических драм)

The Visualization of Russia in the Era of Peter I

(On the Material of the Panegyric Dramas)

105 Olga K. Ermakova

Практики найма иностранцев на русскую службу

при Алексее Михайловиче и Петре Великом

The Practice of Hiring Foreigners for the Russian Civil and Military

Service under Alexei Mikhailovich and Peter the Great

Essays on Russophobia / Статьи по русофобии /
Tanulmányok a ruszofóbiáról

- 121 Vladimir A. Boldin, Darya Yu. Kurginova, Alexandr A. Shirinyants**
«Нам жаль русских, ...нужно помочь страдальцам»
“We Feel Sorry for the Russians, ...We Need to Help the Sufferers”
- 137 Tamás Krausz**
Замечания о природе современной русо- и советофобии
Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia
- 151 Gyula Szvák**
«Звездные моменты» венгерской русофобии
“Key Moments” in Hungarian Russophobia
- 169 Klára Radnóti**
Так называемая русофобия иностранных путешественников
по Московии
The So-Called Russophobia of Foreign Travelers to Muscovy

Opuscula Prima

- 185 András Bence**
Русская Америка – глазами венгров
Russian America Through Hungarian Eyes

Review articles / Обзоры / Szemle

- 199 Alice Plate**
«Московское смятение продолжается до сегодняшнего дня»
(рецензия)
“The Moscow Confusion Continues to This Day” (Review)

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (<https://edit.elte.hu>), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (<https://epa.oszk.hu>) as well as in many other major international databases, including Scopus. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian Studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition and other Russian Studies scholars just starting out.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. However, the direction of the periodical's endeavors is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series launched in 2021, a series that spanned several issues. The material in the themed section of the current issue examines the various forms Russia's image has taken in history.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian Studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the brutal changes in the world that started early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Gyula Szvák – Editor-in-Chief

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (<https://edit.elte.hu>), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий Венгерской электронной библиотеки (<https://epa.oszk.hu>), а также в ряде крупных международных баз данных, включая Scopus. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «*Russian Studies*» в широком понимании этого термина, а раздел «*Opuscula Prima*» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года», как и другим начинающим русистам.

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)». Тематический отдел настоящего выпуска посвящен изменениям образа России в истории.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu – независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему – как и самой его дисциплине – неизбежно реагировать на brutальные изменения, начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытия особенностей исторического развития России, и этот «социальный заказ» мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáféréseű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (<https://edit.elte.hu>), az Elektronikus Periodika Archívum és Adatbázisban (<https://epa.oszk.hu>) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, így a Scopusban is, szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tag értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az *Opuscula Prima* rovat pedig az „Év Oroszdolgozata” országos egyetemi verseny nyerteseinek, valamint más kezdő ruszistának.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsátott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja. A mostani szám tematikus része az Oroszország-kép különböző formaváltozatait vizsgálja a történelemben.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején kezdődő brutális változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplínájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést” mi, a nemzetközi ruszisztika részeiként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözlő Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

The Various Forms of Russia's Image
in History

Изменения образа России
в истории

Az Oroszország-kép változásai
a történelemben

EISUKE KAMINAGA

VIEWS OF RUSSIA IN JAPAN IN THE LATE 20TH CENTURY¹

Japanese people have repeatedly constructed collective memories of Russia on the basis of their experiences and imagination regarding “Siberia.” After their experiences of World War Two most Japanese people shared feelings of one-sided victimhood toward the Soviet Union. At the same time, some of them loved Soviet culture, respected Soviet science, or idolized the Soviet Union as the great leader of the leftist movement. Lack of concrete information on the Soviet Union sometimes even caused some people to excessively idealize it. Mikhail Gorbachev greatly improved Japanese people’s feelings of closeness to the Soviet Union at the end of the 1980s. However, these trends disappeared rapidly with the collapse of the Soviet Union. Japanese people who witnessed political and economic turmoil in Russia from the early to the late 1990s again came to have a negative attitude toward Russia.

Keywords: Russo-Japanese Relations, Cultural History, Siberia, The Image of Russia, Soviet-Japanese War

Eisuke Kaminaga – Professor, Faculty of Letters at Kokugakuin University. E-mail: kaminaga.eisuke@kokugakuin.ac.jp

1 Citation: EISUKE KAMINAGA, “Views of Russia in Japan in the Late 20th Century”, *Russian-StudiesHu* 5, no. 2 (2023): 11–32. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.11

INTRODUCTION

The Japanese slang term *Osoroshia*, meaning “Horrifying Russia,” has been used often in Japan in the early 21st century,² suggesting ill feeling toward Russia by Japanese people. There was some discussion of “Horrifying Russia” in Japanese materials in the late 19th century,³ but fear of Russia among the Japanese population increased markedly after their defeat in the Soviet–Japanese War in August 1945.

This paper discusses changes in the feelings of Japanese people toward Russia (the Soviet Union) from the middle to the end of the 20th century. While these unfavorable feelings had originally developed during Japan’s prewar imperialistic expansion, the defeat of Japan in 1945 represented a significant turning point for them.

An important key to understanding the process of the spread of these unfavorable feelings is the overlap in Japanese people’s feelings toward Russia in postwar Japan with those toward “Siberia.” For many Japanese people the term “Siberia” includes the Russian Far East, which has strong historical links with Japan. This was the region where several tens of thousands of Japanese people worked in the fishing industry as seasonal workers from the end of the 19th century to the middle of the 20th century, where more than 70 thousand Japanese soldiers fought with Soviet partisans in the Siberian Intervention of 1918–1922,⁴ and where more than 600,000 Japanese POWs were engaged in forced labor for Soviet postwar restoration after the Soviet–Japanese War in 1945.⁵ The region was also where Japan accessed Russia by sea in recent centuries until Japanese people began traveling to the Soviet Union by air in the late 20th century.

The new electronic media of radio and television caused drastic changes in Japanese popular culture and mass communication in the late 20th century, and these changes affected people’s feelings toward the Soviet

2 For example, see IURII IZMYIKO (KOIZUMI Yū), “Osoroshia Kōkūki Retsuden (1)”, *Kōkū Jōhō* 59, no. 8 (2009): 104–107. We find an example in 1903. See KŌKICHI MISAWA, ed., *Roshia Kansatsudan* (Sendai: Misawa Shoten, 1903).

3 For example, see KŌKICHI MATSUI, *Reigo Netsugo* (Tokyo: Matsumura Sanshōdō, 1904). See also MISAWA, *Roshia Kansatsudan*. SABURŌ SHIMADA, *Nihon to Roshia*, 3rd edition (Tokyo: Keisuishsha, 1901). These authors criticized the widespread fear of Russia in Japan.

4 MASAFUMI ASADA, *Shiberia Shuppei* (Tokyo: Chūō Kōron Shisha, 2016), 73.

5 TAKESHI TOMITA and RYŌJI NAGASE, eds., *Shiberia Yokuryū Kankei Shiryō Shūsei*, Revised edition (Tokyo: Misuzu Shobō: 2020), xiv. TAKESHI TOMITA, *Shiberia Yokuryū* (Tokyo: Chūō Kōron Shinsha: 2016), 45.

Union. As few previous studies have paid attention to the role of new media or cultural representation of Russia in Japanese popular culture, this paper clarifies the process by which Japanese people have constructed these feelings, focusing mainly on cultural aspects in postwar Japan.⁶

WAR TRAUMA

In the late 1940s, many Japanese people had a shared feeling of victimization as a result of the devastation of WWII. Indeed, heavy bombing by the US Air Force almost annihilated many Japanese cities. Many Japanese people lost their homes and livelihoods, and also lacked basic daily necessities. However, it was difficult to express resentment publicly about the damage sustained in the war because the Supreme Commander for the Allied Powers (SCAP), which was acting as the US Occupation authority, controlled Japanese media and prohibited them from criticizing the USA and its occupation policy.⁷

Yoshida Yutaka explained the development of Japanese people's one-sided victimhood, and pointed out that this was caused by the war process. First, the Japanese wartime economic and political regime had already brought about a sharp decline in people's living standards from the beginning of the war⁸. Second, Japanese war capability was destroyed, not by Chinese Forces with which Japanese forces had fought since the 1930s, but by US forces as a new enemy with great material superiority over Japan. The long-running and large-scale war with China had already exhausted Japan, but many Japanese people felt that Japan was defeated not by China but by the USA⁹. Third, Japanese people had no opportunities to reflect on

6 Dmitry V. Streltsov has energetically published his research on the image of USSR in Japan including that in the late 20th century. DMITRY V. STRELTSOV, "Faktozy negativnogo obraza SSSR v Iaponii v period kholodnoi voyny", *Vostochnaia Aziia*, no. 2 (2022): 32–46. See also S. V. CHUGROV and D. V. STRELTSOV, "Evolutsiia vzaimnykh obrazov v sovremennoi istorii rossiisko-iaponskogo vzaimodeistviia kak samostoiatelnyi faktor dvustronnykh otnoshenii", in *Rossiisko-iaponskie otnosheniia v formate parallelnoi istorii*, eds. A. V. TORKUNOV and M. IOKIBE (Moscow: MGIMO and MID of Russian Federation, 2015), 965–995. But they are not based on perspectives of cultural history.

7 NIHON SHINBUN KYŌKAI, *Nihon Shinbun Kyōkai 10-nen Shi* (Tokyo: Nihon Shinbun Kyōkai, 1956), 74–76, 79–80. NIHON HŌSŌ KYŌKAI HENSHŪ SHITSU, ed., *Nihon Hoso Shi* 1 (Tokyo: Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, 1965), 700–702.

8 YUTAKA YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan* (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 260.

9 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan*, 261–262.

their colonialization over other Asian countries because of the immediate loss of all colonies with its defeat in August 1945, which took place without any decolonization process.¹⁰ Yoshida also indicated that the American view of the war presented by SCAP considerably affected how Japanese people reflected upon the war. This view underlined the role of US forces in the defeat of Japan and did not mention the role of China or extensive anti-Japanese resistance in the areas of Southeast Asia which were occupied by the Japanese Army. This view also stressed that Japanese “militarists” concealed the truth about the war from the Japanese people.¹¹ The notion of “cheated people” was widely accepted, because it corresponded to what many Japanese people thought of the war.¹²

Under these conditions, many Japanese people also felt victimized by the Soviet Union. The Soviet Union declared war on Japan on August 8, 1945, in the final phase of WWII, and proclaimed the Soviet–Japanese Neutrality Pact of 1941 to be invalid. The three-week war killed more than tens of thousands of Japanese civilians in Manchukuo, South Sakhalin, and Kuril Islands.¹³ After the war, about two million Japanese refugees remained in this area and at least several hundred thousand died of hunger, cold, and disease under occupation by Soviet forces, with Soviet soldiers repeatedly subjecting Japanese refugees to sexual violence and looting during their occupation.¹⁴ More than 600 thousand Japanese soldiers were also subjected to forced labor in the Soviet Union and the People’s Republic of Mongolia, and about one in ten of these soldiers lost their lives in Soviet labor camps.

Many Japanese people in Japan proper felt that peace came in the summer of 1945, but there was no contact with those who remained in the former Manchukuo, North Korea, South Sakhalin, and Kuril Islands occupied by Soviet forces since August 1945 until most of the refugees and soldiers began returning to Japan in the late 1940s. Japanese media intensively reported on the experiences of Japanese refugees and POWs on their return, but these reports were rapidly replaced in the media by news of the Korean War after 1950.¹⁵ Many returning soldiers remained silent

10 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan*, 262.

11 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan*, 34–35.

12 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan*, 36–37, 59.

13 TOMITA and NAGASE, *Shiberia Yokuryū Kankei Shiryō Shūsei*, xiv. TOMITA, *Shiberia Yokuryū*, viii.

14 TAKESHI TOMITA, *Nisso Sensō: 1945-nen 8-gatsu* (Tokyo: Misuzu Shobō, 2020), 218.

15 TAKESHI TOMITA, *Shiberia Yokuryūshatachi no Sengo* (Kyoto: Jinbun Shoin, 2013), 84–85, 88.

for a long time about their own individual experiences in “Siberia,”¹⁶ as the Japanese police regarded them as having been brainwashed by Soviet communism and subjected them to intense scrutiny.¹⁷

Several contemporary popular songs caused many people to share ill feelings toward “Siberia.” The popular song “A Foreign Hill” (“Ikoku no Oka”) became a hit song in 1948. Its popularity was sparked by a radio program broadcasting amateur singing contests, in which some returning soldiers from “Siberia” entered and sang the song.¹⁸ The song was written in wartime Manchukuo by a soldier named Yoshida Tadashi, who later became a famous Japanese composer, and became very popular among Japanese soldiers in “Siberia.”¹⁹ The song lyrics describe soldiers’ hope of returning home and nostalgia for their homeland. The lyrics merely contain the words “abroad” and “homeland” instead of concrete words “Siberia” or “Japan,” directly mentioning neither their loved ones nor their home. These lyrics, which did not include detailed description, were so simple that they resonated on a deep level with many people.

The lyrics of the 1954 popular hit song “A Mother on a Wharf” (“Gampeki no Haha”) are also simple. Recordings of the song sold well over a million copies, and a film from the song also became successful. The song’s lyrics describe a woman whose son was forced to labor in “Siberia,” and who probably died. Many women gathered in the port of Maizuru in central Japan when ships carrying returning soldiers arrived from the Soviet Union in the late 1940s and early 1950s. The songwriter wrote the lyrics based on a real woman,²⁰ focusing merely on her sorrow without depicting her resentment against Siberia, the Soviets, or the war. The lyrics even lack the words “Siberia” and “You” (referring to her son). The cover version from the 1970s includes the line, “How cold it is in Siberia where it snows and

16 “20-seiki no Kiseki 607, Kayōkyoku 18, Ikoku no Oka, Ganpeki no Haha”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), April 29, 1982.

17 “Shiberia Yokuryū: Seikan Go mo Tsuduita Kunan no Ayumi”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Edition “B”), October 17, 2015., “Himitsudatta Yokuryū: Aniki yo, Naze”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), October 6, 2010.

18 “Showa 23-nen 8-gatsu, Ikoku no Oka: Geinōshi wo Aruku”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), March 3, 1986.

19 TADASHI YOSHIDA, *Inochi Aru Kagiri: Yoshida Tadashi, Watashi no Rirekisho* (Hitachi: Hitachi Shimin Bunka Jigyōdan, 2001), 79, 116–117.

20 REIKO YANAGIKAWA, “Dai-2-ji Soren Kikoku Aiwa, 10-nen Kaeranu Wagako wo Matsu: Ganpeki no Haha ha Kanashi”, *Fujin Kurabu* 35, no. 5 (May 1954): 134–137. It became evident that the woman’s son was alive in China in 2000, 19 years after her death. “Dai Hito Kyo-ku Ganpeki no Haha no Musuko ha Ikiteita”, *Yomiuri Shinbun* (Osaka: Morning edition), August 12, 2000.

blows!” However, the original version simply expressed the mother’s grief at loss of her son. The song became popular among many people who were waiting for the return of their own loved ones.

The war and subsequent events undoubtedly worsened Japanese people’s feelings toward the Soviet Union. In a public opinion survey conducted in 1950 by the Japanese news service agency, Jiji Press Co., 53.0% of respondents classified “the Soviet Union” as the least favorite country with only 1.0% calling it their favorite country.²¹

ENHANCED VICTIMHOOD FEELINGS

The beginning of the Cold War helped to maintain the feeling of victimhood among Japanese people toward the Soviet Union. The Korean War made the Far East a new front in the Cold War. The USA converted its occupation policy toward Japan and preserved the Japanese political and economic regime to some extent to make Japan its base against communism in Asia.²² SCAP ordered a Red Purge in Japan under which the Japanese government and commercial companies dismissed more than 10 000 employees who were communist sympathizers.²³

The USA hastened to conclude the peace treaty with Japan and endeavored to secure a reliable partnership with the country as its de facto client state after its independent recovery. These environments favored a “tolerant” San Francisco Peace Treaty of 1951, which refers to neither Japan’s responsibility for the war nor any arms limitations to Japan, and enabled Japan to escape heavy reparation payments to the victorious nations.²⁴ This “tolerant” peace treaty meant that the Japanese people missed an opportunity to reflect on their own imperialist past.

The Soviet Union along with Poland and Czechoslovakia refused to sign the treaty due to opposition to its contents.²⁵ This delayed the settling

21 “Sukina Kuni Kiraina Kuni”, *Jiji Tsūshin Senryōki Yoron Chōsa* 8, *Reproduction* (Tokyo: Ōzorasha, 1994).

22 JUNNOSUKE MASUMI, “Sengoshi no Kigen to Isō”, in *Senryō to Kaikaku*, eds. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 18–19.

23 SHŌBĒ SHIOTA, *Red Purge* (Tokyo: Shinnihon Shuppansha, 1984), 42–43.

24 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensōkan*, 75–76.

25 HIROFUMI HAYASHI, “San Francisco Heiwa Jōyaku to Nihon no Sengo Shori”, in *Iwanami Kōza Nihon Rekishi* 19: *Kingendai* 5, eds. TÔRU ÔTSU, EIJI SAKURAI, JŌJI FUJĪ, YUTAKA YOSHIDA, and SUNGSI LEE (Tokyo: Iwanami Shoten, 2015), 9.

of several unresolved problems between the Soviet Union and Japan, and reinforced Japanese people's feelings of victimhood toward the Soviet Union.

Feelings of victimhood toward the Soviet Union had already taken root in Japan before WWII when the Japanese Army intervened in the Russian Civil War. Soviet partisans in Amur Basin wiped out a Japanese battalion, and subsequently killed thousands of Russian civilians and Japanese captive soldiers in Nikolaevsk-na-Amure in 1920.²⁶ Hundreds of Japanese civilians who went along with their Army were also killed at the battle. The Japanese media stressed "the Bolsheviks' inhuman cruelty,"²⁷ leaving aside the question of why the Japanese Army was there in the first place. Many Japanese people shed tears only for Japanese casualties, and the Japanese Government succeeded in continuing their intervention in the Russian Far East with support from the Japanese public.

Feelings of victimhood in the 1920s and 1930s were mainly caused by two concrete threats: communism and violation of Japanese fishing rights in the Soviet Far East. The former was symbolized by the Public Order and Police Law enacted by the Imperial Diet in 1925, when the Soviet Union and Japan concluded the Soviet-Japanese Basic Convention and normalized relations between the two countries. This law targeted social movements, especially revolutionary movements, and played a major role in state thought control in relation to the Japanese people until SCAP ordered its abolition in 1945. This law, which was revised to widen its applicability in 1928, enabled the Japanese authorities to destroy the Japanese Communist Party.²⁸

The latter threat occurred from the late 1920s when the Soviet leadership began aggressive investment in the Soviet Far East fishing industry. The Soviet Union guaranteed Japanese fishing concessions in Soviet Far East waters, which Japan had ensured by the peace treaty after the Russo-Japanese war of 1905. However, Soviet state fishing companies developed rapidly in the first and second 5-year plan periods and overwhelmed rival Japanese companies through competitive bidding for coastal salmon fishing.²⁹ Major Japanese fishing companies launched a media campaign in the early 1930s, insisting that the Soviet authorities had infringed legitimate Japanese fishing rights.³⁰

26 ASADA, *Shiberia Shuppei*, 156–159.

27 ASADA, *Shiberia Shuppei*, 162–163.

28 YASUHIRO OKUDAIRA, *Chian Iji Ho Shōshi* (Tokyo: Iwanami Shoten, 2006), 187–189.

29 EISUKE KAMINAGA, *Hokuyō no Tanjō* (Yokohama: Seibunsha, 2014), 88–90.

30 KAMINAGA, *Hokuyō*, 93.

In contrast, many Japanese people believed that Japan and Russia were well balanced in military strength before WWII. The myth of a great victory in 1905 had convinced them of the invincibility of Japanese Imperial forces.³¹ Therefore, the disappointing defeat by the Soviet Union in 1945 was a major shock to the populace. This shock may have resulted in the criticism that the Soviet Union suddenly broke the Soviet-Japanese Neutrality Pact.³²

Importantly, the Soviet Union remained a great menace to Japan after the war due to both communism and fishing in the North Pacific Ocean. These two threats remained unchanged before and after WWII. First, the Japanese postwar regime took a clear anti-communism stance in deciding to follow US global strategy and it re-examined postwar democratization policies in the early 1950s to restore the prewar regime to some extent. Second, strained relations with the Soviet Union affected Japanese ocean salmon fishing in the North Pacific Ocean.³³ Third, unlike before the war, the postwar Soviet Union considerably surpassed postwar Japan in its military capabilities. In addition, Japan, which had lost all of its colonies, including South Sakhalin and Kuril Islands, came to face Soviet military pressure much closer to Japan proper than before the war.

RESPECT FOR SOVIET CULTURE

Japanese people were starved not only for daily foods but also for various forms of entertainment, which had been strictly prohibited by the Japanese authorities during the war.³⁴ To encourage the democratization of Japan, SCAP censored media content and banned the publication and broadcasting of militaristic and anti-US content.³⁵

31 For example, TĒICHI MUTŌ, *Muteki Nihongun* (Tokyo, Dainihon Yūbenkai Kōdansha, 1938).

32 SHIRŌ SADA, "Sodōmei ha Nisso Chūritsu Jōyaku wo Yabutte Nihon wo Shinryakushitaka", *Zen'ei*, no. 65 (1952): 58–61., SHIZŌ KOIZUMI, *Kyōsanshugi to Ningen Sonchō* (Tokyo: Bungei Shunjū Shinsha, 1951), 42–43.

33 KAMINAGA, *Hokuyō*, 201–202.

34 AKIRA KURIHARA, "Shakai Ishiki no Henyō: Taishū no Sengo Ishiki", in *Sengoshisō to Shakai Ishiki*, eds. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 190.

35 EIJI TAKEMAE, "GHQ to Nihon Senryō: GHQ-ron", in *Senryō to Kaikaku*, eds. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 47.

The golden age of Japanese cinema began in the early 1950s.³⁶ Movies became the center of Japanese popular entertainment until they were replaced by television in the 1960s.³⁷ While as many people liked Japanese and American movies as before the war, many people also became fascinated with Soviet movies, which censorship had sometimes prevented Japanese people from seeing in theaters in prewar Japan. The 1946 Soviet film «Каменный цветок» [The Stone Flower] was the first color movie to be released in postwar Japan,³⁸ and the 1947 Soviet film «Конёк-горбунёк» [The Humpbacked Horse] was the second feature-length animated film released in Japan.³⁹ Imported Soviet animated films inspired some future Japanese masters of animated film.⁴⁰ Japanese audiences recognized the Soviet Union's technical progressiveness and rich cultural traditions through its high-quality movies.⁴¹ Japanese people appreciated the Soviet Union as a cultural and technology superpower along with the USA in the post-WWII world.

Most Japanese people liked Japanese and American popular songs, which were prevalent in popular movies or radio.⁴² In the democratized postwar environment, many young workers, students, and high school students spontaneously began to organize their own cultural club activities all over Japan.⁴³ Some formed choral clubs not only for fun, but to improve their way of life, and they called these activities the “Utagoe Undō” [The Singing Voice Movement].⁴⁴ They demanded “clean songs with clean lyrics” instead of commercially successful popular songs, which included contemporary Americanized music or lyrics with sexual nuances. Young people belonging

36 TADAO SATŌ, *Nihon Eiga Shi 2: 1941–1959, Revised version* (Tokyo: Iwanami Shoten, 2006), 229., INUHIKO YOMODA, *Nihon Eiga 110-nen* (Tokyo: Shūeisha, 2014), 144.

37 YOMODA, *Nihon Eiga 110-nen*, 166.

38 This was screened in Japan in 1947. NEIA MARKOVNA ZORKAIA, *Soviet Eiga Shi*, trans., CHIE ŌGI (Tokyo: Roshia Eiga Sha, 2001), 456., “Gaikoku Eiga Shōkai: Ishi no Hana”, *Kinema Junpō*, no. 22 (758), November 1947, 20., “Graphic Shinsaku Shōkai: Ishi no Hana”, *Kinema Junpō*, no. 23 (759), November 1947, 4–5.

39 This was screened in Japan in 1949. ZORKAIA, *Soviet Eiga Shi*, 456., YASUSHI WATANABE, “Roshia Soren Anime Senzen Sengo no Nihon Kōkai no Rekishi”, *Biranji*, no. 40 (September 2017): 112.

40 WATANABE, “Roshia Soren Anime”, 112, 117.

41 IPPEI FUKURO, “Tennenshoku Eiga to Ishi no Hana”, *Eiga Hyōron* 5, no. 1, January 1948, 3–5., “Geki, Eiga Hyō: Ishi no Hana”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning Edition), November 5, 1947.

42 KURIHARA, “Shakai Ishiki no Henyō”, 189.

43 KURIHARA, “Shakai Ishiki no Henyō”, 188., NAOYA UNODA, “1940–nendai Kōhan no Circle Undō”, in *Circle no Jidai wo Yomu*, eds. NAOYA UNODA, TAKAYUKI KAWAGUCHI, HIROSHI SAKAGUCHI, KOJI TOBA, IZUMI NAKAYA, and CHIKANOBU MICHIBA (Tokyo: Kage Shobō, 2016), 22.

44 HIROSHI WATANABE, *Utau Kokumin* (Tokyo: Chūōkōron Shinsha, 2010), 270–272.

to the movement selected traditional European, American, and Japanese folk songs.⁴⁵

The 1947 Soviet color musical film «Сказание о земле сибирской» [Ballad of Siberia], which was first released in Japan in 1948,⁴⁶ sparked a boom of interest in Soviet songs.⁴⁷ Amateur chorus members who loved “clean songs” soon became the center of this boom in Soviet songs. This typical Stalin-era Soviet movie impressed many young chorus members because they found a perfect world in idealized Siberia where Soviet people cheerfully endeavored to reconstruct their war-damaged country, singing “clean” songs beautifully.

Japanese people called all songs from the Soviet Union “Russian folk songs” at that time.⁴⁸ Consequently, “Russian folk songs” in Japan included not only “genuine” folk songs of uncertain authorship, such as «Вот мчится тройка почтовая» [The Troika-Mail is Running] and «Эй, ухнем!» [The Song of the Volga Boatmen], but also contemporary Soviet popular songs, such as «Катюша» [Katyusha] and «Подмосковные вечера» [Moscow Nights].

The “Singing Voice Movement” grew from the late 1940s to the middle 1950s and played an important part in the spread of various Russian songs across Japan. The Japanese Communist Party (JCP), which had its own young members’ chorus, actively supported the movement and helped young people who were not members to organize their own choral clubs.⁴⁹ Therefore, some right-leaning groups blamed the movement for communist propaganda activities.⁵⁰ However, most young cultural club members among the movement actually kept the JCP and its political motivations at a distance.⁵¹

Some large cafes at which customers could sing in chorus appeared in big cities in the mid-1950s.⁵² These “Singing Voice” cafes attracted young

45 EISUKE KAMINAGA, “Utagoe Undō toha Nanika”, *Niigata Kokusai Jōhō Daigaku Jōhō Bunka Gakubu Kiyō*, no. 15 (April 2012): 4-5., SEIJI CHŌKI, *Sengo no Ongaku* (Tokyo: Sakuhinsha, 2010), 95. About “clean songs,” see also EISUKE KAMINAGA, “Utagoe Undō no Naka no Roshia”, *Ikyō ni Ikiru* 5 (Yokohama: Seibunsha, 2010), 323-338.

46 ZORKAIA, *Soviet Eiga Shi*, 456.

47 CHŌKI, *Sengo no Ongaku*, 95.

48 It is considered that “popular songs” («народные песни») were accepted erroneously as “folk songs” when they were translated from Russian into Japanese.

49 CHŌKI, *Sengo no Ongaku*, 86-87. HIDEYA KAWANISHI, “Utagoe Undō”, in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. TATSUYA TONOSHITA (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 147-148.

50 WATANABE, *Utau Kokumin*, 248.

51 KURIHARA, “Shakai Ishiki no Henyō”, 188.

52 WATANABE, *Utau Kokumin*, 263-264.

people who wanted to sing easily and casually. These cafes had their own wait staff who sang lead vocals. Cafes made their own songbooks, which devoted many pages to “Russian folk songs,” because young customers wanted to sing these songs.⁵³

Both “Singing Voice” cafes and the “Singing Voice” movement were booming from the mid-1950s to the late 1960s.⁵⁴ Moreover, free commercial radio broadcasting and television broadcasting, which started in the early 1950s, also changed the circumstances surrounding music in Japan.⁵⁵ New songs came into fashion via radio in the 1950s. Some “Russian folk songs” sung by professional singers became popular through radio and television broadcasting.⁵⁶

“Russian folk songs” were popular among young people from the late 1940s to the mid-1960s, and these lovers of “Russian folk songs” continued to love Soviet songs. “Singing Voice” cafes that were reopened in some cities from the 2000s to the 2010s attracted old lovers of Soviet songs.⁵⁷ These people, who had never been the majority in Japan, hated neither the Soviet Union nor Russia, despite the general enmity with which they were held by many Japanese people.

GRASSROOTS RELATIONSHIPS

The Soviet Union and Japan signed the Soviet–Japanese Joint Declaration, which provided for the restoration of their diplomatic relations, in 1956. It brought about marked increases in economic and cultural exchange between both countries,⁵⁸ although they were unable to conclude a peace treaty or settle territorial problems regarding the Kuril Islands.

At the same time, the success of Sputnik I (1957) and Yuri Gagarin’s flight in space (1961) cemented the idea among Japanese people that the Soviet Union was ahead of most other countries in advanced scientific technology.

53 WATANABE, *Utau Kokumin*, 264–265.

54 WATANABE, *Utau Kokumin*, 274. CHOKI, *Sengo no Ongaku*, 81. KAWANISHI, “Utagoe Undō,” 149.

55 HIROMI TSUJI, “Kayōkyoku,” in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. TATSUYA TONOSHITA (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 127., KAZUFUMI SUZUKI, “Terebi Hōsō,” in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. TATSUYA TONOSHITA (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 146–147.

56 WATANABE, *Utau Kokumin*, 267–268.

57 WATANABE, *Utau Kokumin*, 276–277.

58 NISSO NICHIRO KEIZAI KÖRYŪSHI SHUPPAN GROUP, ed., *Nisso Nichiro Keizai Kōryūshi* (Tokyo: Tōyō Shoten, 2008), 48–50.

Many amateur astronomers looked for Sputnik in the night sky,⁵⁹ and many amateur radio operators tried to track the radio signals from Sputnik all over Japan.⁶⁰ Many people welcomed Gagarin warmly around Japan when he and his wife, Valentina, visited the country in 1962. To many Japanese people, Gagarin became a symbol of positive Soviet attributes.⁶¹

In 1960, the Science Council of Japan resolved to enhance Russian language education in Japanese universities.⁶² Urgent large-scale imports of Soviet-made live oral poliovirus vaccine in 1961 greatly helped to stop the spread of a polio epidemic in Japan.⁶³ This also demonstrated the progressiveness of Soviet science to the Japanese people.

Many Japanese people came to know about the Soviet Union through television, which became widespread in Japan in the 1960s. Television programs featuring foreign affairs reports were very popular in Japan.⁶⁴ More Japanese people also traveled to the Soviet Union from the mid-1960s,⁶⁵ when the Government of Japan allowed Japanese nationals to have free foreign travel.

The 1966 film «Маленький беглец» [A Little Runaway] saw the start of Soviet–Japanese co-productions.⁶⁶ Among them, the 1975 film «Дерсу Узала» [Dersu Uzala] directed by the famous Japanese director, Kurosawa Akira, won an Academy Award for Best Foreign Language Film and was commercially successful in the Soviet Union, Europe, and North America, but not in Japan.⁶⁷

A deepening understanding of the Soviet Union was backed by the fact that some Japanese cities on the Sea of Japan became twinned with Soviet Far East cities from the 1960s to the 1970s. For example, the municipal

59 “Nihon demo Mieta”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), October 6, 1957.

60 “Katasukashi Kutta Ham”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), October 5, 1957.

61 For example, “Nikoyaka ni ‘Uchūjin’”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), May 21, 1962.

62 “Daigaku ni Okeru Roshiaigo Kyōiku no Jūjitsu ni Tsuite”, Nihon Gakujutsu Kaigi, Accessed August 30, 2022, <https://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/02/05-02-k.pdf>. According to the resolution, 45 Japanese universities opened Russian language courses from 1961 to 1980. See NIHON ROSHIA BUNGAKU KAI, ed., *Nihonjin to Roshia Go* (Tokyo: Nauka, 2000), 429–430.

63 MASAO KUBO, *Polio ni Kōshite* (Tokyo: Kubo Masao, 1983), 59., NIHON HŌSŌ KYŌKAI SHAKAIBU, ed., *Shōni Mahi wo Otte* (Tokyo: Fujin Gahō Sha, 1961), 98–99.

64 TOKYO HŌSŌ SHASHI HENSHŪ SHITSU, ed., *Tokyo Hōsō no Ayumi* (Tokyo: Tokyo Hōsō, 1965), 493., NOBUO SHIGA, *Terebi Bangumi Kotohajime* (Tokyo: Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, 2008), 176–177, 407–408.

65 KAZUO NONOMURA, *Soviet Ryokō Annai* (Tokyo: Chūō Kōron, 1966), 4., JTB 100-SHŪNEN JIGYŌ SUISHIN IINKAI, ed., *JTB Group 100-nen Shi: 1912–2012* (Tokyo: JTB, 2012), 153–154.

66 ZORKAIA, *Soviet Eiga Shi*, 453.

67 KIYOKAZU TAKEUCHI, “Nani ga Hittoshita ka,” *Screen* 30, no. 3 (387), March 1975, 76.

assembly of Maizuru in central Japan had already resolved its trade expansion and friendship with the Soviet Union in 1956, and the mayor visited Nakhodka in the Maritime region to arrange an agreement for the two cities to become twinned in 1958. The official agreement was signed in June 1961 and Maizuru became the first Japanese city to become twinned with a Soviet city.⁶⁸ Nakhodka was the main repatriation port for Japanese POWs in the Soviet Union, and Maizuru was the main port that received repatriation ships. Indeed, Maizuru was the port city where the above-mentioned “mothers on a wharf” had waited for their sons. Niigata and Khabarovsk subsequently signed twinning agreements in 1965,⁶⁹ followed by Otaru and Nakhodka in 1966⁷⁰ and by Asahikawa and Yuzhno-Sakhalinsk in 1967.⁷¹

In contrast, the Soviet Union, as the world leader of communism, was losing its political authority in Japan.⁷² De-Stalinization in the Soviet Union and the Hungarian Revolution of 1956 severely shook Japanese socialists, communists, and their sympathizers. In 1956, the JCP then regarded the Hungarian uprising as an antirevolutionary movement and did not criticize the Soviet Union for its armed intervention. However, the JCP soon took an independent political line from the Communist Party of the Soviet Union in the early 1960s.⁷³

While cultural and economic exchanges developed, bilateral political relations remained strained. The Soviet Union one-sidedly rejected negotiations with Japan on a peace treaty and a territorial problem because the USA and Japan signed a new security treaty in 1960.⁷⁴ Soviet border guards continued strict control over Japanese fishing boats operating in the sea near the Kuril Islands.⁷⁵ This sometimes resulted in fatal accidents, and news of these accidents had a negative effect on Japanese public opinion.

68 “Shimai Teikei Data,” CLAIR, accessed August 30, 2022. <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/1073>.

69 “Shimai Teikei Data,” CLAIR, accessed August 30, 2022. <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/648>.

70 “Shimai Teikei Data,” CLAIR, accessed August 30, 2022. <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/648>.

71 “Shimai Teikei Data,” CLAIR, accessed August 30, 2022. <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/26>

72 YUN KYONCHORU, *Nihon Shin Sayoku no Kenkyū* (Tokyo: BokutakuSha, 2001), 16.

73 NOBUO SHIMOTOMAI, *Nihon Reisen Shi: 1945-1956* (Tokyo: Kōdansha, 2021), 318–319.

74 TSUYOSHI HASEGAWA, *Hoppō Ryōdo Mondai to Nichiro Kankei* (Tokyo: Chikuma Shobō, 2000), 71–72.

75 KAMINAGA, *Hokuyō*, 206–207.

NEW COLD WAR

Okinawa Prefecture (the Ryūkyū Islands) was occupied by the USA in 1945 and returned to Japan in 1972. In this year, Japan and the People's Republic of China normalized their diplomatic relations. These changes highlighted unresolved diplomatic problems with the Soviet Union, but the Soviet leadership continued to insist that there were no territorial issues between the two countries, and negotiations on a peace treaty hardly proceeded.⁷⁶

With regard to traditional fishing issues, the USA and the Soviet Union declared their exclusive economic zones (EEZ) in the late 1970s. This had a major effect on Japanese pelagic fishing in the North Pacific Ocean.⁷⁷ In particular, the surprise Soviet announcement about its EEZ setting was fiercely criticized in the Japanese media.

Grassroots concerns over harm caused to Japanese citizens in WWII increased in the 1970s. Some citizens' groups published collections of essays based on their memories of the war, including the Soviet-Japanese war of August 1945 and the suffering of Japanese refugees in Manchuria under Soviet occupation.⁷⁸ Groups of grown-up Japanese children left behind there at the end of the Soviet-Japanese War regularly came to Japan to inquire about the fates of their family members and relatives as late as 1981, which moved many people in Japan to tears. These conditions sustained Japanese people's long-lasting ill feelings toward the Soviet Union.

More Japanese people went abroad in the 1970s because group inclusive tour air fares became more affordable as passenger aircraft increased in size.⁷⁹ However, many people still travelled to Europe by the Trans-Siberian Railway and Soviet domestic flights, thereby avoiding relatively expensive airline fares.⁸⁰ Although many Japanese tourists were going not to the Soviet Union but to Europe, on the long journey there, they could actually see in person how Soviet people lived.

From the 1970s to the early 1980s, Soviet-Japanese relations at the state level remained largely unchanged. The Soviet invasion of Afghanistan in 1979 caused a boycott of the 1980 Summer Olympics held in Moscow. Japanese Olympic athletes who were obliged to join the full boycott

76 HASEGAWA, *Hoppō Ryōdo Mondai*, 72.

77 KAMINAGA, *Hokuyō*, 210–211.

78 YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan*, 175.

79 JTB, *JTB Group 100-nen Shi*, 187.

80 HIDEO TANI, *24-ka Koku Sekai no Tabi* (Tokyo: Azuma Shobō, 1972), 55.

endured in the public mind. Curiously, only in Japan did the official mascot of the Olympics, which became a well-known Soviet character in Japan of the 1980s, have its own television animation series, “Koguma no Misha” [Misha the Little Bear].

The setting for a 1980 hit song for young people “Saraba Shiberia Tetsudō” [Farewell, Trans-Siberian Railway] was set on a Trans-Siberian Railway train in December. A winter Siberian scene was linked with a sense of irreversible loss to become romantic sadness in the song. Young Japanese people accepted “Siberia” as a faraway place, which was farther from Japan than in reality.

It was not uncommon for “Siberia” to be seen as something exotic in Japanese youth pop culture. In the popular manga for girls in the late 1970s “Haikara-san ga Tōru” [Haikara-San: Here Comes Miss Modern], the heroine’s fiancé, a young military officer, disappears in the Siberian Intervention and makes a surprise return as a Russian refugee. “Siberia” is drawn in the story as a mysterious place of unimaginable cold.

While large numbers of Japanese people were travelling to many parts of the world, Japan’s neighboring socialist countries, the Soviet Union, China, and North Korea, were still restricting Japanese tourists’ freedom of entrance and movement within their borders. Young Japanese people saw these countries as exotic. For example, the documentary TV series “The Silk Road” produced by the Japan Broadcasting Corporation (NHK), whose crew reached the Silk Road region within China and the Soviet Union, was greatly popular and caused a boom in interest in the Silk Road in Japan in the 1980s.⁸¹

A highly symbolic event of the new Cold War, which spurred Japanese people’s anti-Soviet attitudes, occurred on September 1, 1983. On this day Korean Air Lines Flight 007, which had drifted from its original planned route and was flying through Soviet prohibited airspace, was shot down by a Soviet fighter aircraft over the Sea of Japan near Sakhalin. All of its 269 passengers, including 28 Japanese nationals and the crew, were killed. The Japanese media and government fiercely criticized the Soviet Union not only for shooting down the aircraft but also for its insincere response to the accident. Only three years later, Japanese people again experienced false allegations and concealment on the part of the Soviet authorities in relation to the Chernobyl disaster in April 1986.

81 YASUKO ENOMOTO, “Sōkai Chūgoku: Silk Road Boom no Genryū wo Tazunete,” *Tōa*, no. 648 (June, 2021): 68–70.

“GORBY” BOOM

The Cabinet Office of Japan (the General Administrative Agency of the Cabinet until 2000) have conducted large-scale public opinion surveys and released the results every year from 1978 to the present. One of these surveys shows the percentage of Japanese people who like or dislike Russia (the Soviet Union until 1991): in 1984, 85.6% of respondents “did not feel close” and only 7.7% “felt close” to the Soviet Union.⁸² The trend remained almost unchanged from 1980 to 1987. The percentage of those who “felt close” to the Soviet Union never exceeded 10% and those who “did not feel close” to the Soviet Union never decreased below 80% in these eight years.⁸³

The trend shifted in 1990, with 23.3% answering in the affirmative (“feel close”) and 70.8% answering in the negative (“did not feel close”) that year.⁸⁴ The following 1991 survey result marked a “record”, with 25.3% reporting that they “felt close” and 69.6% reporting they “did not feel close” to the Soviet Union.⁸⁵ Thus, in 1991, over a quarter of Japanese people felt positively toward the Soviet Union. This record has not been broken since.

Doubtlessly, Mikhail Gorbachev greatly improved Japanese people’s feelings of closeness to the Soviet Union at the end of the 1980s. He and his domestic reforms known as “perestroika” were rated highly from the end of 1980s to 1991 in Japan. Gorbachev’s diplomacy, which resulted in the end of the Cold War, was also highly appreciated in Japan. Although the socialist regimes in China and North Korea remained, Gorbachev eased tensions in East Asia’s international relations.⁸⁶

The positive image of Gorbachev as a fresh leader was created in Japan through the Japanese media. Due to Gorbachev’s information disclosure known as “glasnost,” Japanese audiences saw the Soviet leader’s image much more frequently than that of past leaders. Gorbachev was one of a very few friendly Soviet icons for Japanese people, most probably second only to Gagarin.

82 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa: 2 Chōsa Kekka no Gaiyō, (2) Nihon to Roshia, A Roshia ni Taisuru Shinkinkan, Hyō 4: Sankō” Accessed August 30, 2022, <https://survey.gov-online.go.jp/r03/r03-gaiko/zh/h04-s.csv>.

83 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa”

84 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa”

85 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa”

86 HASEGAWA, *Hoppō Ryōdo Mondai*, 77.

In April 1991, President Gorbachev and his wife, Raisa, made an official visit to Japan. He was the first Soviet leader to visit Japan, and he was welcomed there. Some popular newspapers and magazines called him by his Western nickname “Gorby.”⁸⁷ The Japanese media covered his visit extensively, anticipating an immediate conclusion of the territorial issue between Japan and Russia. Gorbachev admitted that a territorial problem existed between both countries but adopted a cautious stance to its early settlement.⁸⁸

This was the year Soviet popularity peaked in Japan. There was a boom in twinning arrangements between Japanese cities on the Sea of Japan and Soviet Far East cities.⁸⁹ However, these trends disappeared rapidly with the collapse of the Soviet Union. The results of the afore-mentioned public opinion survey on the Russian Federation by the Government of Japan in 1992 showed that 15.2% of respondents felt close to Russia and 79.6% did not feel close.⁹⁰ Exports from Japan to Russia rapidly decreased. Due to the systematic transformation from socialism to capitalism and a corresponding insufficiency of legislation, several Japanese companies failed to sustain their joint venture projects, having been the target of hostile takeovers from their Russian partners in the 1990s.⁹¹

Japanese people who witnessed political and economic turmoil in Russia from the early to the late 1990s again came to have a negative attitude toward Russia. Some Japanese people even showed a haughty attitude toward Russia as an economic backwater because Russia was reduced from a superpower and had become a recipient country requiring Japanese technical assistance to move toward a market economy.⁹²

87 For example, see “Gorby Smile Tokyo wo Iku”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), April 17, 1991.

88 HASEGAWA, *Hoppō Ryōdo Mondai*, 237.

89 23 Japanese local municipalities established twinning relationships from 1990 to 1995 alone. See “Shimai Teikei Data”, CLAIR. Accessed August 30, 2022, <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/49>.

90 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa.”

91 NISSO NICHIRO KEIZAI KORYŪSHI SHUPPAN GROUP, *Nisso Nichiro Keizai Kōryūshi*, 86–87, 472–475., “Keiyaku Mushi, Soshō Aitsugu”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), November 6, 1998.

92 For example, SEIICHI KAJIWARA, “Roshia no Jijō”, *Yomiuri Shinbun* (Osaka: Morning edition), May 5, 1992.

CONCLUSION

A type of sponge cake named “Siberia” (“Shiberia” in Japanese) with a traditional Japanese sweet jelly filling made from soft red beans is considered to have first appeared in Japan around the beginning of the 20th century.⁹³ Judging from its ingredients and recipe, the cake probably originated in Japan, but no further information is available on why it is called “Siberia.” The only thing known for certain is that “Siberia” was already famous among Japanese people, and this may have inspired a positive attitude resulting in the name.

As mentioned above, after the appearance of the “Siberia” cake, many Japanese people came to have an unfavorable attitude toward the word throughout much of the 20th century. Japanese people have repeatedly constructed collective memories of Russia on the basis of their experiences and imagination regarding “Siberia.” After WWII, in accordance with their memories of the war they had most recently experienced, most Japanese people shared feelings of one-sided victimhood toward the Soviet Union as if they had forgotten their imperial past. At the same time, some people loved Soviet culture, respected Soviet science, or idolized the Soviet Union as the great leader of the leftist movement. Lack of concrete information on the Soviet Union sometimes even caused some people to idealize it excessively.

A feeling of closeness toward Russia has increased recently in Japan. According to the afore-mentioned Japanese Government surveys, those who “feel close” to Russia exceeded 17% and those who “do not feel close” to Russia decreased below 80% from 2012 to 2021.⁹⁴ These facts suggested a potential link between feelings toward Russia and wartime memories. Many Japanese people were losing their wartime memories, and ill feelings toward Russia based on these memories were also fading. However, it is unlikely that there will be further signs of improvement in these feelings toward Russia in the near future as a result of the war in Ukraine that started in February 2022. This war will undoubtedly rekindle Japanese people’s unfavorable feelings toward Russia.

93 “Yokohama Michi: 18 Kotei Bakery 1”, *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), December 12, 2020.

94 NAIKAKUFU, “Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa.”

References

- “20-seiki no Kiseki 607, Kayōkyoku 18: Ikoku no Oka, Ganpeki no Haha” [Series: Miracle in the 20th Century, No. 697, Japanese Popular Songs, No. 18: ‘A Foreign Hill’ and ‘A Mother on the Wharf’], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning Edition), April 29, 1982.
- MASAFUMI ASADA, *Shiberia Shuppei* [Siberian Intervention by the Japanese Army of 1918–1922] (Tokyo: Chūō Kōron Shisha, 2016).
- SEIJI CHŌKI, *Sengo no Ongaku* [Music in Postwar Japan] (Tokyo: Sakuhinsha, 2010).
- SERGEI V. CHUGROV and DMITRII V. STRELTSOV, “Evolutsiia vzaimnykh obrazov v sovremennoi istorii rossiisko-iaponskogo vzaimodeistviia kak somostoiatelnyi factor dvustronnikh otnoshenii” [Evolution of Mutual Images in Contemporary Russo-Japanese Interactions as an Independent Factor of their Bilateral Relations], in *Rossiisko-Iaponskie otnosheniia v formate parallelnoi istorii*, ed. ANATOLII V. TORKUNOV and MAKOTO IOKIBE (Moscow: MGIMO and MID of Russian Federation, 2015), 965–995.
- “Daigaku ni Okeru Roshiaigo Kyōiku no Jūjitsu ni Tsuite” [To Promote Russian Language Education in Universities in Japan], *Nihon Gakujutsu Kaigi*. Accessed August 30, 2022, <https://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/02/05-02-k.pdf>.
- “Dai Hitto Kyoku Ganpeki no Haha no Musuko ha Ikiteita” [The Son of the Best-seller Song “A Mother on a Wharf” is Still Living], *Yomiuri Shinbun* (Osaka: Morning Edition), August 12, 2000.
- YASUKO ENOMOTO, “Sōkai Chūgoku: Silk Road Boom no Genryū wo Tazunete” [Finding the Source of the Silk Road Boom in Japan], *Tōa*, no. 648 (2021): 68–70.
- IPPEI FUKURO, “Tennenshoku Eiga to Ishi no Hana” [Color Cinemas and ‘The Stone Flower’], *Eiga Hyōron* 5, no. 1 (1948): 3–5.
- “Gaikoku Eiga Shōkai: Ishi no Hana” [Introduction of New Foreign Films: ‘The Stone Flower’], *Kinema Junpō*, no. 22 (1947): 20–21.
- “Geki, Eiga Hyō: Ishi no Hana” [Review of New Films: ‘The Stone Flower’], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), November 5, 1947.
- “Gorby Smile Tokyo wo Iku” [Gorby’s Smile Goes Round Tokyo], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), April 17, 1991.
- “Graphic Shinsaku Shōkai: Ishi no Hana” [An Introduction to New Films with Photos: ‘The Stone Flower’], *Kinema Junpō*, no. 23 (1947): 1–5.
- TSUYOSHI HASEGAWA, *Hoppō Ryōdo Mondai to Nichiro Kankei* [‘The Northern Territory’ Problems and Russo-Japanese Relations], (Tokyo: Chikuma Shobō, 2000).
- “Himitsudatta Yokuryū: Aniki yo, Naze” [A Hidden Experience as a POW: Why, My Brother?], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning Edition), October 6, 2010.
- HIROFUMI HAYASHI, “San Francisco Heiwa Jōyaku to Nihon no Sengo Shori” [The San Francisco Peace Treaty and Japan’s Atonement for the Misdeeds of the Last War], in *Iwanami Kōza Nihon Rekishi 19: Kingendai* 5, ed. Tōru Ōtsu, Eiji Sakurai, Jōji Fujii, Yutaka Yoshida, and Sungsi Lee (Tokyo: Iwanami Shoten, 2015), 1–37.
- AKIRA IKEGAMI and MASARU SATŌ, *Gekidō Nihon Sayoku Shi* [The History of the Turbulent Leftist Movement in Japan] (Tokyo: Kōdansha, 2021).
- IURII IZMYIKO, (Yū Koizumi), “Osoroshia Kōkūki Retsuden (1)” [Horrifying Russia’s Combat Planes], *Kōkū Jōhō* 59, no. 8 (2009): 104–107.
- JTB 100-SHŪNEN JIGYŌ SUISHIN linkai, ed., *JTB Group 100-nen Shi: 1912–2012* [The Centennial History of JTB Group: 1912–2012] (Tokyo: JTB, 2012).

SEIICHI KAJIWARA, "Roshia no Jijō" [The Situation in Russia], *Yomiuri Shinbun* (Osaka: Morning edition), May 5, 1992.

EISUKE KAMINAGA, *Hokuyō no Tanjō* [Constructing 'The Northern Sea'] (Yokohama: Seibunsha, 2014).

EISUKE KAMINAGA, "Utagoe Undō no Naka no Roshia" [Russian Elements in The Singing Voice Movement], in *Ikyō ni Ikiru* 5, ed. YOSHIKAZU NAKAMURA, MITSUO NAGANAWA, and PETR PODALKO (Yokohama: Seibunsha, 2010), 323–338.

EISUKE KAMINAGA, "Utagoe Undō toha Nanika" [What is 'The Singing Voice Movement'?], *Nigata Kokusai Jōhō Daigaku Jōhō Bunka Gakubu Kiyō*, no. 15 (2012): 1–14.

"Katasukashi Kutta Ham" [Radio Hams' Dissapointment], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), October 5, 1957.

HIDEYA KAWANISHI, "Utagoe Undō" [The Singing Voice Movement], in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. TATSUYA TONOSHITA (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 147–149.

"Keiyaku Mushi, Soshō Aitsudu" [Ignorance of Contracts and Successive Lawsuits], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), November 6, 1998.

AKIRA KURIHARA, "Shakai Ishiki no Henyō: Taishū no Sengo Ishiki" [Changing Social Consciousness: Japanese Masses' Consciousness in Relation to Postwar Japan], in *Sengoshisō to Shakai Ishiki*, ed. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 167–212.

SHIZŌ KOIZUMI, *Kyōsanshugi to Ningen Sonchō* [Communism and Respect for Humans] (Tokyo: Bungei Shunjū Shinsha, 1951).

MASAO KUBO, *Polio ni Kōshite* [Fighting Against Polio] (Tokyo: Kubo Masao, 1983).

JUNNOSUKE MASUMI, "Sengoshi no Kigen to Isō" [The Origin of Japanese Postwar History and Its Phase], in *Senryō to Kaikaku*, ed. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 1–30.

KŌKICHI MATSUI, *Reigo Netsugo* [Cold Words, Hot Words] (Tokyo: Matsumura Sanshōdō, 1904).

KŌKICHI MISAWA, (ed.), *Roshia Kansatsudan* [Observation on Russia] (Sendai: Misawa Shoten, 1903).

TĒICHI MUTŌ, *Muteki Nihongun* [The Invincible Japanese Army] (Tokyo: Dainihon Yūbenkai Kōdansha, 1938).

NAIKAKUFU, "Gaikō ni Kansuru Yoron Chōsa: 2 Chōsa Kekka no Gaiyō, (2) Nihon to Roshia, A Roshia ni Taisuru Shinkinkan, Hyō 4: Sankō" [Public Opinion Polls on Japanese Diplomacy: Japan and Russia], Accessed August 30, 2022, <https://survey.gov-online.go.jp/r03/r03-gaiko/zh/h04-s.csv>.

"Nihon demo Mieta" [We Saw It Even in Japan], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Morning edition), October 6, 1957.

NIHON HŌSŌ KYŌKAI HENSHŪ SHITSU, (ed.), *Nihon Hoso Shi* 1 [The History of Broadcasting in Japan] (Tokyo: Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, 1965).

NIHON HŌSŌ KYŌKAI SHAKAIBU, (ed.), *Shōni Mahi wo Otte* [Looking Closely at the Polio Pandemic in Japan] (Tokyo: Fujin Gahō Sha, 1961).

NIHON ROSHIA BUNGAKU KAI, (ed.), *Nihonjin to Roshia Go* [Japanese People and the Russian Language] (Tokyo: Nauka, 2000).

NIHON SHINBUN KYŌKAI, *Nihon Shinbun Kyōkai 10-nen Shi* [The Ten-Year History of the Broadcasting Association of Japan] (Tokyo: Nihon Shinbun Kyōkai, 1956).

“Nikoyaka ni ‘Uchūjin’ [‘The Cosmonaut’ with a Smile], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), May 21, 1962.

NISSO NICHIRO KEIZAI KŌRYŪSHI SHUPPAN GROUP, ed., *Nisso Nichiro Keizai Kōryūshi* [The History of Soviet (Russo)-Japanese Economic Relations] (Tokyo: Tōyō Shoten, 2008).

KAZUO NONOMURA, *Soviet Ryokō Annai* [A Travel Guide for the USSR] (Tokyo: Chūō Kōron, 1966).

YASUHIRO OKUDAIRA, *Chian Iji Ho Shōshi* [A Short History of Public Order and Police Law] (Tokyo: Iwanami Shoten, 2006).

SHIRŌ SADA, “Sodōmei ha Nisso Chūritsu Jōyaku wo Yabutte Nihon wo Shinryakushitaka” [Did the USSR Break the Soviet-Japanese Neutrality Pact and Invade Japan?], *Zen’ei*, no. 65 (1952): 58–61.

TADAO SATŌ, *Nihon Eiga Shi 2: 1941–1959*, Revised version [A History of Japanese Cinemas] (Tokyo: Iwanami Shoten, 2006).

NOBUO SHIGA, *Terebi Bangumi Kotohajime* [How Did Japanese Television Broadcasting Get Started?] (Tokyo: Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, 2008).

SABURŌ SHIMADA, *Nihon to Roshia*, 3rd edition [Japan and Russia] (Tokyo: Keisuishsha, 1901). “Shiberia Yokuryū: Seikan Go mo Tsuduita Kunan no Ayumi” [Japanese POWs in Siberia and Their Hardship Even in Their Homeland], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Edition “B”), October 17, 2015.

“Shimai Teikei Data,” [Data on Twinning Cooperation] CLAIR, Accessed August 30, 2022, <http://www.clair.or.jp/j/exchange/shimai/data/detail/49>.

NOBUO SHIMOTOMAI, *Nihon Reisen Shi: 1945–1956* [A History of the Cold War in Japan] (Tokyo: Kōdansha, 2021).

SHŌBĒ SHIOTA, *Red Purge* (Tokyo: Shinnihon Shuppansha, 1984).

“Showa 23-nen 8-gatsu, Ikoku no Oka: Geinōshi wo Aruku” [August in 1948, Looking Back on Japanese Popular Culture], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), March 3rd, 1986.

DMITRY V. STRELTISOV, “Faktory negativnogo obraza SSSR v Iaponii v period kholodnyi voiny” [Factors of the Negative Image of the USSR in Japan during the Cold War], *Vostochnaia Aziia*, no. 2 (2022): 32–46.

“Sukina Kuni Kiraina Kuni” [Favorite Countries and Dislikable Countries], in *Jiji Tsushin Senryōki Yoron Chōsa 8. Reproduction* (Tokyo: Ōzorasha, 1994).

KAZUFUMI SUZUKI, “Terebi Hōsō” [TV Broadcasting], in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. Tatsuya Tonoshita, (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 144–147.

EIJI TAKEMAE, “GHQ to Nihon Senryō: GHQ-ron” [GHQ and Its Occupation of Japan], in *Senryō to Kaikaku*, ed. MASANORI NAKAMURA, AKIRA AMAKAWA, KOONCHA YUN, and TAKESHI IGARASHI (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005), 33–77.

KIYOKAZU TAKEUCHI, “Nani ga Hittoshita ka” [Which Film Became a Great Hit?], *Screen* 30, no. 3 (1975): 76.

HIDEO TANI, *24-ka Koku Sekai no Tabi* [A World Tour around 24 Countries] (Tokyo: Azuma Shobō, 1972).

TOKYO HŌSŌ SHASHI HENSHŪ SHITSU (ed.), *Tokyo Hōsō no Ayumi* [A History of the Tokyo Broadcasting System] (Tokyo: Tokyo Hōsō, 1965).

TAKESHI TOMITA, *Nisso Sensō: 1945-nen 8-gatsu* [The Soviet-Japanese War, August in 1945] (Tokyo: Misuzu Shobō, 2020).

TAKESHI TOMITA, *Shiberia Yokuryū* [Japanese POWs in Siberia] (Tokyo: Chūō Kōron Shinsha, 2016).

TAKESHI TOMITA, *Shiberia Yokuryūshatachi no Sengo* [Japanese POWs in Siberia and Their Postwar Experience] (Kyoto: Jinbun Shoin, 2013).

TAKESHI TOMITA and RYŌJI NAGASE, (eds.), *Shiberia Yokuryū Kankei Shiryō Shūsei, Revised Edition* [Historical Documents on Japanese POWs in Siberia] (Tokyo: Misuzu Shobō, 2020).

HIROMI TSUJI, “Kayōkyoku” [Popular Songs], in *Sengo no Ongaku Bunka*, ed. TATSUYA TONOSHITA (Tokyo: Seikyūsha, 2016), 127–128.

NAOYA UNODA, “1940-nendai Kōhan no Circle Undō” [The Circle Movement in the Late 1940s], in *Circle no Jidai wo Yomu*, ed. NAOYA UNODA, TAKAYUKI KAWAGUCHI, HIROSHI SAKAGUCHI, KOJI TOBA, IZUMI NAKAYA, and CHIKANOBU MICHIBA (Tokyo: Kage Shobō, 2016), 16–38.

HIROSHI WATANABE, *Utau Kokumin* [A Singing Nation] (Tokyo: Chūōkōron Shinsha, 2010).

YASUSHI WATANABE, “Roshia Soren Anime Senzen Sengo no Nihon Kōkai no Rekishi” [Records on Newly Released Movie Shows of Soviet (Russian) Films in Prewar and Postwar Japan], *Biranji*, no. 40 (2017): 110–131.

REIKO YANAGIKAWA, “Dai-2-ji Soren Kikoku Aiwa, 10-nen Kaeranu Wagako wo Matsu: Ganpeki no Haha ha Kanashi” [A Sad Story about the Second Ship Carrying Returning Soldiers from the USSR: A Mother on a Wharf Waits for Her Son and Feels Sad], *Fujin Kurabu* 35, no. 5 (1954): 134–137.

“Yokohama Michi: 18 Kotei Bakery 1” [Streets in Yokohama: Kotei Bakery], *Asahi Shinbun* (Tokyo: Evening edition), December 12, 2020.

INUHIKO YOMODA, *Nihon Eiga 110-nen* [Japanese Cinema and Its 110-Year History] (Tokyo: Shūeisha, 2014).

TADASHI YOSHIDA, *Inochi Aru Kagiri: Yoshida Tadashi, Watashi no Rirekisho* [‘Until I Live’: Tadashi Yoshida’s Autobiography] (Hitachi: Hitachi Shimin Bunka Jigyōdan, 2001).

YUTAKA YOSHIDA, *Nihonjin no Sensō Kan* [Japanese People’s Views on WWII] (Tokyo: Iwanami Shoten, 2005).

KYONCHORU YUN, *Nihon Shin Sayoku no Kenkyū* [Studies on Japanese New Leftist Movements] (Tokyo: Bokutakusha, 2001).

NEIA MARKOVNA ZORKAIA, *Soviet Eiga Shi* [The History of Soviet Cinema] translated by ŌGI CHIE (Tokyo: Roshia Eiga Sha, 2001).

А. В. УРЯДОВА

**ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ
В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ¹**

**FIRST-WAVE RUSSIAN ÉMIGRÉS' PERCEPTION
OF THE FIRST SOVIET CONSTITUTIONS**

This article is devoted to how the first Soviet constitutions were perceived by first-wave Russian émigrés. Despite the relatively large number of lawyers among them, their analysis of the constitutions was not based on the theory of law. Instead, émigrés measured them against their compliance with the historical development of Russia as well as their compatibility with other laws and by-laws. Russians abroad were primarily concerned about the constitutions' implementation. Any study of this topic will therefore discuss not only these Russians' perception of the documents, but also of the Soviet state and its policies in the 1920s. Especially interesting are the arguments about the role of the Soviets and the Soviet system. This paper examines and compares views held by representatives of different political circles, identifying similarities and differences. Most of the émigrés' analyses of the Soviet system in the 1920s resulted in the following assessments: formal legislation was not being observed in practice; management was being gradually centralized; a transition was taking place away from the dictatorship of the proletariat and towards the dictatorship of the party, the oligarchy, and the autocracy of Stalin; the functions of the Soviet organs were being duplicated and replaced by the Communist Party; and bureaucracy was burgeoning.

Keywords: Soviet constitutions, Russian emigration, Russia abroad, perception

Anna V. Uriadova – DSc in History, tenured professor at the P. G. Demidov Yaroslavl State University. E-mail: uryadovaanna@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0091-0293>

¹ *Citation:* A. V. URIADOVA, "Pervye sovetskie konstitutsii v vospriatii russkikh emigrantov pervoi volny" [First-Wave Russian Émigrés' Perception of the First Soviet Constitutions], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 33–45. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.12

Безусловно, говорить о незамедлительной реакции русского зарубежья на первую Конституцию 1918 г. не приходится, хотя бы потому, что сама пореволюционная эмиграция как явление находилась еще в зачаточном состоянии. Этот документ подвергся анализу чуть позже (в 1920-х гг.) в разрезе его реализации, соответствия историческому развитию России, сопряженности с другими законами и подзаконными актами, в плане сравнения с Конституциями СССР и РСФСР 1920-х гг. Забегая вперед, отметим, что оценка Конституции с точки зрения теории права не встречалась.

Анализ законодательной базы, и прежде всего Конституции не мог быть оставлен без внимания, поскольку для эмиграции закон был основой любого государственного строительства.

Юрист евразиец Н. Н. Алексеев отмечал, что по Конституции каждый элемент советского государства обладал правом самоопределения, самоуправления и автономии, но лишь в теории, на практике децентрализация власти была чисто административной². В СССР же она, по его мнению, находилась в руках неофициальных органов власти – диктатуры коммунистической партии³. То есть, делал он вывод, советская демократия отодвигается на второй план, страна же управляется на основе олигархического начала⁴ и покоится на трех главных основаниях: «1) на привычке русского народа к самоуправлению; 2) на подчас неправомерных действиях правящей партии, допускающей произвол и лишение целых групп населения избирательных прав («буржуев», «кулаков» и др.); 3) на специфике современного советского права, отдавшего преимущество городу (и фабрике) перед деревней»⁵. При этом Н. Н. Алексеев все-таки расценивал опыт создания и деятельности Советов как положительный и важный для самоуправления и самоорганизации в будущем⁶.

Некоторые слои русского зарубежья достаточно спокойно воспринимали советский принцип управления государством (советизм, власть Советов), считали, что он призван стать «потенцированным воплощением, кульминационным пунктом демократизма», его новым

2 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство* (М.: Аграф, 1998), 334, 335.

3 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, «Государственный строй», в *Право Советской России* (Прага: Пламя, 1925. Кн. 1), 29–120.

4 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство*, 336–337.

5 Цит по.: А. И. Доронченков, *Эмиграция первой волны о национальных проблемах и судьбе России* (СПб.: Дмитрий Буланин, 2001), 57–58.

6 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство*, 358.

улучшенным вариантом. На него обратили особое внимание после того, как лозунг «Советы без большевиков» был выдвинут Кронштадтским восстанием.

Уже в дни восстания кадет П. Н. Милюков писал, что Советы популярны в народе, поэтому их можно взять за основу будущего устройства России, создав с их помощью любую власть. Он призывал эсеров и меньшевиков не бороться с ними, не спешить с лозунгом Учредительного собрания, а временно оставить Советы как местные органы, с тем, чтобы уменьшить сопротивление и затем разрушить советский строй изнутри⁷. О возможности сохранения системы Советов в будущем (с некоторой трансформацией или без нее) писали и представители других политических течений (например, евразийцы и младороссы).

При этом некоторые эмигранты, в частности эсер, бывший председатель Временного правительства А. Ф. Керенский указывали на несоответствие реалий советским законам. Так, де-юре декларировалась демократия, прежде всего в системе Советов, на деле же, по его мнению, Советы были антидемократичными и даже антисоветскими образованиями, состоявшими из чиновников. Он считал, что Советская Россия представляла централизованную диктатуру одной партии, власть которой ничем не была ограничена⁸.

Аналогичную характеристику давал и эсер В. М. Чернов, подчеркивая, что Советы лишь формально являются высшими государственными органами, на деле же управляет ЦК партии, который через Политбюро осуществляет надзор за государственными институтами⁹.

Эту точку зрения разделял и эсер Г.И. Шрейдер, который выводил обоснование партийной диктатуры из Конституции и «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», отвергавших буржуазный принцип разделения властей и наделивших ряд советских органов одновременно исполнительной и законодательной властью с целью ее полного сосредоточения в партии¹⁰. Он писал о формальной автономии, которую давал на местах лозунг «Вся власть Советам», отмечая при этом, что она вступала в противоречие с партийной диктатурой.

7 Последние новости. 1921. 18 марта.

8 См. подробнее: И. М. Рыбаков, «Александр Федорович Керенский о России: оценки "Издайка"», *Достижения вузовской науки*, no. 15 (2015): 36–40.

9 См. подробнее: О. В. Коновалова, В. М. Чернов о путях развития России (М.: РОССПЭН, 2009), 233–234.

10 Г. И. ШРЕЙДЕР, «Перспективы коммунистической диктатуры», *Революционная Россия*, no. 59–60 (1927): 25.

Была необходима централизация. «Жестокая борьба между центром и местами, когда центральная власть десятками упраздняла местные советы», закончилась, по словам Г.И. Шрейдера, полной победой центра, закрепленной в новой Конституции РСФСР 1924 г.: советы лишались высшей местной власти, которая переходила к Исполнительным комитетам, становящимся основой всей системы управления¹¹.

Соглашался с этим социолог и правовед Н. С. Тимашев. Он относил СССР к типу государств «с раздвоенной властью, с властью, распадающейся на две системы, из коей одной принадлежат все почести, обычно с властью связываемые, а другой, все то реальное, что дается властью»: «формально правит так называемая «советская власть», то есть власть, по идее базирующаяся на представительстве «трудящихся», но которая по существу находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партией»¹².

В 1925 г. на немецком языке вышел труд Н. С. Тимашева «Основы советского государственного права», в котором доказывалось, что правительственные органы Советского государства являлись только «показным лицом» советского политического режима, действительный же суверенитет принадлежал коммунистической партии¹³. Автор придавал наличию партократии первостепенное значение и в отношении «прав национальностей», поскольку «федерализму, который выступает в качестве одного из важнейших конструктивных принципов советской системы, в системе коммунистической партии соответствует строжайший централизм», имея в виду руководящий партий ЦК, и обязательность его решений для всех ячеек независимо от национальной принадлежности и территориального расположения¹⁴. Н. С. Тимашев полагал, что даже декларируемый федерализм – это временная мера, и вскоре он будет заменен централизмом. Он отмечал, что, несмотря на право самоопределения и признание суверенитета союзных республик, автономии отдельных территорий, в реальности они не действуют, поскольку в СССР господствует централизация. Он вы-

11 Г. И. ШРЕЙДЕР, «Царское в советском (К пересмотру системы управления)», *Революционная Россия*, по. 57–58 (1927): 41.

12 Н. С. ТИШАЕВ, «Проблема национального права в Советской России», *Современные записки*, по. 29 (1926): 394.

13 Н. А. ОМЕЛЬЧЕНКО, *В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности* (СПб.: Изд-во РХГИ, 1996), 358.

14 Н. С. ТИШАЕВ, *Проблема национального права в Советской России*, 394.

делял следующие особенности советского законодательства по национальному вопросу: 1) не равно для различных национальностей; 2) тесно переплетается в своем осуществлении с началом федерализма, порождая при этом определенные парадоксы несоответствия (сопряжение в условиях равноправия, например, РСФСР и Туркменистана (в СССР) или «основного ядра РСФСР» и Карельской республики (в РСФСР)); 3) носит преимущественно декларативный характер. Принятие такой национальной политики он объяснял тремя причинами: необходимостью развития национальных коммунистических ячеек; боязнью национального движения; стремлением создать привлекательный образ СССР за границей¹⁵.

Русский правовед Н.В. Устрялов, которого считают идеологом «сменовеховства» и основоположником национал-социализма, уделяя внимание советской национальной политике, отмечал следующие тенденции: создание новых наций («из коих некоторые подчас даже кажутся призрачными, искусственно оживляемыми») и признание их права на государственное отделение; их идеологическое подчинение общесоветской культуре; признание права народов СССР на культурно-национальное самоопределение и равноправие¹⁶. Н. В. Устрялов являлся приверженцем унитарной модели формы государственного устройства, считая советское федеративное устройство явлением временным.

Историк-евразиец Г. Вернадский считал, что большевики вовремя учли ошибки белых и провозгласили принцип автономии окраин, признавая желательным «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»¹⁷ и используя силу национальных чувств. Он полагал, что отношение к национальностям и национальной проблеме является сильнейшей стороной советского строя, хотя и понимал ограниченность прав субъектов. Он связывал ее не с Конституцией, считая последнюю довольно либеральной (республики имеют право на отделение), но с ролью и доминированием коммунистической партии, стоящей над Конституцией¹⁸.

15 Н. С. Тимашев, *Проблема национального права в Советской России*, 390–392, 397.

16 А. В. Довыш, «Трансформация воззрений Н. В. Устрялова на советское государство», *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, no. 3 (2016): 133.

17 Г. В. Вернадский, *Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры* (М., 2005), 96–98.

18 См.: А. Ю. Дворниченко, «Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма»», *Новейшая история России / Modern History of Russia*, no. 2 (2015): 105.

Среди особенностей национального строительства уже упоминавшийся ранее Н. Н. Алексеев выделял приспособление к ситуации, когда вхождение в федерацию (добровольное или оккупацией) сопровождалось принятием большевистской программы и нового государственного строя. Автор подчеркивал противоречие между интернационализмом и правом наций на самоопределение¹⁹. Соглашаясь с тем, что федерализм – наиболее эластичная форма государственного устройства и наилучшая при децентрализации, Н. Н. Алексеев сомневался, является ли советский федерализм федерализмом²⁰, высоко оценивая при этом наличие в нем качеств, которых лишены западные федерации: силы притяжения и влияния, которые содействуют вхождению в СССР²¹.

П. Н. Милюков писал по поводу федеративного устройства СССР следующее: «...Составные части РСФСР не обладают той степенью самостоятельности, которыми должны обладать федеративные части... СССР – ...эта высшая группировка только с большой натяжкой может назваться «федеративной»... У членов СССР, не говоря уже о РСФСР, нет собственного бюджета, они вполне зависят тут от центра, все ресурсы их народной экономики находятся в распоряжении центральной власти — вплоть до раздачи концессий»²². Отмечалось, что «федеративные части были лишены в этих областях даже тех прав, которые имели старые земские собрания». Он видел, что свободный выход из Союза является не более чем декларацией. И вместе с тем, он верил в возможные будущие перспективы: «советское законодательство может явиться... прецедентом при определении форм будущей федерации»²³.

Н. В. Устрялов в своих трудах 1921–1925 гг. неоднократно подчеркивал роль большевиков в объединении разрозненных территорий бывшей Российской империи и считал их силой, способствовавшей сохранению российской государственности²⁴. Он выступал за сильную государственность, в которой видел гарантию сохранения страны, на-

19 Н. Н. Алексеев, *Русский народ и государство*, 336–337.

20 Н. Н. Алексеев, *Советский федерализм* (Б.м., б.г.), 240.

21 Н. Н. Алексеев, *Русский народ и государство*, 317.

22 Три платформы Республиканско-Демократических Объединений (1922–1924 гг.). *Политический комментарий П. Н. Милюкова* (Париж, 1925), 21.

23 Три платформы Республиканско-Демократических Объединений, 22.

24 А. В. Довбыш, «Трансформация воззрений Н. В. Устрялова на советское государство», 132.

ции и культуры, считал, что большевики стали государственниками и способны восстановить «русское великодержавие»²⁵.

Внимание советской государственной системе было уделено Зарубежным Съездом 1926 г. Так, в докладе русского судебного деятеля, бывшего сенатора В.П. Носовича, называвшемся «Общая характеристика советских декретов», говорилось о том, что они дают ложное представление о советском строе как обеспечивающем неприкосновенность прав населения, самостоятельности законодательных, судебных и административных органов власти. Он считал, что советские органы подменяют собой судебные и другие, выносят решения противоречащие законодательству. В. П. Носович делал вывод, что правовая и экономическая задача большевиков – разрушение всех учреждений и институтов, лежащих в основании правовых государств, и прежде всего религии, собственности и семьи²⁶.

Уже упоминавшиеся ранее юристы Н. С. Тимашев и Н. Н. Алексеев считали, что сам процесс законотворчества и принципы юриспруденции в СССР нарушают все известные традиционные нормы²⁷. С этим были согласны многие эмигранты, отмечавшие чрезмерную легкость в решении правовых вопросов, законодательную чехарду, неопределенность многих документов и другие юридические несоответствия²⁸.

Автор, писавший под псевдонимом Старый Юрист, называл советское законодательство одним из наиболее ярких проявлений безнадежного творческого бессилия: «власть ищет спасения или в возвращении к отвергнутым формам, или в безнадежных попытках окончательно разрушить и вырвать с корнем все остатки прошлого»²⁹. Отмечались отсутствие гарантий применения даже такого законодательства, а также партийная, а не государственная инициатива в законотворчестве³⁰.

Анализируя публично-правовое положение советских граждан, ряд видных юристов-эмигрантов пришел к выводу, что даже с точки

25 Н. В. Устрялов, *В борьбе за Россию* (Харбин, 1920), 12.

26 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7035, оп. 1, д. 6, л. 26.

27 Н. Н. Алексеев, Н. С. Тимашев, «Источники права», в *Право Советской России* (Прага, 1925, Кн. 1), 12–19.

28 «Советские законоискусники», Руль. 1922. 27 ноября, ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 118; Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 47.

29 Старый Юрист, «Заметки о советском законодательстве (независимый суд)», *Борьба за Россию*, по. 2 (1926): 13.

30 ГАРФ. Ф. Р-5680, оп.1, д. 23, л. 49.

зрения законодательства, не говоря уже о практике, «форма властвования в Советской России должна быть признана деспотической в техническом смысле слова», хотя и отмечали, что в годы НЭПа стали возникать «некоторые зародыши свободы, наиболее явные в области неприкосновенности имущества и свободы труда и передвижения, и весьма слабые в других областях»³¹.

Журналист Д. М. Горбацевич (псевдоним Минский Мужик), анализируя советское законодательство, отмечал его декларативность и несоблюдение на практике, уничтожение инициативы на местах³². По его мнению, Конституция 1918 г. знаменовала первый этап большевистской диктатуры (не пролетариата, а над пролетариатом), формирование новой бюрократии назначенцев. Он отмечал ее соответствие всем завоеваниям Февраля, но в то же время – формальный характер и абсолютное несоблюдение в жизни: централизм, уничтожение в народе всего самостоятельного, творческого, роспуск большинства небольшевистских объединений, тотальный контроль над оставшимися, замена социализации земли национализацией, рабочего контроля в промышленности – контролем назначенцев, превращением милиции в армию, попрание права наций на самоопределение (например, в Грузии), уничтожение автономии Советов. По мнению Д. М. Горбацевича, Конституция 1924 г. только закрепила завоевания советской бюрократии, предоставив ей права дальнейшего продвижения по пути диктатуры, результатом чего явились «столыпинская деревня» (хутора) и полный контроль чиновничьей бюрократии над государственной индустрией³³.

Сенсацией в эмиграции стала книга одного из лидеров партии народных социалистов А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал из России»³⁴, в которой он не критиковал большевиков, а напротив, отмечал их заслуги, главной из которых считал восстановление государственности, государственного аппарата управления, который, несмотря на все его несовершенства, справлялся со своими задачами³⁵. Однако обвинявшие автора в большевизанстве эмигранты игнорировали тот факт, что автора устраивала форма, но не содержание.

31 А. В. Боголепов, Н. С. Тимашев, А. В. Маклецов, «Административное право», в *Право Советской России* (Прага, 1925, Кн. 1), 121–214.

32 Минский Мужик, *Правда о Советской России* (Н. Й., 1937), 15, 137.

33 Там же. с. 11–12.

34 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал* (Берлин: Обелиск, 1923).

35 Там же. с. 51.

Он отмечал, что в Советской России существует расхождение между словом и делом, советским законодательством и реалиями жизни. А. В. Пешехонов писал, что с формальной точки зрения там демократия, фактически же – все структуры власти, в том числе и Советы, являются декорацией, техническим аппаратом³⁶, торжествует диктатура коммунистической партии, и прежде всего ее Политбюро³⁷, которые держатся исключительно благодаря жандармским методам. Поэтому автор отмечал, что, несмотря на восстановление большевиками государственности, этот ее вариант хуже, чем был до революции. Во многом с ним были согласны такие общественно-политические деятели, как Е. Кускова, В. Станкевич, М. Осоргин, члены парижской группы кадетов, признавшие «новую тактику» П. Н. Милюкова. Н. В. Устрялов еще во время революции считал диктатуру наилучшей формой правления для страны, находившейся в кризисной ситуации. Поэтому своих работах 1920-х гг. он неоднократно возвращался к этой мысли уже на примере советского государства, полагая, что «диктатура пролетариата» была единственной возможностью «...восстановить бывшее русское великодержавие...» и укрепить международный авторитет страны³⁸.

А. Ф. Керенский, а также группа правых эсеров во главе с Н. Д. Авксентьевым считали, что большевики не сделали ничего положительного в деле восстановления российской государственности³⁹. То, что они создали, не является государственным аппаратом в понимании современного цивилизованного государства, это – система насилия⁴⁰. К Советам они относились как к придатку коммунистической партии⁴¹.

Разделяли эту точку зрения В. М. Чернов и его единомышленники. Они были убеждены, что существование Советов как выборных демократических органов власти нужно большевикам для создания видимости народовластия, на деле же это технический аппарат в руках партии, контролируемый ею и используемый исключительно в партийных

36 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал*, 6; «Что рассказывает А. В. Пешехонов», *Сегодня*. 1922. 10 октября.

37 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал*, 68.

38 Н. В. Устрялов, *Россия. У окна вагона* (Харбин, 1926), 37.

39 См. подробнее: Е. И. Белова, «Демократическая эмиграция о советской государственности», в *Зарубежная Россия. 1917–1939*. (СПб., 2000), 40–46.

40 См., например: «Трагедия русской интеллигенции: (Прения по докладу Н. Д. Авксентьева)», *Последние новости*. 1923. 20 июля; М. Вишняк, «На родине и на чужбине», *Современные записки*, по. 26 (1925): 396.

41 М. Вишняк, «О “свободных советах”», *Дни*, по. 72 (1930): 10.

интересах⁴². Наличие государственной власти в Советской России левые эсеры не считали заслугой большевиков⁴³. В. М. Чернов пришел к выводу, что, восстановив государственность такого типа, большевики сделали шаг назад к самодержавию⁴⁴.

Г. Вернадский отрицал наличие демократии: одна правящая партия, другие партии запрещены. Есть способы самовыражения людей, местные органы самоуправления, но и те, по сути «пляшут под дудку» центра. Свободы слова и печати тоже нет⁴⁵.

Даже те эмигранты, кто признавал Советы как демократическую форму правления, констатировали несоответствие идеи ее реализации, при которой основные принципы были искажены, все атрибуты народовластия отменены: сохранялись в законодательстве, но реально не соблюдались или даже не могли соблюдаться (например, замена выборов назначением, невозможность ряда категорий населения участвовать в выборах⁴⁶).

К выборам, как к одному из символов демократии, было особое внимание. В журнал «Революционная Россия» читаем об «имитации воли выборщиков», при которой вся работа направлена на поддержку коммунистов⁴⁷. В газете «Руль» отмечалось полное безразличие участников к ним, отсутствие агитации и пропаганды. Выборы 1922 г. были названы первыми, давшими надежду одним и вызвавшими опасение других на проникновение оппозиции в Советы. По мнению редакции, этот орган не пользовался престижем, поэтому выборы не вызвали ни активизма сил противостоящих большевикам, ни применения коммунистами давления и принуждения в ходе кампании⁴⁸.

Г. И. Шрейдер критиковал советское избирательное право за его неопределенность, свободное и произвольное толкование на практике, соответствие не основам избирательного права и Конституции, а постоянно изменявшейся избирательной инструкции⁴⁹. Другим его недостатком он называл открытое голосование, исключающее свободу волеизъявления граждан. Поскольку в СССР гарантий юридиче-

42 О. В. Коновалова, В. М. Чернов о путях развития России, 239.

43 См. подробнее: Е. И. Белова, «Демократическая эмиграция о советской государственности», 40–46.

44 В. М. Чернов, «Исповедь навыворот», *Воля России*, по. 13 (1923): 28.

45 См.: А. Ю. Дворниченко, «Георгий Вернадский о советской России», 105

46 См., например: ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 6, л. 11.

47 «Выборы в Московский Совет», *Революционная Россия*, по. 8 (1921).

48 «Перевыборы Советов», *Руль*. 1922. 28 октября.

49 Г. И. Шрейдер, «Перспективы коммунистической диктатуры», 26.

ской неприкосновенности личности, свободы печати и независимости суда не было, поэтому исход выборов, считал Г.И. Шрейдер, зависит от власти⁵⁰. Особое внимание в связи с реформой местных Советов он уделил выборной кампании 1924 г., отмечая ее направленность на создание сильной и влиятельной советской власти в деревне, «окоммунистичиванию» Советов в целом⁵¹. В газете «За свободу» выборы 1924 г. назывались марионеточными и бутафорскими, отмечалось изменение их механизма с целью «из некоммунистического противобольшевистского населения получить исключительно коммунистических «депутатов» в государственные и губернские учреждения»⁵².

Подводя итог, можно сказать, что оценивая советский строй в 1920-е гг., большинство эмиграции сходилось в следующих тезисах: формальный характер законодательства, которое не соблюдается на практике; постепенная централизация управления; декларативность федеративных принципов; переход от диктатуры пролетариата к диктатуре партии, олигархии, единовластию в лице И.В. Сталина; дублирование, а затем подмена функций советских органов партийными, рост бюрократии. При этом оценка тех или иных явлений (например, диктатуры и централизации власти) могла существенно отличаться.

References

- N. N. ALEKSEEV, "Gosudarstvennyi stroi" [The State System], v *Pravo Sovetskoi Rossii* (Praga: Plamia, 1925, Kn. 1), 29–120.
- N. N. ALEKSEEV, *Russkii narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State] (M.: Agraf, 1998), 317, 334–337, 358.
- N. N. ALEKSEEV, *Sovetskii federalizm* [Soviet Federalism] (B.m., b. g.), 240.
- N. N. ALEKSEEV, N. S. TIMAESHEV, "Istochniki prava" [The Sources of Law], v *Pravo Sovetskoi Rossii* (Praga, 1925, Kn. 1), 12–19.
- E. I. BELOVA, "Demokraticheskaia emigratsiia o sovetskoi gosudarstvennosti" [Democrat Émigrées on Soviet Statehood], v *Zarubezhnaia Rossii. 1917-1939*. (SPb., 2000), 40–46.
- A. V. BOGOLEPOV, N. S. TIMASHEV, A. V. MAKLETSOV, "Administrativnoe pravo" [The Administrative Law], v *Pravo Sovetskoi Rossii* (Praga, 1925, Kn. 1), 121–214.
- V. M. CHERNOV, "Ispoved' navyvorot" [Confession Inside Out], *Volia Rossii*, no. 13 (1923): 28.

50 Г. И. Шрейдер, «Перевыборы советов и местная реформа в Советской России», в *Записки института изучения России*. Т. 1 (1925), 179.

51 Там же. с. 185.

52 «Тоже "выборная компания"», *За свободу*. 1924. 23 октября.

Chto rasskazyvaet A. V. Peshekhonov [What A. V. Peshekhonov Says], *Segodnia*, 10 oktiabria, 1922.

A. I. DORONCHENKOV, *Emigratsiia pervoi volny o natsionalnykh problemakh i sud'be Rossii* [First-Wave Émigrés on National Issues and the Fate of Russia] (SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001), 57–58.

A. V. DOVBYSH, "Transformatsiia vozzrenii N. V. Ustrialova na sovetskoe gosudarstvo" [The Transformation of N. V. Ustrialov's Views on the Soviet State], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 3 (2016): 132–133.

A. Iu. DVORNICHENKO, "Georgii Vernadskii o sovetskoï Rossii (k publikatsii stat'i G. V. Vernadskogo "Paradoxy bol'shevizma")" [Georgy Vernadsky on Soviet Russia (For the Publication of G.V. Vernadsky's Article "Paradoxes of Bolshevism")], *Noveishaia istoriia Rossii / Modern History of Russia*, no. 2 (2015): 105.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]

- f. P-5680, op. 1, d. 23, l. 47, 49.
- f. P-5893, op. 1, d. 68, l. 118.
- f. P-6215, op. 1, d. 6, l. 11.
- f. P-7035, op. 1, d. 6, l. 26.

O. V. KONOVALOVA, V. M. Chernov o putiakh razvitiia Rossii [V.M. Chernov on the Paths of Russia's Development] (M.: ROSSPEN, 2009), 233–234, 239.

MINSKII MUZHNIK, *Pravda o Sovetskoï Rossii* [The Truth About Soviet Russia] (N. I., 1937), 11–12, 15, 137.

N. A. OMEĻ'CHENKO, *V poiskakh Rossii: Obshchestvenno-politicheskaia mysl' russkogo zarubezh'ia o revoliutsii 1917 g., bol'shevizme i budushchikh sud'bach rossiskoi gosudarstvennosti* [In Search of Russia: Socio-Political Thought of the Russian Diaspora on the 1917 Revolution, Bolshevism, and the Future Fate of Russian Statehood] (SPb.: Izd-do RKHGI, 1996), 358.

Perevybory Sovetov [Re-Election of the Soviets], *Rul'*, 28 oktiabria, 1922.

A. V. PESHEKHONOV, *Pochemu ia ne emigriroval* [Why I Did Not Emigrate] (Berlin: Obelisk, 1923), 6, 51, 68.

Poslednie novosti [Latest News], 18 marta, 1921.

I. M. RYBAKOV, "Aleksandr Fedorovich Kerenskii o Rossii: otsenki "Izdaleka"" [Alexander Fyodorovich Kerensky on Russia: Assessments "From Afar"], *Dostizheniia vuzovskoi nauki*, no. 15 (2015): 36–40.

G. I. SHREIDER, "Perevybory sovetov i mestnaia reforma v Sovetskoï Rossii" [The Re-Election of Soviet Councils and Local Reform in Soviet Russia], v *Zapiski instituta izucheniia Rossii*. T. 1 (1925), 179, 185.

G. I. SHREIDER, "Perspektivy kommunisticheskoi diktatury" [Perspectives on Communist Dictatorship], *Revoliutsionnaia Rossii*, no. 59–60 (1927): 25–26.

G. I. SHREIDER, "Tsarskoe v sovetskom (K peresmotru sistemy upravleniia)" [Tsarist Elements in the Soviet (Towards a Revision of the Management System)], *Revoliutsionnaia Rossii*, no. 57–58 (1927): 41.

Sovetskie zakonoiskusniki [Soviet Lawmakers], *Rul'*, 27 noiabria, 1922.

STARII IURIST, "Zametki o sovetskom zakonodatel'stve (nezavisimii sud)" [Notes on Soviet Legislation (An Independent Court)], *Bor'ba za Rossiiu*, no. 2 (1926): 13.

N. S. TIMASHEV, "Problema natsional'nogo prava v Sovetskoï Rossii" [The Problem of National Law in Soviet Russia], *Sovremennye zapiski*, no. 29 (1926): 390–392, 394, 397. Tozhe "vybornaia kompaniia" [Another Election Campaign], *Za svobodu*, 23 oktiabria, 1924.

Tragediia russkoi intelligentsii: (Preniia po dokladu N. D. Avksent'eva) [The Tragedy of the Russian Intelligentsia: (A Debate on the Report of N. D. Avksentiev)], *Poslednie novosti*. 20 iiulia, 1923.

Tri platformy Respublikansko-Demokraticeskikh Ob"edinenii (1922–1924 gg.). Politicheskii kommentarii P. N. Miliukova [Three Platforms of Republican-Democratic Unions (1922–1924): Political Commentary by P.N. Milyukov] (Parizh, 1925), 21–22.

N. V. USTRALOV, *Rossia. U okna vagona* [Russia: At the Carriage Window] (Kharbin, 1926), 37.

N. V. USTRALOV, *V bor'be za Rossiïu* [In the Fight for Russia] (Kharbin, 1920), 12.

G. V. VERNADSKII, *Opyt istorii Evrazii. Zven'ia russkoi kul'tury* [The Experience of Eurasian History: Links of Russian Culture] (M., 2005), 96–98.

M. VISHNIAK, "Na rodine i na chuzhbine" [At Home and Abroad], *Sovremennye zapiski*, no. 26 (1925): 396.

M. VISHNIAK, "O "svobodnykh sovetakh"" [On "Free Soviets"], *Dni*, no. 72 (1930): 10.

Vybory v Moskovskii Sovet [Elections in the Moscow Soviet], *Revoliutsionnaia Rossiia*, no. 8 (1921).

JUDIT HAMMERSTEIN

**RUSSIA FROM A HUNGARIAN PERSPECTIVE
LAJOS THALLÓCZY'S STUDY *RUSSIA AND OUR COUNTRY*¹**

In many respects, the work of the historian Lajos Thallóczy, published in 1884 under the title *Oroszország és hazánk* [Russia and Our Country], stands out from the Russia-related studies and writings of his time. The great virtue of this volume is that, in addition to travel experiences, the author also draws on primary Russian archival sources and presents the Tsarist Russia of the 1880s from a wide variety of perspectives, while always keeping the Hungarian point of view in mind. The focus of his attention is the comparative presentation of Russian and Hungarian economic relations, with an emphasis on Russian-Hungarian competition in the grain market. Thallóczy sees the Tsarist Empire as a rival of concern from Hungary's point of view, as well as a promising but untapped opportunity for bilateral trade relations. This method of analysis, which focuses on analogies and parallels, is a feature of the entire volume, including the chapters on travel experiences. The author has published comparative economic and social analyses that have opened up new lines of research and are still relevant today. A further interesting feature of the text is the separate chapter on Russian colonialism, which is also discussed in the context of the Austro-Hungarian occupation of the Balkans. There is a strong emphasis on comments on the Russian character, which abound in virtually every chapter. Mostly, this concerns the formulation of stereotypes that have become fixed in the meantime and which are also known from other travelogues of the time, that are echoed in the memoirs of Hungarian prisoners of war of the First World War and even in travelogues published between the two world wars.

Keywords: Lajos Thallóczy, Russia, travelogue, agriculture, grain trade, colonial policy, Balkans, Pan-Slavism, national characterology

Judit Hammerstein – PhD in History, Deputy Director General of the Hungarian National Museum, lecturer at the Károli Gáspár Reformed University. Email: hammerstein.judit@kre.hu

¹ *Citation: JUDIT HAMMERSTEIN, "Russia From a Hungarian Perspective. Lajos Thallóczy's Study *Russia and Our Country*", *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 47–69. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.13*

In 1884, historian Lajos Thallóczy,² founder of Hungarian Balkan studies, published his study *Russia and Our Country*, the first Hungarian historical work on Russia written from a Hungarian perspective, using primary sources and local experience.

The author's choice of topic was not at all accidental, so it is worth reflecting briefly on the international context of the era. Seen from the perspective of the Dual Monarchy, international politics put the Tsarist Empire firmly in the spotlight. In 1878, the Berlin Congress took place, only a few years before Thallóczy's 1883 study trip to Russia. As a result of the Conference, the European Great Powers had revised the Peace Treaty of San Stefano, signed on 3 March 1878, ending the Russo-Turkish War of 1877-78 and securing excellent headway for Russia in the Balkans. This not only prevented the creation of Greater Bulgaria and Russian dominance in the Balkans, but also recognised Romania, Serbia and Montenegro as fully independent states. The Berlin Settlement (signed on 13 July 1878) created a favourable situation for the Dualist Empire: Austria-Hungary was able to gain influence over the newly created states and was given permission to occupy Bosnia and Herzegovina militarily, thus becoming, in one go, a quasi-coloniser herself. This was an important step in the process in which the Great Powers of Europe not only observed but also sought to influence aspirations for national independence in the Balkans,

2 Lajos Thallóczy (1857-1916) an outstanding academic and historian who became a public figure and occupied important state posts. Born as Lajos Benedek Strommer in Kassa (now Kosice, Slovakia), the son of a family of German officials from Upper Hungary (Felvidék), in 1877 he changed his name from Strommer to Thallóczy. In 1875, he obtained a degree in History and Latin and a doctorate in the Humanities at the University of Budapest, as well as a private teaching qualification in Hungarian Economic History. He worked briefly at the Hungarian National Museum and later at the Hungarian National Archives. In 1885, he was appointed Director of the Court Archives of the Viennese Court Chamber. From 1901, as head of department in the Common Ministry of Finance, he was put in charge of education and culture in occupied Bosnia and Herzegovina. In 1916, he was appointed Civil Governor of Serbia, which was occupied by Austro-Hungarian forces. A member of the Hungarian Academy of Sciences, from 1913 to 1916 he was president of the Hungarian Historical Society. At the request of Prime Minister István Tisza, he and Kálmán Thaly organised the repatriation and reburial of the remains of Ferenc Rákóczi II and his fellow emigrants in 1906. On the 1st of December 1916, on the way home from the funeral of Franz Joseph, Thallóczy became the victim of Hungary's worst railway accident, the Herceghalom tragedy. He was one of the most knowledgeable scholars of the medieval Balkans. It is not a coincidence by any means that in 2008, the Hungarian Academy of Sciences and the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina jointly organised a conference in Sarajevo to discuss Thallóczy's legacy as a historian and politician on the occasion of the 150th anniversary of his birth.

which were developing as the Ottoman Empire, the 'sick man of Europe,' declined. From the Great Power perspective, the question arose as to how the Turkish Empire's European territories would be partitioned and to whose advantage, and also who would dominate the Balkan peninsula. This is how the Austro-Hungarian Empire and Russia came to confront each other as rivals. The Tsarist Empire also used the idea of Slavic brotherhood to gain influence over the peninsula and the new states about to be born; it embraced the independence movements of Balkan nations, and this also gave it an opportunity to secure access to the Mediterranean. But the Monarchy had good reason to fear a fate similar to that of the Ottoman Empire, for the disintegration of the multi-ethnic Turkish Empire could encourage the nationalist independence aspirations of the ethnic groups within the dualist state. This was seen as part of Russia's master plan, pan-Slavism. Moreover, Hungarians, in the course of their 1848-49 Revolution and War of Independence, had experienced, alongside the Russian bayonets, that their national aspirations could be confronted not only by Vienna, but also by the rising nationalism of the Serbs, Croats, Slovaks and Romanians. It seemed to be vitally important to the Monarchy to check Russia's growing influence in the Balkans. Russia and the Balkans were thus a particularly pressing issue in terms of foreign policy during the 1870s and 1880s.³

In the light of the above, it is understandable that Thallóczy took a particular interest in Russia. The historian became well-known not only as an expert on Russian affairs, but as the founding scholar of Balkan studies and Albanology in Hungary. His research, source publications and studies on the history of the Balkans remain of the utmost importance to this day. He focused chiefly on the history of Hungarian-Serbian, Hungarian-Bulgarian and Hungarian-Turkish relations, and he also worked on the history of the Jajce Banate and Bosnia. It was by no means a coincidence that his expertise attracted the attention of Benjamin (Béni)

3 For more on this issue, see inter alia: EMIL PALOTÁS, *A Balkán-kérdés az osztrák-magyar és az orosz diplomáciában a XIX. század végén* (Budapest, 1972) and *Az Osztrák-Magyar Monarchia balkáni politikája a berlini kongresszus után, 1878-1881* (Budapest, 1982); ISTVÁN DIÓSZEGI, *Az Osztrák-Magyar Monarchia külpolitikája: 1867-1891* (Vince, Budapest, 2001); ANDRÁS JOÓ, "'Perfidious Albion' vs 'Austria-Germany': Aehrenthal, Cartwright and the Dual Monarchy: Great Power Policy through the Eyes of Diplomats', in *Studi Finno-Ugriici 1999-2001*, ed. AMADEO DI FRANCESCO, (Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, 2001) 135-191.

Kállay⁴, the Monarchy's common finance minister, and later of Emperor Franz Joseph himself, who regularly sought Thallóczy's opinion on Balkan affairs. Thallóczy became a trusted advisor to the monarch and a regular visitor at the Court of Vienna. Both Kállay and Thallóczy believed that the Monarchy's main economic and political interests lay in reinforcing her presence in the Balkans, and Russia happened to be the major obstacle to this.⁵

As the title suggests, Thallóczy's book is not only about Russia, but also about Hungary. More precisely, it examines the Tsarist Empire of the era from a Hungarian perspective. Russia is presented as an economic competitor on the one hand, and as a country of untapped potential for economic cooperation on the other. His comparison of the economic conditions of the two states not only aims to provide a broader understanding of the specificities of Russian development, but also offers a number of lessons concerning contemporary economic trends of Hungary.

Thallóczy visited the Russian Empire in 1883. His book is the result of a long research trip to Russia, which lasted almost one year. The author's study trip was supported by Minister of Trade, Gábor Kemény, and the publication of the book was backed by State Secretary of the Ministry of Agriculture, Industry and Trade, Sándor Matlekovics. In his introduction, the author also refers to additional assistance he received from officials of the Ministry of Trade and Home Affairs. This determines the content and structure of the study, the main part of which (Chapters III-VIII) is a comparison of the agricultural, industrial and trade development of the two countries, supported by figures and statistics. (Thallóczy can thus be considered the first traveller to pay special attention to economic issues). These rather dry chapters are preceded by the author's introduction and a brief outline of the main events in Hungarian and Russian history juxtaposed with each other as well as the historical contacts between the two countries. This is followed by another brief outlook, entitled *Sketches*

-
- 4 Béni Kállay (Benjámín Kállay) (1839–1903) politician, diplomat, historian, consul general of the Austro-Hungarian monarchy in Belgrade, later common finance minister. Until his death he served as governor of Bosnia. He worked for the economic and cultural prosperity of the province and for peaceful coexistence between Serbs, Croats and Bosniak Muslims. He saw the need to develop an independent Bosnian national consciousness. He was considered to be an outstanding expert and one of the most knowledgeable scholars of the Balkans. Between 1875 and 1878, he edited the political daily *Kelet Népe*.
- 5 FERENC GLATZ, "Lajos Thallóczy – Historiker der Habsburgermonarchie", in *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker* (Hrsg.: Dževad Juzbašić, Imre Ress, Sarajevo-Budapest, 2010), 19–30., 25.

from *Russian Publicism*, which provides information on the birth of Russian national literature, intellectual debates in the press, the major newspapers and censorship, and also informs us about the beginnings and heyday of Slavophilism (introducing two influential characters of the Moscow intellectual world, Mikhail Katkov and Ivan Aksakov), the development of Russian national fanaticism and various other topics. In the last chapter (Chapter IX) we read Thallóczy's travelogue. Captured in colourful sketches of Russian life and illustrated by the excellent drawings of Tibor Dörre, it describes the cities he visited and the people he observed during his journey in an accommodating narrative style. At the end of the volume, statistical annexes containing data on trade between Hungary and Russia (1881-82) are attached. In the light of all this, the various sections, which are difficult to fit together either in terms of style or content (scientific study, statistical data, travelogue...etc.) make the book an unusual mixture of genres. In fact, it is difficult to understand why the author did not publish his travel experiences in a separate work. There is, however, one thematic element of the book that appears in practically every passage, namely, Thallóczy's descriptions and observations of the Russian character.

In his introduction, the author makes it clear that he considers study of Russia indispensable, because the Tsarist Empire is one of Hungary's most important and powerful neighbours. Hungary cannot, therefore, afford the so-called "luxury" of not having sufficient knowledge of the empire. Indeed, in Thallóczy's time, there was only limited available information on the Russian world in Hungary, and very few volumes or studies on Russia had been published from the pens of Hungarian authors.⁶ "For Hungary, Russia's development and political aspirations symbolised the sort of unknown whose solution regulates the equation of national existence", writes Thallóczy, elucidating the problem in an expressive style. In his view,

6 Among the few Hungarian published works on Russia, ISTVÁN LASSÚ's *Az Orosz Birodalom Statistikai, Geographiai és Historiai leírása* (Pest, 1827, 2nd extended edition, Buda, 1831) published in 1827, certainly deserves a mention here. Lassú's geographical, historical and statistical descriptions of several important European states (Great Britain, France, Prussia, etc.) are works that filled a gap. Thallóczy does not mention Lassú, but he does mention Béni Kállay and Mór Gelléri. Clearly, he was referring to Béni Kállay's work entitled *Oroszország keleti törekvései. Történelmi vázlat* (Budapest: Mór Ráth, 1878), in which the author, while analysing the background to Russia's growing influence in the Balkans, also discusses the civilisational characteristics of Russian development and the Russian spirit. In 1881, Mór Gelléri, a prominent figure in Hungarian industrial development, published a study on industrial conditions in the Tsarist Empire. (*Oroszország ipara*. Budapest, 1881).

7 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk* (Atheneum R. Társulat, Budapest, 1984. III).

such ignorance was not acceptable, even though he himself was aware that the image of Russia in the Hungarian public mind was far from favourable, primarily due to the fear of the powerful militaristic empire generated by Russia's assistance in the suppression of the 1848-49 War of Independence.

Fear of lack of freedom and of authoritarianism was firmly embedded in the Hungarian public mind, and this had been confirmed by earlier experiences of Hungarian travellers to Russia before the 1848 War of Independence. István Nogel, for example, travelled to the East in 1842 on behalf of the Hungarian National Museum for botanical and ornithological research, and had visited the entire Caucasus. He compiled a remarkable account of his journey⁸, in which he describes not only Odessa and the landscape, but also the state of public affairs and the despotic system of governance. He arrived in Odessa by boat, where he was quarantined in a building and forced to wait for two weeks. It was there that he was confronted with what it meant to be suddenly deprived of one's freedom. He wrote: "It was there that I first felt the agony of losing golden freedom. Although the rules were made for the good of mankind, the most unpleasant sensations came over me when the servants of the institution closed the door behind us. My cheerful mood suddenly vanished, a fearful gloom came over me, my chest heaved as if the air of forced servitude surrounding the Russian throne were pressing on my Hungarian breath accustomed as it was to freedom, and the whole event had an effect on me from which I could not recover for many years..."⁹ Among the overwhelming experiences, he reports witnessing violence and corporal punishment everywhere: "I have often watched with the greatest sorrow of my heart the canings which are as common in Russia as wishing good day is with us, and I have pondered on this evil system." [...] Besides, there is no land of God where more blows are dealt out than in Russia"¹⁰

Politicians visiting Russia came to a similar conclusion. Unlike Nogel (who travelled with the purpose of doing research) statesmen like Ágoston Trefort (*Utazási töredékek*, [Travel Fragments]. Budapesti Árvízkönyv IV, k. Pest, 1840) and Baron Frigyes Podmaniczky (*Úti naplóból*, [From my Travel Diary], Pest, 1853) travelled to the country with the clear intention of gaining as wide a range of knowledge and experience there as possible.

8 *Nogel István utazása a Keleten*. Revised and published with appendices by the Schultz brothers in Pest, printed by József Beimel, 1847. In: Terebess Ázsia E-Tár, <https://terebess.hu/keletkultinfo/nogel.html>

9 *Nogel István utazása a Keleten*, 17.

10 *Nogel István utazása a Keleten*, 25–26.

Their travelogues, focusing on political power and the methods of the authoritarian regime, had already attracted the attention of the wider public. They both report on the cities, the magnificent palaces and churches of St Petersburg and the cultural institutions, in tones of praise. But they also report emphatically that the traveller feels an oppressive sense of the lack of freedom everywhere. The two travelogues vividly illustrate Historian Emil Niederhauser's observation that "the Hungarian attitude towards the great northern neighbour was one of bias and anxiety, of prejudice and aversion."¹¹ This fear pervades other news reports and articles on Russia in the Hungarian Reform Era periodicals.

The Austro-Hungarian Compromise of 1867 (the *Ausgleich*) created a new situation. Thereafter, fears of pan-Slavism and Russian expansionism threatening the Monarchy's position in the Balkans and Hungary's territorial integrity came increasingly to the fore. As Thallóczy wrote: "Russia, in the midst of her eastern ambitions, is steadfastly seeking to draw those other elements speaking a different language into her sphere of interest, and for whom the existence of Hungary as a state is a thorn in their side. The public opinion of Hungary instinctively looks with concern upon the diversified Slavic-Russian world which is developing in the East."¹²

In Thallóczy's view, despite these misgivings and bad experiences, the study of Russia is an inescapable task, and he himself would like to encourage it with his book. Already in his introduction, the author devotes considerable attention to a description of the Russian people's national character, in which many clichés and stereotypes are found. "The Russian people are in reality, regarding the so-called Little Russians of the West and the settlers of Southern Russia, a good-natured, comparatively industrious, excellently obedient and thus admirably disciplined race, incapable of independent action, and, though studious in enterprise, lacking courage and inclined to drunkenness."¹³ Thallóczy sees the Russians as passive, naming drunkenness as a salient character trait to which he returns several times throughout his study. He does so, for example, when describing the Russian peasantry: "the Russian *muzhik* is lazy, ignorant and, above all, a drunkard. [...] Drinking in Russia is a veritable pathological condition, not difficult to exploit heartlessly."¹⁴

11 EMIL NIEDERHAUSER, „Magyar utazók Oroszországban a XIX. században”, in *Magyar-orosztörténelmi kapcsolatok*. ed. ENDRE KOVÁCS (Művelt nép: Budapest, 1956), 131.

12 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*, 2–3.

13 *Ibid.*, 3.

14 *Ibid.*, 33.

Later, when describing his experiences in Kiev, he does not fail to draw our attention to how drunkenness, the sight of a drunkard, is deeply ingrained in the everyday life of Russians. “The police, according to a new *ukase*, can only touch a drunk man if he has already fallen down, and even then, they are only obliged to take him from the carriage road and lay him on the pavement. This is the people’s fun.”¹⁵

Like the French Marquis de Custine,¹⁶ Thallóczy is struck by the complacency and ambition of the Russians, combined with ignorance, which manifests itself, among other things, in their belief that Moscow and St Petersburg are the centre of the world, the quintessence of all that is desired, as if nothing else existed in the world beyond these cities.

The author attributes importance not only to the image Hungarians have of Russians, but also to how Russians think of Hungarians. According to his experience, Hungarians were not known too well in Russia. At the same time, he refutes claims in the Hungarian press that Russians would hate Hungarians. This, he says, is not true, even though negative articles portraying Hungarians as barbaric and oppressive appear here and there, mainly thanks to representatives of nationalities from Hungary visiting Russia. Similarly, one can come across the image of the brave, chivalrous, romantic Hungarian – which, in Thallóczy’s interpretation, is only to be taken as seriously as ‘admiration for Cooper’s Indians’. In all this, the author is actually pointing to the problem that, at that time, the image of a country was mostly based on superficial impressions and stereotypes, and was therefore not without surprising contradictions. He also returns to the Russian image of Hungary in the section on his travel experiences, pointing out the hypocrisy of the hostile critical stance of influential Slavophile intellectuals and politicians towards Hungarians: “The Russian only understands who the oppressor of the true believer is; whether it is true or not, he does not investigate. The masses have no insight, the leaders have Byzantine morals, they enjoy lying. They hate the German because he competes with and defeats them on their own soil, they hate the pagan Turk, and the “Asiatic” Hungarian – as Aksakov the Tatar calls him – because he oppresses the Ruthenian, whose singing is not even allowed here on his own soil because he oppresses the Serbian

¹⁵ Ibid., 192.

¹⁶ Frenchman (Adolphe de) Marquis de Custine’s (1790–1857) major travelogue *La Russie en 1839*, published in 1843, had a major impact on the way foreigners thought about Russians, but also on the way Russians reflected on themselves. This influence is still felt even today.

Church, which is independent on Hungarian soil.”¹⁷ The above is vividly expressed by Aksakov’s remark, made in the company of Thallóczy: “You (i.e. the Hungarians), so to speak, are cleverly, I would say in an Asiatic manner, destroying your nationalities, our brothers, the Slavs. Your government gives the Ruthenian, Serb, Slovak etc., the right to shout, to enjoy a frivolous nothing, but really does nothing more than to refresh the dwindling Hungarian population proper, which is of course made up of the other nationalities.”¹⁸ In Thallóczy’s view, Russians with real experience, such as the Russian soldiers who were sent to Hungary in 1849, on the other hand, had sympathy for the Hungarians.

The main body of the study is a comparison of the two agrarian states, i.e. the conditions of Russian and Hungarian agriculture, respectively. The author devotes special attention to agricultural conditions, land tenure relations and the different, geographically distinct farming areas. The chapter entitled “Primitive Russia” also briefly describes the situation of the Jews, the general antipathy towards Jews and anti-Semitic movements. Thallóczy also mentions the conservative, strong-handed politician Ignatyev in connection with anti-Jewish measures, without explaining who he really was.¹⁹ It is worth mentioning here that news of the harsh treatment of Jews became known beyond Russia’s borders abroad, including Hungary. Another Hungarian traveller, Zsigmond Falk, who visited Moscow in 1898, invited as a guest of the International Congress of the History of Medicine, at least highlights in the introduction of his travelogue that, in addition to reports of the oppressive nature of the experience of crossing the border, news of the persecution of Jews would have deterred many from visiting Russia.²⁰

17 Ibid., 200.

18 Ibid., 23–24.

19 Nikolay Pavlovich Ignatyev (1832–1908) Russian diplomat, statesman, Minister of the Interior from 1881–82. During his time as minister of the interior, Jewish pogroms took place. Ignatyev significantly expanded the powers of the police in an effort to strengthen state authority. He drafted the so-called May Laws, which restricted the settlement rights and freedom of movement of Jews. Although, as Thallóczy notes, the fall of Ignatyev in 1882 brought an easing of the situation, the provisions remained in force until the fall of the Romanov dynasty in 1917, and a number of further restrictive measures were introduced after 1882. MIHAIL HELLER, *Az orosz Birodalom története* (Budapest: Osiris Publishing House – 2000, 1996), 561–562.

20 DR. ZSIGMOND FALK, *Oroszország Utí vázlatok* (Budapest: Kilián Frigyes M. Kir. Egyetemi könyvtár, 1898), 13.

Thallóczy addresses the phenomenon of serfdom emphatically, among other things, describing the ancient Russian farming institution of the *mir* in relative detail. He compares the Russian abolition of serfdom with the liberation of Hungarian peasants in Hungary, pointing out both the similarities and the essential differences. As a different element, he mentions that the Hungarian peasant is more educated than the Russian one and that his liberation in Hungary is carried out by the liberal nobility, the way for it being prepared by a serious and lengthy parliamentary debate, while in Russia nothing similar had happened before the imperial decision. Thallóczy describes the compensation process in detail, including the relevant legislation, and includes statistics on the specific compensation paid out in the 1850s, broken down by administrative district. He interprets the impoverishment of the Hungarian landed gentry, a phenomenon also observed in Russia, as a negative consequence of implementation anomalies following liberation. He compares the two countries' grain production, animal husbandry, industrial and commercial relations and presents statistical data. Thallóczy concludes that Hungary has a higher economic and technical level of grain production and animal husbandry, while Russia has not yet reached the limits of its development potential. In terms of grain production and exports, he points out, the Russian growth rate is far ahead of Hungary's, which is a source of concern for the author. A particular virtue of the analysis is that Thallóczy compares Russian productivity not only with that of Hungary, but also with that of the US and other European countries (France, Germany, Austria, England, etc.) in a broader international context providing an instructive picture of the Hungarian level of development, too. At first glance, the Russian figures are almost always impressive, but in terms of area and population, Thallóczy's comparative figures always show that many Western states, including Hungary, are ahead of the Tsarist Empire. However, in the context of the comparison of grain exports, he also draws attention to the significant Russian competitive advantage that is manifested in Russia's unhesitant implementation of reforms to make Russian grain trade more competitive (as opposed to Hungary). Thallóczy sees the lack of industrial skills and know-how in the Western sense and in the character of the Russian worker as the major obstacles to Russian industrial development. Here, again, Thallóczy is not sparing in his comments on national character. The Russian worker, is, in his view, more suited to obedience than leadership and lacks the capacity for innovation, the logical consequence of which is that the leaders are almost always foreigners. Nor is it a coincidence

that Russian trade is controlled by foreigners, primarily Jews. Although Thallóczy acknowledges the peasant craftsman's manual dexterity, his torpidity and lack of perseverance make him unfit to succeed in business.

Thallóczy points out the insignificance of Hungarian-Russian trade, which he also backs up with figures: "As far as the direct trade of our country with Russia is concerned, it is very small in both volume and value."²¹ He makes concrete proposals to change the situation. In his opinion, the situation would be greatly improved if Hungarian trade could establish direct links with Russia, independent of the Austrian intermediate railway lines. In addition, Hungary should explore opportunities in Russia with the help of seconded agents, while the reduction of Russian customs duties could also be a step forward in intensifying trade relations. He sees the greatest potential in strengthening exports of Hungarian machinery, furniture and wine.

Thallóczy devotes a separate chapter to the history of the Russian-Hungarian wine trade, noting that Hungarian wine exports to the Russian market were declining in the early 1880s, the reasons for which, he explains, were not only the high Russian customs duties but also the fact that Hungarian rail transport proved to be extremely expensive, especially by international standards.

One of the most remarkable chapters of Thallóczy's comparative economic analysis is his presentation of Russian colonial policy. In this respect, he is decidedly positive about the Russians: "The Russian can colonise. In the East, this talent is conspicuous."²² One of the driving forces behind this success, he says, is the ability of Russians to mix with other peoples, which of course proves most effective where Russians are in the majority. However, he also points to the negative consequences of the colonisation of Siberia, which include the destruction of the "Siberian Indians", i.e., the indigenous peoples, the local peasants, either through armed resistance or through venereal disease or alcoholism. "In commercial terms, Siberia today is to Russia what Hungary used to be to Austria in the time of Joseph II, what Turkey is now to England and France. It is an excellent place for husbandry, the production of raw materials, which is forced to buy the bad industrial goods of Moscow and Ivanovo".²³

²¹ LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*, 164.

²² *Ibid.*, 171.

²³ *Ibid.*, 176.

Concerning the subject of Siberia, Thallóczy also refers to political exiles (who, according to his figures, account for around 20% of the internal exiles), but is somewhat puzzled by the fact that Europe considers this to be a form of unprecedented torture, while he believes that the situation of political prisoners in Russia's central prisons happens to be a lot worse.

According to Thallóczy, the most successful Russian colonisation took place in the Caucasus. He explains this by the clever civilising measures and paternalistic behaviour of the Russians: 'Russian colonialism had its greatest triumphs in the Caucasus. The peoples of the Caucasus were not exterminated or subjugated by the Russians, but instead educated as if they were children.'²⁴ He did this so successfully that, in his view, the Armenians and Georgians became true Russian patriots. The successful mission included building infrastructure and administration and bringing Germans and Swiss settlers to the area. Thallóczy considers this colonialist attitude, combined with introducing the attributes of civilisation, to be particularly instructive, and in many respects a model to be followed in the Monarchy's 'cultural mission to the south', in its policy, that is, towards Bosnia and Herzegovina occupied in 1878. He points out, however, that while the Russians were civilising Asian peoples, eliminating the Armenian and Tatar Caucasus and the Kingdom of Georgia through Russification, the dualist state had to adopt a more prudent and cautious form of governance in order to gain lasting influence. At the same time, Thallóczy notes that Russian expansion has become complicated by the circumstance that it has often aimed at conquering peoples more advanced than the Russians (the western and northern "periphery", for example), which has often led to a violent form of expansion. As a further obstacle, he also mentions nihilism, which he says was spreading among Russians like a kind of 'social cancer'. When presenting Russian colonialism, Thallóczy focuses primarily on the expansion to the East. He notes that Russian expansion continued unabated, with the Tsarist Empire firmly established already in Central Asia. The chapter concludes with the author's suggestion that Russia is increasingly becoming a world power. Russia's struggle with Britain and China in Asia and the Far East will influence the fate of the entire West in the future.

²⁴ Ibid., 178. It is true that at the time of Thallóczy's visit to Russia, the situation in the region was consolidated, but this was not always the case. The Caucasus was only pacified by the end of the 1850s, after some half a century of warfare against the mountain peoples. MIHAIL HELLER, *Az Orosz Birodalom története*, 480–482.

The last quarter of the volume, some sixty pages long, is a summary of Thallóczy's memories of the voyage and a marked departure from the previous sections in style and genre. (It cannot be ruled out that the reason behind this editorial solution, which is difficult to understand, may have been that the illustrated travel section would make the drier analyses full of statistical data more attractive to the public. This is at least suggested by the fact that in 1884 the reviews published in Hungarian newspapers highlighted primarily Thallóczy's travelogue.) It is surprising, however, that relatively little is known about truly personal aspects. For example, it remains largely obscure when exactly the author set out on his journey, how he organised it, where he stayed, and we can only deduce from a few passing remarks whom he met and with whom he exchanged views, for example among Russian intellectuals and influential people.²⁵ This is all the more unfortunate as Thallóczy not only spent a relatively long time in Russia, but his excellent command of Russian would have helped him establish extensive contacts. However, he had been consciously preparing for the trip and had certainly read the major German and English studies on Russia mentioned in the volume's preface. Also, one of his notes shows that he was familiar with the classic travelogue of "Sigismund Herberstein" (*Rerum Moscoviticarum Commentarii* [Notes on Russia], 1549). and the work of the Russian slavophile writer Nikolai Yakovlevich Danilevsky. That he may also have read Russian fiction is also clear from a reference to it, for example in the section on the Caucasus.

In addition to Moscow and St. Petersburg, Thallóczy made a major tour of the provinces, visiting Odessa, the Crimean Peninsula, Nizhny Novgorod, Kazan, Astrakhan, Orenburg, and the Kyrgyz desert on camelback, gaining an insight into the life of the Kyrgyz *kibitkas*. These were more or less the same cities and regions visited by the engineer Joseph Popper²⁶ some 50

25 In the foreword to the book, Thallóczy thanks those who helped him on his journey. Among them are merchants and diplomats, such as István Burián, Consul General in Moscow, and the commissioner of the Moscow World Expo. LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*. V.

26 The engineer József Popper visited the Soviet Union in 1924 to study local transport conditions. This gave him the opportunity to make a smaller tour of Moscow and Leningrad, Nizhny Novgorod and Tula, but also to travel through the Volga region, via Kazan and Simbirsk, as far as Samara, and to get a glimpse of life in Bashkir and Kyrgyz villages. He published an account of his travels. See JÓZSEF POPPER, *A mai Szovjetország. Egy tanulmányút élményei* (Budapest: Világirodalom Publication, 1926). For more on the travelogue, see JUDIT HAMMERSTEIN, „Előre a múltba. Egy mérnök útbeszámolója a bolsevikok földjéről”, *Kommentár közéleti és kulturális folyóirat*, no. 2 (2021): 27–37.

years later – visiting the country of the Bolsheviks – the difference being that Popper did not visit the Crimean Peninsula or the Caucasus, but did go to Voronezh or Samara.

When it comes to gaining a visual impression, we cannot really read particularly exciting landscape descriptions in Thallóczy's work: either because the landscapes he sees do not really capture his imagination, or, if they do, as in the case of the Caucasian mountains, because the multitude of romantic descriptions from Russian poets prevents him from trying to express in enthusiastic lines the beauty of what he sees. However, when he sees the *shadoofs* and peasant houses, he notices striking similarities between the Russian countryside (for example, around Kishinev and Kiev) and the Great Hungarian Plain. It is this experience of kinship, by the way, which was also noticed by contemporary Hungarian analysts of Russian literary works, and which Hungarian soldiers who were taken prisoners of war by Russia during the First World War were able to witness much later, looking out of the window of the train to Siberia. Contrary to some contemporary and later travelogues, Thallóczy's descriptions of towns and cities are sometimes colourless. While little is said about the two capitals, the author writes about Kiev with great detail and even rapture: "An unforgettable sight opens up before our eyes. In the midst of the groves, the blinding whiteness, green-roofed houses, golden-domed churches, the shimmering waves of the Dnieper, and in between, huge, cold buildings melt into one another; the playful sunlight reflecting off the golden domes is almost blinding. While Odessa, this Russian Trieste, with its jumbled people, is more like an international emporium, Kiev is a true Russian city."²⁷ Thallóczy tries to bring Russian cities closer to his readers, to make them imaginable, by juxtaposing them with a Hungarian city: Odessa is the aforementioned "Russian Trieste", Kiev "the Russian Esztergom", Moscow "the Russian Debrecen", St Petersburg "this similarly nationalised big city", the Budapest of the Russians, while Bakhchisaray in Crimea is the "Tatar Miskolc", where one in ten people work as a bootmaker.

Thallóczy is constantly seeking similarities and trying to point out possible analogies, so in addition to the similarities between the Russian and Hungarian landscapes, he also draws the attention of his readers to the fact that Russia's border regions, like those of Hungary, are inhabited by other nationalities: "In some respects, the Russian and the Hungarian element are in an analogous situation. The empire is surrounded on the

27 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*, 187.

edges by foreign nations. In the west, Finns and Poles; in the south, Tartars; in the north, Finno-Uralic peoples; in the east and south-east, Tartars and Muslim tribes.”²⁸ Russian-Hungarian parallels, like references made with regard to Hungary, are numerous. When describing his experiences in Odessa, for example, he does not fail to note that there are landowners of Hungarian origin living in that area, and he also points out – to prove that in Russia there is an interest in Hungarians – that one of Mór Jókai’s most popular but controversial novels, *The New Landlord*, written in 1862, will soon be published in the Odessa newspaper *Vjestnik*.

While he sees St Petersburg as just an official “institution” which is not worth wasting much time on, Moscow, the real Russian city at the heart, is, in its bizarreness, a kind of essence of Russian civilisation and full of contradictions. “(...) Venice on the mainland; rich, miserable, religious, indifferent, national, mixed seventy-seven times, selfish and expansive, and yet in the end, Muscovite: that is its character.”²⁹ “If I may use an analogy, Muscovite civilization is very like the enamel of Russian jewellery, colourful, flowery, shiny, but very peculiar.”³⁰

The romantic point of view, which will characterize the descriptions of many a Hungarian reminiscence of captivity in Russia during the First World War, appears here and there in Thallóczy’s work: he portrays the Circassian men, who are drawn into the mountains and resemble the “eagles roaming above them”, as real giants. “Their problem is that their virtues are too virtuous for the modern world, and their faults and prejudices are incompatible with what Russians, often falsely, call civilisation.”³¹ It is not entirely clear whether Thallóczy is referring to the downside of modernisation in general, or to the falsity of the civilisational superiority claimed by the Russians.

In the first chapters of the book, the author speaks only in passing about the lack of freedom and the climate of anxiety that previous Hungarian travellers had often condemned, referring for example to the repression of Jews, the unthinking Russian press and censored foreign newspapers, or the spies who could easily appear anywhere. On the subject of student life, which he sees as a ‘special phenomenon,’ he notes that it is a hotbed of revolution and terrorism, but that the primary cause of this is the misery

28 Ibid., 241.

29 Ibid., 197.

30 Ibid., 193.

31 Ibid., 232

of students and the way they are treated. In describing the experience of the trip, he is more explicit about the authoritarianism he witnessed: 'No one dares to think, the people do not know what to do. Eight to ten people are arrested every day, no one knows why. Only days later they whisper that this person or that one is under lock and key. The police are violent but not brave.'³²

Nor does poverty escape Thallóczy's attention. He confronts the misery of ordinary Russians, for example, by observing day labourers and stevedores in the Dnieper port of Kiev. He contrasts the misery of the Russian people with the rampant debauchery of the intelligentsia: 'The Russian intelligentsia rivals the Babylonians, fun-seeking, revelling, spending, one might say, to the point of frenzy. And all this is patriotically guarded by the government. The people are allowed to live as they can, the rest enjoy the present – let them not think. And yet they think.'³³

In Moscow, he visits the National Exhibition, which he finds particularly enlightening in terms of understanding conditions in Russia: 'In it we see a true-to-life photograph of today's Russia: a vast, populous state, expanding like oil and moving in its own way.'³⁴ He concludes that the educational materials exhibited reflect the low quality of public education, and the machinery on display convinces him of the dependence of Russian industry on foreign countries, even though the Russians try to present products imported from abroad as their own. With the exception of Russian jewellery, needlework, woven and painted goods, and the practical products of the Finns, which he praises, Thallóczy is rather disparaging about what he sees. In his view, the exhibition also points to the fact that some of the peoples of the borderlands (Poles, Finns, etc.) are more advanced than the Russians. The falsity of Russia's ambition and sense of superiority, which Marquis Custine sharply criticises, and the contradiction between Russia's self-image and reality, are exposed by Thallóczy's conversation with a Russian. This demonstrates that, despite the poor quality of the products on display, the Russians seem to be very pleased with themselves: "'Look at these splendid wardrobes! Can't you see what a high level our industry is at? What is the Paris exhibition compared to this?'" said an enthusiastic Russian friend of mine, as he led me through the exhibition. He went even further in his

³² Ibid., 241.

³³ Ibid., 188.

³⁴ Ibid., 197.

enthusiasm, berating foreigners, Germans and French alike [...].”³⁵ Another remark of Thallóczy’s about Moscow reveals the Russians’ disparaging, often hateful attitude towards foreigners: “All true sons of Moscow despise foreign forms, but blindly imitate them. Yet they still consider themselves the most excellent nation in the world.”³⁶ Russian contempt and hatred of foreigners and foreign influences is also a recurrent feature of contemporary observations of Russia. For example, Béni Kállay, in one of his studies mentioned above, in analysing the development of Russian civilisation and the characteristics of Russian public spirit, names three defining factors, among which, in addition to the Tatar rule and the static and inflexible orthodoxy associated with the state, the hatred of ideas from foreign lands is mentioned as a third factor.³⁷ However, Thallóczy believes that envy is the primary reason behind Russian xenophobia: “The Russian knows only Russians, he hears his master speak French, he knows that there are Germans (немец), because he lives among them, and where the latter have a foothold, there is greater prosperity, and so he looks at them with a more evil eye. This envy is the natural consequence of the psychological relation which exists between the clever and the stupid, the poor and the rich, the industrious and the unprofitable.”³⁸

Observations and remarks on the Russian character permeate the passages on his travel experiences. Like other travellers, Thallóczy notes the extreme manifestations of the Russian character: “Alongside the natural animalistic goodness, there is also a rough, uncontrollable instinct for destruction, which needs only a spark. They cannot be influenced by intellect; you must give them a material, a tangible goal, and they will understand it. The government understands the condition of its people. To reduce the drinking of pálinka [vodka], free pictures are distributed, where eight-tailed, red-tongued devils with forks take the drunken muzhik to hell. This is what they understand.”³⁹ The theme of drunkenness, of unbridled drinking, recurs here too: “[...] the Russian people are a cheerful people, they love fun, it is alcohol that brings out the animal in them.”⁴⁰ It is noteworthy that several decades later, Gyula Illyés, who visited the Soviet Union in 1934, also describes in detail the link between drinking,

35 Ibid., 200.

36 Ibid., 193.

37 BÉNI KÁLLAY, *Oroszország keleti törekvései*, 61.

38 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*, 3.

39 Ibid., 196.

40 Ibid., 185.

drunkenness and the Russian character. Illyés, however, does not associate drunkenness with animal behavior, brutality, but his viewpoint is much more romantic: he discovers in the consequences of Russian drunkenness the expression of Russian sentimentality and a childlike attitude.⁴¹

Thallóczy also visits the famous Rumyantsev Museum,⁴² where, among other things, all the Slavs of the world can be seen in wax figures and national costumes. The exhibition convinces Thallóczy that there are such great differences in the development of the Slavic peoples that it is practically impossible to equate them. This was the view of Béni Kállay, who argued that the Slavic peoples were so different in language, customs and morals that there was really nothing to fear from pan-Slavism: there was no reality in unified Slavic aspirations. This notion is vividly expressed in Count Gyula Andrásy's mocking remark, quoted by Thallóczy, in connection with Katkov's comment on the peaceful coexistence of the great Slavic race, " ... they (the Slavs) get along together very peacefully: stuffed like this."⁴³

Thallóczy also reveals the extraordinary ethnic and ethnographic colourfulness of Russia (which later deeply impressed Popper as well), including the anthropological characteristics, dress and character of the different ethnic groups. Thus, the Caucasian peoples, the Georgians, Circassians, Tatars, Mordvins, Cheremis, Volga Germans, Kalmyks, Armenians, Jews, Gypsies, Kirghiz, etc. are mentioned, with the author also making a few pointed remarks on their national character.

Thallóczy also travelled to the villages, gaining an insight into the life of Russian village manors, whose hospitality and economic decline he contrasts with the Hungarian noble mansions. From his experiences in the villages, Thallóczy finds the optimistic developmental perspective of some Russians, like Danilevsky, that Russia could soon become the America of Europe, unimaginable.

41 "Alcohol, it seems, brings out the original tendencies of all peoples: in the Russians, at least in those I have seen, it is a softness, a childish openness, a certain immense desire to communicate... The Russians I observed did not drink as our people do, for example; they did not get drunk from glass to glass in the midst of pleasant discussions. From one minute to the next, from perfect sobriety, they suddenly threw themselves into intoxication, as into some abyss." GYULA ILLYÉS, „Oroszország 1934”, in: Uő (idem): *Szíves Kalauz* (Szépirodalmi Könyvkiadó: Budapest, 1974), 111.

42 The famous museum operated between 1831 and 1924, first in St Petersburg and then in Moscow. Its successor is now the Russian State Library.

43 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk*, 199.

Thallóczy also visits Nizhny Novgorod. He is not particularly enthusiastic about the world-famous fair, but neither is he enthusiastic about the city itself. Here, too, he points out the drunkenness of the Russians and criticises the extremely dirty, miserable accommodation on the outskirts of the city, where, he says, “in Hungary even the gypsies live in greater comfort.”⁴⁴

He also visits Kazan and Astrakhan. In a few words, he describes the Tatars and the Germans living around Samara, he mentions the language relatives of the Hungarians, who he finds are dwindling, travels across the Kyrgyz desert, and visits Caucasian towns, including Tiflis (present-day Tbilisi).

He highlights religious blindness and superstition in Russia. Like many observers of his time, he finds that Russian religiosity was more manifested in outward appearance. He criticises the priests, whom he sees as having little concern for the interests of the people. “The true Russian fanatic is devoted to his Church, a true Christian Muslim, but his priest is indolent; he treats his people as he sees fit and, for money, opens wide the way for other religions. This is the reason why this state of ‘Russian faith’ par excellence can boast of the most denominations.”⁴⁵ On the subject of religion, he refers to the Russian hatred of Poles, which is rooted in religious differences. On the subject of his experiences in Kiev, he also describes his visit to the Lavra Monastery, where he notes that the Eastern Church is on display in all its splendour and richness.

Of particular note is Thallóczy’s observation on the social status of women. It is as if the progress of women to success here is further ahead than in Europe. Men are indecisive, inconsistent and childishly emotional. But women are not like that: “As if men’s determination were all theirs, many a woman is character in the literal sense, whether this be good or bad. The Russian quest for female emancipation is not only a disease of theory in action, but the fulfilment of a woman’s individuality. If it were up to women, Russia would take a different shape.”⁴⁶ Thallóczy is, of course, aware that the position of women in a country so diverse both ethnically and culturally can hardly be described in one way. After all, it also happens, for example, along the Volga, that “... the hardest manual labour is done by women. They carry the wood and stones to the boats and replace the

⁴⁴ Ibid., 207.

⁴⁵ Ibid., 3.

⁴⁶ Ibid., 215–216.

Tatars who carry the loads. And that is quite natural here. The men play the role of overseers."⁴⁷ But he marvels even more at the peculiar yet self-evident "inversion" of gender roles and behavioural patterns common in Europe: it is taken for granted that "some governors are very good at embroidery and sewing, while women are excellent at administration." This also reinforces the author's conviction that in Russia anything is possible, and vice versa. Like Lajos Thallóczy, some thirty years later, the POW writers of the First World War also noted that Russian women were more proactive and that their social role was different from that at home. They found that the social conventions and norms of behaviour expected of women in Western culture did not seem to apply in Russia. Thallóczy is also struck by the freedom that pervades the love life of Russians, but he does not see this as a romantic, attractive aspect, but associates it with a general lack of morality in everyday life: "Love, in all its varieties, has found a happy ground here. It is fashionable to live in a lawless way: even priests dare not speak of so-called morality."⁴⁸

On his way home, Thallóczy is confronted with the Russians' ambitions for world power when he overhears a conversation: "When I boarded the ship, a Lutheran priest from St Petersburg, a Russian lieutenant-general and the ship's engineer were talking about the future and dividing up the world. Asia was given to Russia as far as China, only Paris and London were left in Europe, and the Lutheran priest stipulated that the Pope should live in St Petersburg."⁴⁹

SUMMARY

Thallóczy's work is difficult to define in terms of genre, as it includes scientific analysis, statistical reports, and a travelogue written in a much lighter style. The great virtue of *Russia and Our Country* is that, in addition to his experiences, the author also draws on primary Russian archival sources, and presents the Tsarist Russia of the 1880s from a wide variety of perspectives, while always keeping the Hungarian point of view in mind.

The focus of his attention is the comparative presentation of Russian and Hungarian economic relations, with an emphasis on Russian-

⁴⁷ Ibid., 216.

⁴⁸ Ibid., 197.

⁴⁹ Ibid., 234.

Hungarian competition in the grain market, so that (thanks to published statistics) their two states of economic development can also be assessed in a broader international context. Thallóczy sees the Tsarist Empire as a concerning rival from Hungary's point of view, as well as a promising but untapped opportunity for bilateral trade relations. This method of analysis, which focuses on analogies and parallels, is a feature of the entire volume, including the chapters on travel experiences. A further interesting feature of the text is the separate chapter on Russian colonialism and the eastward expansion of the empire, which is also discussed in the context of the Austro-Hungarian occupation of the Balkans.

Compared to other contemporary travelogues, Thallóczy's gives a more nuanced picture of Russian society: his travel report presents a panoramic view of the typical characteristics of Russian (mostly) urban society. Like other observers of his time, he too captures the atmosphere of lack of freedom (the "gag" on the streets or in official circles, arrests, the presence of spies, censorship, etc.), but without overemphasising it. He does not, for example, report on his experiences of crossing the border, which other travellers condemned. It is telling, however, that at the end of his study trip he says goodbye to Russia with some relief: "I left this strange country of contrasts, where life is so easy and so difficult, with a certain sense of relief."⁵⁰

There is a strong emphasis on comments on the Russian character, which abound in virtually every chapter. Mostly, it is about the formulation of stereotypes that have become fixed in the meantime, stereotypes which are also known from other travelogues of the time and echoed in the memoirs of Hungarian prisoners of war of the First World War, and even in travelogues published between the two world wars. In Thallóczy's case, however, the focus is not on the romantic Russian so familiar from classical Russian literature, but on the passive, sluggish Asian character, one of whose most defining characteristics is a tendency to drunkenness, which brings out the roughness and savagery inherent in Russians in a spectacular way. He, like Hungarian travellers in general, sees himself as an observer from the West, coming from a more developed, civilised world. He perceives the backwardness of the Russian world (education, technology, infrastructure, housing conditions, the lack of civilisation of peasants, etc.) with a sense of Western cultural superiority, but he also notices Russian ambition, a disdainful attitude with a tendency towards

⁵⁰ Ibid., 242.

hatred and disparagement of foreigners, and the extreme contradictions of the Russian character.

In many respects, Thallóczy's work stands out from among the Russia-related studies and writings of his time. Drawing on Russian archival sources, and as a result of tenacious research, the author has published comparative economic and social analyses – for example, a detailed account of serf emancipation and its consequences, or the institution of *obshchina* – that opened up new lines of research and are still relevant today. And what distinguishes his travelogues from contemporary travelogues is that, despite the light narrative style, the author's scholarly attitude and political interest shine through in his colourful portrayals of life, for example in his more in-depth depictions of Russian society, his reflections on the Nizhny Novgorod Fair and the museums he visited.

Taking into account the author's intention to “present a fair and – I emphasize – impartial picture of what an unbiased Hungarian man has seen, heard and experienced in Russia,”⁵¹ it can be concluded that Thallóczy was not completely unbiased, but his effort to publish a largely objective work can hardly be disputed.

References

- ISTVÁN DIÓSZEGI, *Az Osztrák-Magyar Monarchia külpolitikája: 1867–1891* [The Foreign Policy of the Austro-Hungarian Monarchy: 1867–1891] (Vince, Budapest, 2001)
- Zsigmond Falk, *Oroszország Uti vázlatok* [Travel Sketches from Russia] (Budapest: Kilián Frigyes M. Kir. Egyetemi könyvtár, 1898).
- MÓR GELLÉRI, *Oroszország ipara* [Russia's Industry] (Budapest, 1881).
- FERENC GLATZ, “Lajos Thallóczy – Historiker der Habsburgermonarchie” [Lajos Thallóczy – A Historian of the Habsburg Monarchy], in *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker* (Hrsg.: Dževad Juzbašić, Imre Röss, Sarajevo–Budapest, 2010).
- JUDIT HAMMERSTEIN, „Előre a múltba. Egy mérnök útbeszámolója a bolsevikok földjéről” [Forward to the Past: An Engineer's Travelogue about the Land of the Bolsheviks], *Kommentár közéleti és kulturális folyóirat*, no. 2 (2021): 27–37.
- MIHAIL HELLER, *Az orosz Birodalom története* [A History of the Russian Empire] (Budapest: Osiris Publishing House – 2000, 1996).
- GYULA ILLYÉS, „Oroszország 1934” [Russia 1934], in: Uő (idem): *Szíves Kalauz* (Szépirodalmi Könyvkiadó: Budapest, 1974).
- ANDRÁS JOÓ, “‘Perfidious Albion’ vs ‘Austria-Germany’: Aehrenthal, Cartwright and the Dual Monarchy: Great Power Policy through the Eyes of Diplomats’, in *Studi*

⁵¹ Ibid., IV.

Finno-Ugrici 1999–2001, ed. AMADEO DI FRANCESCO, (Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, 2001), 135–191.

BÉNI KÁLLAY, *Oroszország keleti törekvései. Történelmi vázlat* [Russia's Ambitions in the East: A Historical Sketch] (Budapest: Mór Ráth, 1878).

ISTVÁN LASSÚ, *Az Orosz Birodalom Statistikai, Geographiai és Historiai leírása* [A Statistical, Geographical and Historical Description of the Russian Empire] (Pest, 1827, 2nd enlarged edition, Buda, 1831).

EMIL NIEDERHAUSER, "Magyar utazók Oroszországban a XIX. században" [Hungarian Travellers in Russia in the 19th Century], in *Magyar-orsz történelmi kapcsolatok*. ed. ENDRE KOVÁCS (Művelt nép: Budapest, 1956).

Nogel István utazása a Keleten. [István Nogel's Travels in the East] Revised and published with appendices by the Schultz brothers in Pest, printed by József Beimel, 1847. In: Terebess Ázsia E-Tár, <https://terebess.hu/keletkultinfo/nogel.html>, (Accessed November 18, 2022).

EMIL PALOTÁS, *A Balkán-kérdés az osztrák-magyar és az orosz diplomáciában a XIX. század végén*. [The Balkan Question in Austro-Hungarian and Russian Diplomacy at the End of the 19th Century] (Budapest, 1972).

EMIL PALOTÁS, *Az Osztrák-Magyar Monarchia balkáni politikája a berlini kongresszus után, 1878–1881* [The Balkan Policy of the Austro-Hungarian Monarchy after the Berlin Congress 1878–1881] (Budapest, 1982).

JÓZSEF POPPER, *A mai Szovjetország. Egy tanulmányút élményei* [Contemporary Soviet Russia: Experiences from a Study Trip] (Budapest: Világirodalom Publication, 1926).

LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk* [Russia and Our Country] (Atheneum R. Társulat, Budapest, 1984. III).

CHARLES J. HALPERIN

**THE FICTIONAL IVAN:
IVAN THE TERRIBLE IN ENGLISH-LANGUAGE FICTION¹**

Ivan the Terrible's image in English derives from sixteenth-century English accounts of travelers to Muscovy, some parts of which remain unchanged in the five novels written in English dating from 1896 to 2015 discussed in this article. Creative license, of course, triumphs over historical veracity; the novels abound in factual errors. The enormous increase in knowledge about Muscovy that has become available to novelists from historical research during this period had little or no impact on authors of historical fiction. The novelists' interpretations of Ivan vary. Ivan is presented as a failure or a success as a ruler, as a man both rational and insane, disparities that reproduce the lack of consensus among historians. The novels disagree on whether his executions were justified by treason or no more than excrescences of his volatility. What is most interesting in these novels is not their all too predictable Eurocentric bias, sensationalism, or anachronisms, but their unanimous invocation of one element of Ivan's personality. Even when Ivan is doing the right thing, even when he is successful, he remains first, last and always a monster. This aspect of his life and rule dominates all five novels.

Keywords: Ivan the Terrible, Frederick Whishaw, Gardner F. Fox, Dorothy Dunnett, William Napier, Larry Townsend

Charles J. Halperin – PhD in History, Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University. E-mail: chalperi@indiana.edu ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6667-0555>

1 *Citation: CHARLES J. HALPERIN, "The Fictional Ivan: Ivan the Terrible in English-Language Fiction", *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 71–86. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.14*

To understand Ivan the Terrible's image in Russia it is necessary to address non-fiction historical works by both professional and amateur authors.² There has never been any question that both sets of writers could not avoid being influenced by images of Ivan in other cultural media, including painting and sculpture, fiction, opera and drama, and of course film. Sergei Eisenstein's film *Ivan the Terrible*, Parts 1 and II, is and will always remain the most influential cultural work about Ivan produced in Russia; indeed it has had worldwide impact. Aleksei Konstantinovich Tolstoi's *Kniaz' Serebriannyi* probably constitutes the most famous novel about Ivan written in Russia.

In the English-speaking world Ivan's image was created in the sixteenth century by the authors of ethnographies who had actually been to Muscovy, although not necessarily while Ivan was alive. Plays and poetry during the Elizabethan era disseminated that image.³

To my knowledge there is no study of Ivan's presentation in modern English-language novels. I have found five historical novels, whose dates of publication range from 1896 to 2015. The quantity and quality of information available in English increased phenomenally during this period, but it must be said that this information explosion did not much affect novelistic images of Ivan. Ivan's persona had already become fixed in English-speaking minds before scholarly expertise about him even began to impact historical studies of Ivan in the English-speaking world. This article examines how these novels present Ivan and sixteenth-century Muscovy.⁴

In the name of the genre "historical fiction" by far the second word, "fiction," dominates. History serves only as a backdrop, a milieu that must convey enough historical realia to be credible but in which any "adaptation" of history can be justified as artistic license which is true to the "spirit" of the times. Novels in English about Russia almost inevitably vaunt their exotic locale. Depending upon the prevailing censorship or lack thereof, one would expect novels about Ivan to contain ample amounts of graphic

2 CHARLES J. HALPERIN, *Ivan the Terrible in Russian Historical Memory since 1991* (Boston: Academic Studies Press, 2021). <https://doi.org/10.1515/9781644695883>

3 LLOYD E. BERRY AND ROBERT O. CRUMMEY, ed., *Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyages* (Madison: University of Wisconsin Press, 1968) remains a classic; KARL HEINZ RUFFMANN, *Das Rußlandbild im England Shakespeares* (Göttingen: "Musterschmidt" Wissenschaftlicher Verlag, 1952) retains its value.

4 Given this material, I forego page references. I have also standardized the spelling of Russian names and terms. Given five authors, it hardly seems significant that three come from England (and Scotland) and only two from the US.

sex and violence, if only to keep up with what I call tabloid biographies, which purport to be non-fiction. The degree of sensationalism of each novel, however, may amplify but does not shape Ivan's image and will not be explored here. I will first present a synopsis of the plot and presentation of Ivan in each novel together with a preliminary fact-check. Then I will explore some common varieties of historical fallacies that pervade Ivan's English-language fiction.⁵

FREDERICK WHISHAW, *A Boyar of the Tsar: A Romance of the Court of Ivan the Cruel, First Tsar of Russia*. Illustrations by H. G. Massey (London, New York, and Bombay: Longmans, Green and Co., 1896)⁶

Frederick Whishaw (1854-1937) was born in Russia to English parents whose family had lived in Russia since the eighteenth century but which relocated to England upon his birth. He returned to Russia in 1870 to work as a clerk but upon his marriage moved back to England in 1880. Eventually he became a well-known novelist, poet, travel writer, and author of children's books. He also did some translation work on Dostoevsky. Many of his works were set in Tsarist Russia, about which one would expect him to have developed a certain level of expertise.

The novel presents itself as a first-person narrative of Alexander Stroganov, a count and boyar of the Holy Russian Empire (the author refers to Holy Russia) whose uncle was a boyar, supposedly written down concerning Ivan's death. Like any good nineteenth-century Russian opera, it projects romantic love onto sixteenth-century Russia. Ivan is a "double man" because of his mistreatment as a child, vengeful, capricious, violent, volatile, arbitrary and pious, a savage tyrant and bully, but a great man, whose "greatness of mind and breadth of vision" enabled him to foresee the value of acquiring Siberia, who became a great tsar because of Alexei Adashev and the priest Sylvester but who after quarreling with them "indulged his passions to the point of insanity" and perpetrated unspeakable atrocities (the *oprichnina* is not mentioned by name). Ivan remained religious even "in his most savage and implacable fits of passion

5 It is entirely possible that I missed other English-language novels about Ivan; whether they would change the picture of Ivan available from these five remains of course impossible to determine.

6 FREDERICK WHISHAW, *A Boyar of the Tsar: A Romance of the Court of Ivan the Cruel, First Tsar of Russia*. Illustrations by H. G. Massey (London, New York, and Bombay: Longmans, Green and Co., 1896).

and cruelty,” eventually praying for the souls of his victims. The personal as opposed to historical plot evolves around Ivan’s relationship to two women, Anastasia, who he loves as a saint and marries, and Vera, whom he loves as a woman. Ivan met Vera, from a princely family, when she went hunting alone, riding bareback. Learning that Ivan wanted to marry, prospective brides (only of the boyar class, since only they were eligible) knew of and feared Ivan’s “savagery of disposition”; he was already known as the “little tyrant.” Anastasia is the exception; she refers to Ivan as “this godlike young tsar.” For all Ivan’s violence and cruelty, he lives out his life peacefully, succeeded by his only surviving son of his two sons by Anastasia, Fedor.

Two of Stroganov’s characterizations embody the problem endemic in reading any work of fiction by a fictional person, distinguishing between the narrator’s voice and the author’s. According to Stroganov, the Russian peasant (*muzhik*) is the “greatest liar in the world,” with the “face of a fool and the brain of a fox.” After the embassy of Ivan’s first ambassador to England, Nepea, is shipwrecked, it is victimized by the “savage natives” of the unnamed northern region of the dominion of the English ruler, i.e. Scotland. Alexander also expresses disgust at the “shocking massacre” of Tatars in Kazan’.

Fact check: the Stroganovs did not become “counts” until the eighteenth century and in the sixteenth century never became boyars, although they were honored elite merchants. Not only boyar but also gentry women (but not women of the lower classes) participated in the bride show to find Ivan a wife. Some protective fathers were reluctant to let their daughters join the contest, but we have only retrospective evidence to suggest that he was already volatile. For simplicity, Whishaw omits Anastasia’s first son by Ivan, the first Tsarevich Dmitrii, who died in infancy. He almost elides how the unnamed Tsarevich Ivan met his death, usually seen as at his father’s hand. Ivan’s other wives do not appear. Although Ivan’s tragic life left many dead, there is no hint, as in the historian Karamzin’s influential presentation of the “double” Ivan, that Ivan’s reign was catastrophic for his country. Ivan recognized the merit of acquiring Siberia only after the fact, and he had very little to do with it. The most contrived, i.e., anachronistic, personality in the novel is of course Vera, liberated way ahead of her time for Muscovy; Victorian elite women went hunting, but not sixteenth-century Russian women. If elite women rode on horses they did so sidesaddle and certainly would never have gone out riding alone.

GARDNER F. FOX, *Ivan the Terrible* (New York: Avon, 1961)⁷

It might be no more than an accident that the second novel discussed here appeared 65 years after the first, or it might reflect declining interest in Muscovy (and perhaps Imperial Russia) in the interim period as a result of the establishment of Communist power. 1961 was on the cusp of the spike in US study of Russia that would be generously funded by the federal government.

Gardner Fox (1911–1986) was a prolific writer best known for contributing to Marvel Comics, but also the author of fantasy novels and dozens of historical novels on topics ranging from the Queen of Sheba to Stonehenge to the Borgias. The cover illustration and inscription of this novel sets the tone: the cover color illustration shows a young Ivan, with goatee and mustache, smiling devilishly, sword in hand, watching drunk Cossacks and a scantily clad dancing girl at an orgy. The caption reads: “A story told in thunder of the wild young giant who drowned mighty Russia in a torrent of blood and lust.” The back cover epitomizes Ivan as a “tempestuous savage, a devoted husband and debauchee who sought wisdom and destroyed an entire town [Novgorod] to quash resistance, a saint, a madman, a lover, and a tyrant who wrote the greatest chapter in Russia’s history in letters of fire.”

Ivan’s personal life is driven by his sex drive. We first meet him riding alone after the woman he had been chasing was kidnaped as a joke by his two companions, who locked a chastity belt around her to deter Ivan’s passion. Ivan kills several peasants who get in his way. He single-handedly rescues Anastasia, her mother and a servant traveling through the forest who are attacked by a pack of wolves. In Moscow he goes walking with her alone and they make out; later they go skinny-dipping. Apparently at this time, before he married Anastasia, he already called himself Ivan *Groznyi*. His bride show included pretty girls from Kiev. At Kazan’ at a Cossack pre-battle orgy he meets a topless dancing girl, Maria Temriukovna, a pagan and Circassian, with whom he has sex and eventually marries. At one point Ivan, tired of his current wife, offers to spare the father of a young man if the young man seduces Ivan’s current wife, so Ivan will have an excuse to ship her off to a convent.

Ivan’s political life, although cruel and savage, in which he personally participates in slaughter, and even gets wounded in the process, is nevertheless completely justified. The boyars poisoned his mother and eventually three of his wives, including Anastasia; Kurbskii hired the assassin.

7 GARDNER F. FOX, *Ivan the Terrible* (New York: Avon, 1961).

They repeatedly plan to assassinate him. Anastasia advises Ivan to gain the popularity among the people he needs to confront the boyars by conquering Kazan', a strategy that works. In Kazan' Ivan leads a cavalry charge, he and he alone makes smart military decisions despite the boyars, and he decides to spare some men from massacre because he needs workers in Kazan' for trade and wants to make Russians of Tatars. The boyars hate Ivan, but their retainers constitute the only army in Russia; the promise of booty from Kazan' induces them to open their coffers to pay for a war. The boyars controlled the soldiers of Russia because they were their retainers. The boyars, who were Ivan's vassal lords, owned the men who used the cannon and matchlocks Ivan controlled, so Ivan hired them. In 1559 Ivan defeats the Crimean Tatars for good, incorporating them into his army. Later, Novgorod boyars pay Polish mercenaries to lead a revolt, joined by other cities.

From Alexandrov, Ivan wrote letters to a thousand young men, mostly misfits and ne'er-do-wells, youngest sons of boyars unlikely ever to inherit, inviting them to join the *oprichnina* and oppose the boyars. The common people all spied for Ivan, who ordered the *oprichniki* not to touch them, only boyars. Having united Russia via necessary cruelty, Ivan no longer needs the *oprichnina* and abolishes it. Ivan defeats Poland, and Kurbskii commits suicide rather than be captured by Ivan's Cossacks.

Fact check: Fox's Ivan is both more terrible and greater than Whishaw's Ivan, even if once again a Stroganov is a boyar during Ivan's reign. Fox has no conception of how a single Muscovite elite woman would travel, let alone comport herself with a boyfriend. His sexually aggressive Maria Temriukovna fits stereotyped slander about her that did circulate at the time, a reflection of orientalism applied to Circassians, but she was of noble birth and never associated with Cossacks. No archeologist has ever found a chastity belt in Muscovy, nor would the teenage ruler Ivan have been permitted to take off alone on horseback for any purpose. Kiev was not acquired by Russia until the seventeenth century. There is a perverse consistency to Fox's Ivan. A goatee and a mustache, which Ivan never sported, better fit a lusty hunk than a full beard would. Ivan strides across Russia carrying a sword and a pistol; he carried neither.

Ivan wrote two letters to Moscow from Alexandrov, one to the elite, expressing hostility, the other to the commoners, expressing affection. Fox shares the misconception that the *oprichniki* came from the lower and less reputable classes; such a view fed Western social snobbery in the sixteenth century but in fact the social profile of the *oprichniki* matched that of the traditional Muscovite elite. In the sense Fox uses the term, there were no

“younger” sons in Muscovy; without primogeniture, all sons shared in the family property. The evidence shows definitively that the *oprichniki* did not spare the commoners. Muscovy had an army, precisely the gentry mounted archers, most living off conditional landed estates from the government. The musketeers and artillery men were not boyar retainers, but free men hired for military service.

Despite his basically evil character, Fox’s Ivan only kills real enemies who poisoned his mother and several of his wives, repeatedly tried to assassinate him and betrayed Russia to foreign enemies, but these events, Ivan’s critics insist, occurred only in Ivan’s propaganda. However, Ivan was far less successful in history than in the novel. He may have made good military decisions at Kazan’ but the Crimean Tatars burned Moscow in 1571 before they were defeated the following year, and Crimean Tatars were not incorporated into Ivan’s armies. Poland eventually defeated Muscovy in the Livonian War. Ivan never captured Kurbskii and Kurbskii did not commit suicide. Fox’s Ivan ends his reign not in disaster but in success in uniting Russia, although Russia in fact had already been unified by Ivan’s grandfather and father.

Fox makes no attempt to reconcile Ivan’s atrocities with his seemingly rational, perspicacious and successful domestic and foreign policies. Fox’s Ivan bears a more than passing similarity to Eisenstein’s; Part II of Eisenstein’s *Ivan Groznyi*, showing a terrifying Ivan destroying his and Russia’s enemies, was first viewed publicly in 1958, three years before Fox published his novel.

DOROTHY DUNNETT, *The Ringed Castle* (New York: Vintage Books, 2019).⁸

I date our third novel to its copyright date, 1971, not the date of the reprint at my disposal. Even compared to 1961, certain basic features of sixteenth-century Muscovite history had become much more widely disseminated in Anglophone publications. To be sure, the historical accuracy of subsequent novels did not necessarily reflect the increase in historical knowledge.

Dorothy Dunnett OBE (1923–2001, Order of the British Empire), a novelist (and also a painter and sculptor) from Scotland, is best known for historical fiction.⁹ *The Ringed Castle* belongs to a series of six novels set in the

⁸ Dorothy Dunnett, *The Ringed Castle* (New York: Vintage Books, 2019).

⁹ One wonders how she would have reacted to reading Stroganov’s depiction of the Scots in Whishaw’s novel.

sixteenth century focusing on the adventurer Francis Crawford of Lymond. In this novel, Lymond, with eight companions, current or former members of the Knights of the Order of St John of Jerusalem, a.k.a. the Knights of Malta or Hospitallers, seeks employment in Russia from Ivan. If paid exorbitantly and given virtually full control of the government, they will build a Russian army which will erase the effects of 200 years of backward Mongol rule, enabling Ivan to lord it over the boyars and to conquer the Crimea. Ivan tests the ability of Lymond's associates by having his musketeers storm the compound which they occupy to see how well they do; in fact they do far too well. Lymond's negotiating tactic to get his proposal taken seriously is to draw a knife and threaten to cut Adashev's throat if Ivan does not call off his minions, a tactic that succeeds. Much later Ivan and Lymond use knives against each other to liven up a chess match.

Ivan and Russia are seen through the eyes of Lymond and his associates. To them, Russia is a barbarian, unknown, ignorant and backward country, especially retarded in military affairs. The English call Ivan's diplomatic banquets, the organization of the government, the seclusion of women in the "women's quarters" (*terem*), curved swords, and the post-horse oriental. Half the Russian language is Tatar. The Tatars became Moslems before Russians became Christians. To be sure, Lymond observes that English criticisms of the ignorant, immoral Russian Orthodox Church coincide with those Henry VIII applied to the Catholic Church. Ivan is pitiful, tempestuous, and tormented, and mostly if not entirely insane. Ivan carries knives and sleeps with one under his pillow. Ivan's volatility is lethal. Even Ivan knows that he is prone to temper tantrums but consoles himself with the thought that he always recovers. Lymond believes that he can control Ivan. If necessary, should Ivan intend to turn the new army Lymond's crew will construct against Lithuania, Poland, and Livonia, fellow Christians, Lymond will use his control of that army to restrain or remove Ivan. Lymond knows that Ivan wants Baltic access and to recover Orthodox Russian lands lost to the West during the Mongol rule, but Lymond intends to finesse those plans. Of course, it is just as likely, Lymond admits, that Ivan will have him and all his friends executed. In the end, Ivan does intend to use the new army against Europe, which Lymond cannot stop. Lymond himself is luckily tricked into not returning to Russia, where he would have been executed.

Dunnett's Ivan has few characteristics in this novel other than his volatility. He is conscious of his temperamental weaknesses but rationalizes their consequences. He does possess a political program: Baltic access and irrendentism toward lost "Russian" (actually East Slavic) lands. Ivan

is overall little more than a major natural and national disaster waiting to happen. Lymond wants to save Ivan from himself and Russia from the abyss to which Ivan would send it, but in this he fails spectacularly. Ultimately Lymond acknowledges that the Russians are too obstinate and primitive to appreciate the benefits of civilization which Lymond proffers to them. Servility toward the tsar was too powerful to overcome. Ivan is now free to use Lymond's new model army as he chooses.

Fact check: Dunnett's novel personifies the ultimate Eurocentric arrogance. Ivan valued European expertise but maintained strict Russian control of those European artisans he hired.

That this Ivan would let a foreigner command his army or conduct a national cadastre of landowning to mobilize the resources to construct a military-industrial complex exceeds credibility. Russian backwardness eventually sabotages Lymond's plan to overcome Russian backwardness.

That anyone in Ivan's presence could carry a knife disregards centuries of complaints by European nobles at having to remove their swords in order to have an audience with Muscovy's ruler. Ivan did not sleep with a knife under his pillow.

**LARRY TOWNSEND, *Czar! A Novel of Ivan the Terrible*
(Los Angeles: L. T. Publications, 1998)¹⁰**

Larry Townsend (1930–2008) was a prolific novelist, whose homophile works were sometimes published by erotic presses or his own, L.T. Publications (evidently, Larry Townsend Publications). I cannot explain a leather-fetishist sadomasochism novelist writing a novel about Ivan the Terrible but the speculation that another Larry Townsend Doppelgänger published this novel with Townsend's publishing house is not worth considering.

The novel is told after Ivan's death by the fictional Prince Dmitrii Simeonovich Marenskii, illegitimate son of Vasilii III, in his old age. His mother's first husband was Simeon von Marienburg, who had left Lithuania for Moscow with the Glinskiis. She later married Heinrich von Staden, and both converted to Orthodox Christianity. Staden's local commercial representative in Sviiazhsk was Abraham, a Jew from the Western provinces who had been in his service for many years. Only a few of his "race" resided in the western areas of Russia, because Ivan feared that Jews would contaminate Russia.

10 LARRY TOWNSEND, *Czar! A Novel of Ivan the Terrible* (Los Angeles: L. T. Publications, 1998).

Townsend's Ivan is sometimes good and sometimes bad, but even when he is good, he retains bad characteristics. Marenskii admits remorse and guilt for the many sadistic and lethal atrocities he committed (he admits to being a sadist), claiming that he had no choice but to follow the orders of the Anointed of God. Ivan hates the boyars and set up the *oprichnina*, "The Ones Who Serve," to fight them; *oprichniki* wear dogs' heads masks. When his brother's widow, now a nun, refused Ivan's rich gifts, in his rage he ordered her executed. Because of the sack of Novgorod Ivan began to be called *grozny*. After executing bureaucrat Ivan Viskovatyi, Ivan rapes his widow, while Tsarevich Ivan rapes his older daughter. Ivan agrees with Marenskii that the *oprichnina* was too ambitious; it tried to achieve perfection of life in Muscovy too quickly and failed, as testified to by the burning of Moscow by the Crimean Tatars. Marenskii becomes convinced that Ivan is insane. When a baby he is holding urinated on him Ivan throws the infant out the window to its death. Ivan and Tsarevich Ivan celebrate their simultaneous marriages by switching bridal couches. Still, Ivan's enemies were guilty of the charges against them, so Ivan's hatred of the boyars was well-founded. According to Marenskii, anyway, Vladimir Staritskii told him that Evfrosinia Staritskaia admitted poisoning Anastasia. Ivan killed Tsarevich Ivan after finding his wife wearing only two petticoats while he was fondling and striking her.

Townsend does not hide Marenskii's prejudices. Marenskii seems astonished that Sylvester thought it immoral for a man to own slaves and describes Sylvester's book on household management as pompous and rather stupid. Marenskii declares that he had always found a man in each class worthy of friendship even among vile breeds of people such as Tatars, Livonians, Danes, Jews, and Swedes, but not among "Pollacks," Slavs, or Germans. His putative ethnic tolerance is as unreliable as his ethnographic knowledge.

In Townsend, Ivan neither destroys nor saves Russia. Although he does destroy some real enemies, he obviously also destroys the innocent as well. Ivan's goal of "perfecting" Russia remains inchoate and in any event, by Ivan's own admission, he failed to achieve it.

It is always tricky separating the point of view of a fictional narrator from that of the author, but a man who admits to being a sadist, for which he suffers no punishment, no matter how much he repents, would not seem to be worthy of much sympathy. In this Marenskii is by far a lesser offender than his half-brother.

Fact check: Townsend's translation of the "*oprichnina*" eludes me. No one called Ivan *Groznyi* in his lifetime. Townsend's interpretation of the dogs'

heads of the *oprichniki* as masks lacks source corroboration. Townsend's Ivan's fictional sexual peccadillos exceed those in Fox. Ivan treated his sister-in-law with the utmost respect. That Evfrosinia confessed to killing Anastasia must be attributed to Eisenstein's influence. Ivan never let a Jew cross Muscovy's boundary during his reign; Jews in Polatsk who came under his rule were offered the choice of baptism or death (they chose death). Townsend's creation of Jews in Russia, I would speculate, derives from the need to relate Ivan's anti-Semitism to reality; an anti-Semite with no Jews to persecute might have been considered too artificial to be credible. Townsend's "Glossary" (643-46) is fictional. For example, a *d'iak* is not literally a "servant" but a scribe.

WILLIAM NAPIER, *The Last Crusader: Ivan the Terrible* (London: Orion, 2015)¹¹

William Napier is a pseudonym of author Christopher William Napier Hart (born 1965), English novelist and journalist. As William Napier he has written seven historical novels; only *The Last Crusader* is set in Ivan's Muscovy.

The Crusaders of the title are, as in Dunnett, Knights of St. John of Jerusalem. Napier's Ivan is the bad Ivan without qualification. Ivan is insane, a tyrant who rules cruelly, but in Russia this is usual. Ivan conducts the church choir in the Dormition Cathedral with a spear. Ivan, with his damnable charisma, is the Devil Incarnate. He thinks he has second sight. His supporters are of like kind. The *oprichniki* carry dogs' heads on their horses but one of their leaders also wears an animal mask. Skuratov is an over-promoted thug. The *oprichniki* are as much enemies of Russia as the Tatars; they defend Ivan, not Russia. They kill for recreation and are attacked by the knights and Cossacks. Together they create hell in Moscow in 1571. Ivan thinks the Tatars will purify the city. He starts the celebration by setting fire to the city himself. The *oprichniki* drive the poor Muscovites to the river to drown (in a scene borrowed from Ivan's repression of Novgorod). Ivan personally launches a pogrom against all Jews and Persians, who are to be drowned in the Moscow River. Ivan stages his Moscow executions as the Tatars ride toward the city. Ivan, with the *tsarevichi* and the *oprichniki*, abandon the city as the Tatars arrive. Because all the musketeers (*strel'tsy*) were in Livonia, that left Moscow defenseless. The Tatars let Ivan and his entourage escape, knowing that they could

11 WILLIAM NAPIER, *The Last Crusader: Ivan the Terrible* (London: Orion, 2015).

catch them later. Afterward Ivan disbanded the *oprichnina* and executed the *oprichniki*, including Skuratov, for not fighting the Tatars, although he had not allowed them to fight. Even then, Ivan fantasized more and more about leading a crusade against the Muslim world. Ivan's conquest of Sibir' in western Siberia makes Russia an empire, echoing Wishaw.

Napier opines in a bibliographic note that although he has taken literary liberties and conflated events, "I have certainly not exaggerated Ivan's character." He describes de Madariaga's monograph on Ivan as "one of the most sober and scholarly of recent biographies," the most detailed and up-to-date portrait of Ivan available."¹² De Madariaga should not be held responsible for the use Napier made of her monograph.

Fact check: Ivan may have conducted a church choir, but not with a spear. Like Townsend, Napier introduces Jews into Moscow in order to demonstrate Ivan's anti-Semitism. Townsend demonizes Ivan simply by omitting mention of contradictory or exculpatory evidence. That Ivan set fire to Moscow before the Crimeans arrive at the city turns Ivan into Nero, not the first time those two were associated, but it is of course fantasy. Eurocentrism surfaces in Napier as the myth of Russian servility. Ivan did not repress the *oprichniki* for not fighting the Tatars because they did do so in 1572 at Molodi, but because they exceeded their authority and could no longer be controlled. Ivan invoked the goal of a crusade against Islam only when he wanted assistance from the Pope in ending the Livonian War. A Crusade against Islam meant against the Ottoman Empire, and Ivan scrupulously avoided angering the Sultan at almost all costs.

SEVERAL SHADES OF ERRORS

Above and beyond the historical liberties surveyed above, it is useful to enumerate the several types of historical fallacies found in these novels.

Allowances can be made for literary license if such rewriting of history serves a novelist's purpose. Fox writes that while Ivan was being kept captive by boyars, he studied secretly with the monk Daniel Sylvester, a.k.a. Father Sylvester, who smuggled books to his quarters during his boyhood. Ivan learned swordplay from Alexei Adashev, an officer in his palace guards (*streltsy*, musketeers) who then became Gentleman of the Bedchamber to

¹² ISABEL DE MADARIAGA, *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia* (New Haven: Yale University Press, 2005).

the tsar-prince, according to Dunnett, sleeping outside the door of Ivan's bedroom. In fact, during Ivan's boyhood the musketeers did not yet exist, neither Adashev nor Sylvester were probably in Moscow, no source names Adashev as Gentleman of the Bedchamber, and traditional scholarship attributes Ivan's self-education, albeit without direct documentation, mostly to Metropolitan Makarii. Besides, the Master of the Bedchamber slept at the foot of the bed inside the bedroom. However, in establishing the connections between Ivan's difficult childhood, on the one hand, and his patronage of Adashev and Sylvester and erudition on the other, this creativity can be allowed. Townsend projects onto his narrator the view that in his time reading and writing were considered unmanly. However, for any Orthodox Christian reading Holy Scripture was not "unmanly." However, for the aristocracy writing was beneath them socially.

In Whishaw, the boy Ivan says that Andrei Shuiskii would replace him if he died, as if Ivan's younger brother Iurii, handicaps and all, were not alive, but this heightens Ivan's animosity toward Shuiskii and the boyars and contributes to our understanding of Ivan's paranoia.

In Fox, the bride show was a scam to fool boyars because Ivan had already chosen Anastasia according to the sole criterion in his mind, physical beauty; Ivan wanted a woman to take to bed. This hardly matches Whishaw's presentation of Ivan's motives for selecting Anastasia as a saint. Fox and Whishaw portray Ivan in conformity with their conceptions of his character.

Townsend's Prince Iurii Vasil'evich, Ivan's brother, can hear and speak, which allows him to be full actor in the novel; I have no problem with that at all.

We would expect and would not have trouble finding projections on to Ivan's Muscovy of customs from Western Europe. In Whishaw a prospective future father-in-law of Ivan hopes to become a Minister of State; no such office or concept existed in Muscovy at the time.

According to Fox, during Ivan's 1553 illness, at Anastasia's insistence Ivan's doctors bled him. Townsend omits Anastasia's role but writes that Ivan had been bled twice in 1553. Fox and Townsend raise an intriguing question. We know that Ivan had foreign doctors who might have used bleeding to cure a patient but neither the *ex post facto* narrative of Ivan's 1553 illness nor any other source for Ivan's reign ever mentions bleeding and I have not seen references to bleeding as a medical practice in sixteenth-century Muscovy or even seventeenth-century Muscovy when the quantity of foreign doctors in the country rose.

In Fox, at Ivan's wedding a priest whispers a short prayer in Latin. As bad, or worse, in Napier the congregation sits in church.

Perhaps the greatest difference between the Muscovite court and all other European courts of the time was its sexual propriety; neither ruler nor boyars engaged in the sexcapades for which other courts were notorious. Not so in fiction, where not only Ivan himself is a player, which we would expect from his reputation as a lecher and sex pervert, but also his elite. In Fox, Ivan murders Melent'eva's husband and then has voluntary sex with her; later he marries her. In Dunnett the boyar Viazemskii dallied with a khan's wives, the boyar Sheremetev has mistresses, and in Scotland and England Muscovite ambassador Nepea sought solace with women. As far as Nepea is concerned, Dunnett also ascribes to him the view that the English were a barbarous nation (reversing the English view of the Russians), because only barbarians would subject themselves to a woman's "ignorant rule." This is an invention but far from far-fetched.

Fox projects medieval Europe onto Muscovy in ignoring the gentry army and restricting soldiers to the retainers of Ivan's vassal lords. Townsend goes late medieval or early modern in ascribing liveries to royal or boyar retinues, which were unknown unless we consider the black clothes of the *oprichniki* as a kind of livery. Napier asserts that the musketeers were often under European commanders of great experience, Swedes, Swiss, and Brandenburgers, another Eurocentric conceit. Europeans commanded captured European mercenary units who accepted the invitation to join Ivan's army; only Muscovite gentry commanded Muscovite musketeer units.

Townsend refers to the famous lawyer Mansurov who had drawn up Vasilii III's will, as if Muscovy had lawyers (Mansurov was a state secretary) or law schools to train them. Ironically European visitors criticized Muscovy precisely for lacking law schools and lawyers. Muscovy's social structure is not Townsend's forte. He categorizes the boyar princely Shuiskii clan as part of the elite merchant "guests" (*gosty*), which would have been a major social scandal. Townsend assumes that all boyars had commercial interests, which may be too explicit but is not entirely unimaginable.

Fox adduces anachronistic concepts into Ivan's Muscovy. Anastasia, a budding populist and democrat, taught Ivan that the people are Russia, not him, not the boyars, and Melent'eva, Ivan's last wife [sic, Nagaia], tells Ivan that he is Mother Russia's servant. Dunnet garbles otherwise contemporary concepts by calling Moscow the Second Rome but also introduces an anachronistic institution, the Kremlin's Bureau of Secret

Affairs, actually from the seventeenth century, which she associates with the nineteenth-century “third” bureau (probably the Third Section).

Simple contradictions also occur, as they do in most monographs by professional historians no matter how scrupulously they have been copyedited. Townsend writes that because of Adashev Muscovy now had the rudiments of a proper coinage system, but also asserts that Muscovy had no coins, only squirrel skins. He also ascribes gold coins to Muscovy, when only silver existed. Dunnett writes that the only armed men in Moscow were the musketeers but that all of Ivan’s advisors were sword-carrying princes, which is wrong about the social composition as well as the armament of Ivan’s advisors.

Gratuitous petty factual and narrative errors, often chronological, derive from simple ignorance and carelessness, for example, of arithmetic. According to Napier, Vasilii III died when Ivan was six (actually three). According to Fox, Ivan’s mother died when he was eleven (actually, eight). When Tsarevich Ivan was seven, his brother Fedor was two (Fedor was three years younger than Ivan). Sophia was the daughter (should be the niece) of the last Byzantine emperor, Constantine.

The holy fool Vasilii “the blessed” (*Blazhennyi*) has a legitimate role to play in any novel or indeed biography of Ivan’s life, even if we disregard the errors in his saint’s life. According to Townsend Ivan feared and disliked Vasilii, although even the *life* notes that Ivan respected Vasilii. But what purpose is served in Wishaw that Vasilii Blazhennyi threw himself into the burning Transfiguration Church (presumably in 1547) “and no man ever saw trace of him again”?

CONCLUSION

No English-language novel attempts to whitewash Ivan’s image, but their images of Ivan are not identical. With some literary license on my part, we may summarize the novelists’ presentation of Ivan as follows. To Wishaw, Ivan was half a monster but a great ruler. To Fox, Ivan was a total monster but a successful ruler. To Dunnett, Ivan was a total monster. To Townsend, Ivan was mostly a monster and by his own criteria a failure. To Napier, Ivan was an insane monster. Arguably whether Ivan succeeded or failed, saved Russia or destroyed Russia, varies among these authors, but the one concept that runs like a red thread through all five novels is that Ivan was a monster. Sometimes he has virtues, sometimes he does not, but he always

has vices, although some argue that his vices enabled him to do good for his country, the ends justifying the means. Clearly English-language novelists are no more consistent in their presentation of Ivan than Russian-language professional and amateur historians. English-language novelists do not distort Russian history much more than Russian ideologists manipulating Ivan's image for partisan purposes, and the English-language novelists have their foreignness and their status as novelists as more of an excuse. It is safe to say that Ivan continues to fascinate all audiences, within Russia and without, non-fiction readers or fiction-adepts. But we already knew that.

References

- LLOYD E. BERRY, ROBERT O. CRUMMEY, ed., *Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyages* (Madison: University of Wisconsin Press, 1968).
- DOROTHY DUNNETT, *The Ringed Castle* (New York: Vintage Books, 2019).
- GARDNER F. FOX, *Ivan the Terrible* (New York: Avon, 1961).
- CHARLES J. HALPERIN, *Ivan the Terrible in Russian Historical Memory since 1991* (Boston: Academic Studies Press, 2021). <https://doi.org/10.1515/9781644695883>
- ISABEL DE MADARIAGA, *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia* (New Haven: Yale University Press, 2005).
- WILLIAM NAPIER, *The Last Crusader: Ivan the Terrible* (London: Orion, 2015).
- KARL HEINZ RUFFMANN, *Das Rußlandbild im England Shakespeares* [The Image of Russia in Shakespeare's England] (Göttingen: "Musterschmidt" Wissenschaftlicher Verlag, 1952).
- LARRY TOWNSEND, *Czar! A Novel of Ivan the Terrible* (Los Angeles: L. T. Publications, 1998).
- FREDERICK WHISHAW, *A Boyar of the Tsar: A Romance of the Court of Ivan the Cruel, First Tsar of Russia*. Illustrations by H. G. Massey (London, New York, and Bombay: Longmans, Green and Co., 1896).

М. П. ОДЕССКИЙ

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I:
НА МАТЕРИАЛЕ ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ДРАМ**

**THE VISUALIZATION OF RUSSIA IN THE ERA OF PETER I:
ON THE CONTRIBUTION OF THE PANEGRIC DRAMAS¹**

This article examines the visualization of Russia in the culture of the XVIII century when Russian culture was undergoing a radical transformation. Visualization refers to the functioning of an allegorical figure that personifies a people and/or a nation. The author demonstrates that this allegorical image first appeared in the panegyric drama of the era of Peter I under the influence of emblematic discourse transferred from Western Europe. This allegory of Russia clearly and visibly represented a new ideological concept and, in turn, influenced it, giving it a universal imperial character.

Keywords: panegyric drama, Peter I, visualization of Russia, emblematic discourse, empire

Mikhail P. Odesskiy - DSc in Philology, tenured professor at the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia. E-mail: modessky@mail.ru

¹ Citation: М. П. ОДЕССКИЙ, "Визуализация России в эпоху Петра I: на материале панегирических драм" (The Visualization of Russia in the Era of Peter I: On the Contribution of Panegyric Dramas), *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 87–103. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.15

Во второй трети XVII – первой трети XVIII вв. русская культура проходит через радикальную трансформацию. Показательно, что именно в это время впервые создается аллегорический образ России, который станет потом привычным. Соответственно, мультидисциплинарная задача статьи – исследовать, с одной стороны, формирование художественного языка, который использовался при создании фигуры России, а с другой – семантику этой «России» как национального концепта.

Панегирические драмы (разновидность школьной драмы, то есть самодеятельных постановок духовных училищ, где устроители успешно решали педагогические и одновременно пропагандистские задачи) московской Славяно-греко-латинской академии, которые не особенно высоко ценятся литературоведами, тем не менее функционировали как эффективный способ решения пропагандистских задач, стоявших перед российским правительством в трудные начальные годы Северной войны (1700–1721 гг.)², и сыграли ведущую роль в общем идеологическом оформлении новой надрегиональной идентичности.

В 1699 г. Россия заключила союз с Августом Сильным, курфюрстом Саксонским и королем Польским, и Данией с целью напасть на Швецию. В 1700 г. начались военные действия, русская армия вошла в шведскую Прибалтику и осадила крепость Нарву, но в ноябре 1700 г. шведский король Карл XII неожиданно разгромил превосходящие силы царя Петра. Несмотря на понесенное поражение, русская армия возобновила наступательные операции в Лифляндии и Ингерманландии.

Панегитрическая пьеса «Ревность православия» была поставлена в феврале 1704 г. как составляющая самых грандиозных торжеств, которые были устроены царем с начала Северной войны. 9 ноября 1703 г. Петр вступил в Москву с первым триумфом шведской войны, были построены временные триумфальные арки, в храмах служились молебны. Далее царь отлучился в Воронеж, а после его возвращения торжества продолжились. В их рамках Славяно-греко-латинская академия силами преподавателей и учеников поставила свой драматический панегирик.

2 М. П. Одесский, *Поэтика русской драмы: последняя треть XVII – первая треть XVIII в.* (Москва: РГГУ, 2004), 54–55.

В заключающем пьесу 13-м явлении «Россия на торжественной колеснице является», колесницу влекут поверженные Беллона иноверных и их Фортуна, сопровождают колесницу победоносные аллегория Церкви, Иисус Навин, Марс православный и его Мужество; с небес внезапно является Благодать, которая вручает России венцы и ключи; Россия венцами увенчивает «прехрабрых воинов главы, Иисуса Навина, Марса и Мужества православного»³, а ключи завоеванных городов вручает Церкви; Церковь произносит финальный монолог, «хвояся пред предстоящими, яко ни един ей от врагов стужати возможет, ибо на камени крепце утверждена есть» (черновой вариант – на втором камени веры ревнителю <...> монарсе великороссийском Петре Алексеевиче)⁴.

Так Россия в качестве отдельного аллегорического персонажа впервые стала фактом русской культуры. Судя по тексту программки, Россия пока лишена реплик, однако здесь и должно воздействовать не слово, а визуализированный образ. Россия вознесена на триумфальную колесницу, которая включена в два контекста: библейски-пророческий (ср. «видение колес четырех» из Книги пророка Иезекииля, глава 1) и классически-античный, в «Ревности православия» не акцентированный, но подразумеваемый: определение колесницы «торжественная» однозначно отсылает к римским триумфам. В ее триумфе России сопутствуют Церковь воюющая и библейский Иисус Навин с Марсом Православным (так!) и Мужеством Марса, выступающие в несколько подчиненном положении и свидетельствующие о вселенском масштабе происходящего. Россия венчает героев и передает ключи городов Церкви, а Церковь не забывает напомнить, что величие новой России основано на «камне» – Петре, новом античном герое.

В Западной Европе древнеримские триумфы были переформатированы и адаптированы к новым запросам благодаря поэме Франческо Петрарки «Триумфы» (1350–1370-е гг.): написанная терцинами, то есть строфой «Божественной Комедии», поэма явно соперничала – величием замысла и композицией – с произведением Данте. «Триумфы» состоят из шести частей: первая – «Триумф Любви», вторая – «Триумф

3 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы* (Москва: Наука, 1974), 214.

4 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 215.

Целомудрия», третья – «Триумф Смерти», четвертая – «Триумф Славы», пятая – «Триумф Времени», шестая – «Триумф Вечности». Согласно композиционной логике, Любовь могущественна, но Целомудрие (воплощенное в Лауре, даме поэта) могущественнее, и так далее – до Вечности, которая есть всемогущий Бог. Слава – не на первом и не на последнем месте, но триумф Славы – в отличие от остальных – содержит пространный перечень имен ее служителей, воителей и политиков, мудрецов и поэтов: ряд героев открывается Цезарем и Сципионом, выступающими вместе с самой царственной Славой, также фигурируют Александр Македонский, король Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский, вплоть до короля Роберта Неаполитанского⁵.

Петрарка – последовательней Данте «возрождавший» античность – в данном случае, переформатировав древнеримский образец, создал эффектную эмблематическую парадигму. Его поэма, несмотря на подключение современного имени Роберта Неаполитанского, была отвлеченным философским сочинением, однако она открыла богатые панегирические перспективы, которыми заинтересовались носители власти и которые смогли реализовать ученые представители гуманистической культуры (достаточно назвать росписи Франческо дель Косса в Зале Месяцев феррарского дворца Скифано́я последней трети XV в.).

Во владениях Габсбургов для грандиозного визита сына тимператора (1549), оформленного как триумф, Антверпен задействовал 1726 художников, которые, в частности, приготовили 21 деревянную арку; торжества были увековечены в печатной программе (автор – Корнелий Графей), содержавшей иллюстрации и подробное описание торжеств⁶. А ранее император Максимилиан I, который «первым из правителей разглядел потенциал печатных изображений для политической пропаганды», вообще организовал триумф не в качестве реальной акции, а как выдуманный образ: по его заказу А. Дюрер и другие художники изготовили ксилографию высотой в три с половиной метра – «Триумфальная арка императора» (1515–1517; было напечатано 200 экземпляров); формой она имитировала римские арки, но изображены на ней были предки императора, их гербы, военные победы, в том чис-

5 PETRARCA FRANCESCO, *Trionfi* (Introduzione e note di G. Bezzola; Milano: BUR Rizzoli, 2016), 96–112.

6 ПОРРАС С., *Искусство, религия, коммерция, рождение арт-рынка: Северный Ренессанс* (Москва: Слово/Slovo, 2019), 214–215.

ле недавние⁷, то есть император, синтезируя римскую традицию с рыцарской, получил актуальный политический продукт.

Массовое распространение триумфов способствовало тому, что востребованный аллегорический тезаурус начал упорядочиваться: в 1531 г. была издана книга эмблем А. Альчиато («*Emblematum liber*»), и постепенно такого рода пособия оформились в отдельный жанр. Знаменательно, что в 1705 г. по указу Петра эмблемы Альчиато напечатали на русском языке.

В Речи Посполитой коронационный въезд Яна III Собеского в Краков (1676) получил форму римского триумфа⁸, а его победа над турками под Веной (1683) была отмечена постановкой (Крожский иезуитский коллегиум) школьной драмы «Триумф мира христианского» (1684). В первой Части драмы Рим ожидает прибытия Яна Собеского: Аполлон слагает песни, готовится к встрече богиня войны Беллона; появляется король с сыном Якубом; триумфальную колесницу, влекомую геральдическими польскими Орлами, окружают воины из Венгрии, Молдавии и Польши и – в качестве пленников – части света Азия, Африка и Америка⁹. Это – еще и свидетельство характерного для польской культуры использования в качестве канала распространения эмблематических образов школьного театра. Школьные постановки, как ранее триумфы эпохи Возрождения, сопровождались печатными программками, которые ясно расшифровывали идейный смысл пьесы.

Раннее Новое время сопровождалось распространением нового эмблематического тезауруса по всей Европе, в том числе трансфером на Московскую Русь. Трансфер предсказуемо осуществлялся прежде всего через Киев, где в 1630-е гг. вокруг митрополита Петра Могилы и созданного им духовного училища, будущей Киево-Могилянской Академии, сложилась группа церковных православных интеллектуалов. Отстаивая православие и права руси в Речи Посполитой, они опирались на западные образцы и организацию учебного дела: в основу программы в Академии было положено преподавание латыни и свободных искусств; поэтика, входившая в состав риторики, знакомила с приемами и производством панегирических текстов, в том числе аллегорическим дискурсом. Можно говорить о высоком уровне знаком-

7 ПОРРАС С., *Искусство, религия, коммерция, рождение арт-рынка*, 159–161.

8 HAGENAU G., *Polnisches Theater und Drama: Ein integraler Bestandteil europäischer Theaterkultur 966–1795* (Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1994), 488–489.

9 HAGENAU G., *Polnisches Theater und Drama: Ein integraler Bestandteil europäischer Theaterkultur 966–1795*, 490–491.

ства киевских интеллектуалов с западными сборниками аллегорий и эмблем: Дмитрий Чижевский представил впечатляющий список книг по эмблематике, которые были в распоряжении Петра Могилы, Антония Радивиловского, Епифания Славинецкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и др.¹⁰

По выражению И. Шевченко, Могилянская коллегия была «кузницей» интеллектуальных кадров не только для местных элит, но и на «экспорт, преимущественно, для Москвы»¹¹.

С такой точки зрения продуктивно рассмотреть творчество монаха Симеона Полоцкого (Самуил Ситнянович-Петровский), который родился в Полоцке, учился в Киево-Могилянской коллегии, а в 1660-е гг. перебрался в Москву.

Подносный экземпляр своей «книжицы приветствованной» под названием «Орел Российский» Симеон Полоцкий представил венценосному семейству 1 сентября 1667 г. – в новый год и день объявления наследником престола царевича Алексея Алексеевича¹². Второе похвальное слово «книжицы» (Елогион) содержит развернутое обращение к геральдическому Орлу «Российския страны»; следом идет рисунок: солнце, в которое вписан Орел Российский испускает сорок восемь лучей – добродетели царя Алексея Михайловича; а муза эпической поэзии рекомендует белому орлу (Польша), всаднику «мечедержному» (ВКЛ) и луне (Турция) покориться Орлу Российскому. Поскольку Алексей Михайлович, «солнце славна Руска рода» – по условиям Андрусовского перемирия (январь 1667 г.) – освободил «от рук иноверных» Малую и Белую Росии (первое похвальное слово – Енкомион), постольку геральдический символ общности руси, сложившейся под властью монарха, – Орел Российский.

Для сравнения, в 1663 г. московский Печатный двор издал церковно-славянскую Библию – первую в русской традиции (ее курировал «могилянский» книжник Епифаний Славинецкий); фронтиспис украсило изображение двуглавого Орла, распростершего крыла над Москвой; соседний лист – поясняющий геральдический панегирик, где всадник на груди Орла (Георгий Победоносец) символизировал самого царя. Орел здесь – «образ сугубодержавства Алексия царя над

10 Д. Чижевський, *Українське літературне барокко* (Київ: Обереги, 2003), 193–196.

11 І. ШЕВЧЕНКО, *Україна між Сходом і Заходом: Нариси з історії культури до початку 18 століття* (Львів: Інститут історії Церкви Львівської Богословської Академії, 2014), 215.

12 См.: Симеон Полоцкий, *Орел Российский* (Москва: Индрик, 2016).

многими страны началства»¹³. В этой перспективе Симеон Полоцкий идеологически уточнил атрибутику Орла: он – не двуглавый, но именно «Российский».

В поэме Симеонова ученика Сильвестра Медведева «Плач и утешение» (1682), написанной на смерть царя Федора Алексеевича и подражающей «книжицам» учителя, чередуются «плачи» неких персонажей и загробное «утешение» им от царя Федора; среди этих персонажей – вместе с геральдическим Орлом – Великая Россия, Малая Россия и Белая Россия. «Плач Великия России» состоит из пространного перечисления добродетелей покойного царя¹⁴. «Плачи» Малой России и Белой России – лаконичней, зато Малая Россия уточняет, что царь был расположен к ее сынам, а Федор – с небес – именно ей указывает на оставленных вместо себя двух царственных братьев¹⁵ (соправители Иоанн VI и Петр I).

Иными словами, у Симеона Полоцкого Орел «Российския страны» объединял три руси под властью царя. А его продолжатель Сильвестр Медведев прямо персонифицировал три руси в качестве трех фигур, которые наделены (скупое выраженные) признаками самобытности и неодинаково почитаемы, но согласны в общей вере и любви к государю, воплощающему политическое надрегиональное единство¹⁶. То есть три воссоединенных руси образовывали «российскую нацию», которая обрела «пред-имперский» характер.

При Петре I в эмблематическом дискурсе, который стал использоваться приезжими интеллектуалами на службе России еще более регулярно и масштабно, начала доминировать триумфальная образность, что соответствовало позиционированию создающей себя через виктории (абсолютистской) нации. Петр в Москве с 1696 г. (взятие турецкого Азова) практиковал реальные триумфальные шествия, к которым позднее приурочивались панегирические школьные пьесы, причем, и сценаристы триумфов, и авторы пьес были преподавате-

13 Л. И. Сазонова, *Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.)* (Москва: Наука, 1991), 107–108.

14 П. Н. Берков (ред.), *Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* (Ленинград: Советский писатель, 1935), 131–132.

15 П. Н. Берков (ред.), *Вирши*, 133–134.

16 Ср. формулу, предложенную в 1915 г. П. Н. Савицким, апологетом просвещенного империализма: «Основное империализующее ядро русской империи, великое русское национальное единство создано слиянием Москвы и Украины» (статья «Борьба за империю» цит. по антологии: С. М. СЕРГЕЕВ (сост.), *Нация и империя в русской мысли начала XX в.* (Москва: Пренса, 2004), 301.

лями Славяно-греко-латинской академии, преимущественно киевской выучки. Программки драматических панегириков отдавали в печать. На фоне этой традиции и следует воспринимать пьесу «Ревность православия».

Для сравнения. В 1695 году была издана на польском языке поэма Ф. С. Орлика «Алкид Российский, коронованный триумфальным лавром» («Alcides Rossiyski triumfalnym lawrem ukoronowany», W Wilnie), в которой прославлялись военные подвиги украинского гетмана И. С. Мазепы (тогда лояльного царю)¹⁷. Здесь была описана триумфальная квадрига, на которой восседает аллегория Триумфа; за ней львы везут Российского Алкида (то есть Мазепу), а венчает триумфатора в Капитолии персонификация России (то есть Украина-Гетманщина).

Таким образом, хотя книжники московской Академии визуализировали в пьесе «Ревность православия» образ России согласно сложившейся аллегорической традиции, но они новаторски позиционировали принципиально новый концепт – надрегиональную идентичность петровской России как воинственно создаваемой (античным) героем-государем и – в ее ориентации одновременно на религиозные и римские образцы – не этнической, но пред-имперской.

Ништадтский мир (30 августа 1721 г.), завершивший Северную войну, послужил поводом для того, чтобы дискурс «российского» обрел имперскую завершенность. В связи с заключением мира Сенат предложил победоносному царю официально принять новый титул – императора. После великой победы – великий титул, что должно было произвести и соответствующий пропагандистский эффект.

К моменту восшествия Петра на престол (1682) государев титул звучал так:

«Божиею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смолен-

17 Л. И. Сазонова, *Литературная культура России: Раннее Новое время* (Москва: Языки славянских культур, 2006), 483–518.

ский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея северные страны повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств и земель Восточных и Западных и Северных Отчичь и Дедичь и наследник и государь и обладатель».

Первым следствием Ништадтского мира стало его пополнение: прибавилось «князь Лифляндский, Эстляндский и Карельский»¹⁸. То есть царский титул подразумевал исчерпывающий обзор земель, образующих Русское государство. Однако вскоре титул был принципиально трансформирован. 22 октября 1721 г. в петербургском Троицко-Петровском соборе Г. И. Головкин, президент Коллегии иностранных дел и старейший сенатор, торжественно просил царя Петра принять титул Императорского Величества:

«Вашего Царского Величества славные и мужественные воинские и политические дела, чрез которые токмо едиными Вашими неусыпными трудами и руководством мы <...> из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно: <...> дерзаем мы, учрежденный Вашего Величества Сенат, именем всего Всероссийского Государства подданных Вашего Величества всех чинов народа Всеподданнейше молити, да благоволите от нас <...> титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского принять. Из которых, титул Императорский Вашего Величества, достохвальным Антецессорам от славнейшего Императора Римского Максимилиана, от нескольких сот лет уже приложен, и ныне от многих Потентатов дается. А имя Великого по делам Вашим Великим, по достоинству Вам уже многие и в печатных письмах прилагают. Имя же Отца Отечества мы, хотя и недостойны такого Великого Отца, но по милости Божьей нам дарованного, дерзаем Вам приложить по прикладу древних Греческих и Римских Сиг-

18 А. Б. Лакиер, «История титула государей России», *Журнал Министерства народного просвещения*, по. 11 (1847): 149.

клитов, которые своим, славными делами и милостью прославившимся, Монархам, оное прилагали. <...> Виват, виват, виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!»¹⁹

Правомерность такого государственного акта Г. И. Головкин утверждал, представив концентрированное изложение имперской идеи. Он использовал псевдоисторическую ссылку на приписывание соответствующего титула великому князю Василию III со стороны императора Максимилиана Габсбурга²⁰, а также (через именование Петра I «Отцом Отечества») – на универсальный древнеримский образец.

Согласно новому титулу, Петр – Император Всероссийский, повелитель «Всероссийского Государства». Добавленный к хорониму «российский» компонент «все» у Головкина риторически акцентирован: в случае «всепресветлейший», «всеподданнейше», «всенижайше» он функционировал в качестве знака превосходной / всеобъемлющей степени, а как местоимение возникал в сочетаниях «весь свет», «все чины», обозначая всеобщность включенных в государство объектов. Значит, Император Всероссийский – великий («все» в первом смысле) повелитель всех (читай «отныне образующих единство») земель России («все» во втором смысле), полученных не столько по причине наследования (предыдущий титул указывал – «земель Восточных и Западных и Северных Отчичь и Дедичь и наследник и государь и обладатель»), сколько по причине воинской доблести (римская императорская парадигма).

Очевидно, императорский титул подразумевал принципиально новые пропагандистские смыслы: 1) Петр – повелитель «Всероссийского Государства», где «вся» Россия обозначала унифицированное надрегиональное и надэтнокультурное политическое единство; 2) политическое единство сложилось не как следствие естественного предначертанного развития русского народа, но как результат славных воинских

19 См.: С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен. Кн. IX* (Москва: Мысль, 1993), 311–312.

20 В 1718 г. в Петербурге заблаговременно опубликовали т. н. Грамоту императора Максимилиана, которая якобы была случайно обнаружена в архиве. Ее активно демонстрировали иностранным дипломатам: важность документа заключалась в том, что в 1514 г. император Священной Римской империи титуловал великого князя московского Василия III Ивановича «цесарем всероссийским». Показательно, что, поручая тогда Федору Поликарпову написать русскую историю, Петр I указывал начать ее именно с правления Василия Ивановича, см. подробнее: Е. А. Погосян, *Петр I – архитектор российской истории* (Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001), 198–206.

побед Петра I; 3) кроме того, Петр-император, подобно равноапостольному императору Константину, взял под контроль и Церковь, введя Синодальное управление и подчинив церковную деятельность новому апостольству – (пере)воспитанию подданных «Всероссийского Государства». Ориентируясь на Рим древний и рассчитывая построить *Рим новый*, Петр I предполагает унификацию государства, в том числе «огосударствление» Церкви.

В 1721 г. Петр-император не устраивал церемонии коронации, иначе бы она сомнительно дублировала таинство его венчания на царство в 1682 г. Зато в мае 1724 г., сочтя своевременным утвердить статус супруги (и детей), Петр I короновал императорской короной Екатерину Алексеевну, что опосредованно подразумевало и его собственную коронацию. Торжества по этому поводу обрели программное пропагандистское значение. Венчание московских Рюриковичей, а затем Романовых на царство традиционно происходило в московском Успенском соборе, и – чтобы манифестировать Всероссийскую Империю – сопровождалось панегирической пьесой.

Официальный заказ призвана была исполнить панегирическая драма «*Слава российская*» (1724). Она была устроена в театре не при Славяно-греко-латинской академии, а при другом московском учебном заведении, на первый взгляд, неожиданном – Госпитале (им руководил голландец Николай Бидлоо). Основанный в 1706 г., он имел как медицинское, так и педагогическое назначение. Среди его учеников оказались и бывшие студенты Славяно-греко-латинской академии, они владели латынью. В репертуар театра Бидлоо входили преимущественно инсценированные повести, лишь «Слава российская» и «Слава печальная» (о которой далее) относились к жанру панегирической драмы. Автор первой и предполагаемый автор второй – малорос Федор Журовский, перешедший в Госпиталь именно из Академии.

«Слава российская» реализует те же поэтологические принципы, что и прежде панегирики Славяно-греко-латинской академии. Готовили ее академические студенты, с той же выучкой. Пьесу предваряет прозаический пролог, где «слушателем» сообщают основные идеи пьесы. Ключевая из них – противопоставление допетровского «прежде» и петровского «ныне»: «Прежде бо аще и много обид и досаждений бедная Россия от прочих наций принимала, но се ныне в коликую произыде славу, коликия чести достиже»²¹. «Ныне слава» России об-

21 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 257.

условлена деяниями монарха, которого Журовский чествует новыми титулами и прозваниями: «Сея радости не ин кто есть виновен. Точию вседержавнейший («все-»! – М. О.) наш император, отец отечества всероссийского, Петр Первый именем, Петр Великий делом и мужеством»²². На первое место поставлены военные успехи Петра, подкрепленные недавним персидским походом 1723 г., в результате которого Россия присоединила Дербент. От возвеличения императора-героя драматург переходит к похвалам его супруге, которую Петр только что короновал. В петровской логике «триумфальный праздник ея величества коронавания» есть следствие не того, что Екатерина Алексеевна – жена императора, а того, что она – тоже герой:

«Ея бо величество, оставивши женскую слабость, не страшась военного Марса, во всех российских маршах и в иных знаменитых акциях, на последок и в самом тяжчайшем марше, марше глаголю дербенском, мужественно подвизатися изволила <...> Таковых трудолюбивых ради ея величества подвигов промыслом божиим достойнее пресветлейший верх ея российскую короною венчается»²³.

Журовский пользовался приемами академического панегирика, но преобразовывал их, добиваясь отчетливости политической позиции. Сюжет редуцирован до единственной линии: благодаря победам Петра, «прежняя» Россия превращается в великую «нынешнюю» и коронует Добродетель Российскую – аллегорического «заместителя» Екатерины Алексеевны.

В поэме Медведева «Плач и утешение» были представлены три фигуры – Великая Россия, Малая Россия, Белая Россия, однако в «Славе российской» Россия – уже единственный персонаж: все персонажи соотносятся с одночленным лаконизмом формулы «Всероссийский», аллегорически оформлявшей петровскую надрегиональную и надэтнокультурную политическую общность русского народа.

Когда аллегория России впервые явилась в «Ревности православия», она, собственно, не участвовала в основном действии, а только в финале передвигалась «на торжественной колеснице» и увенчивала героев. Напротив, в «Славе российской» персонификация России –

22 А. С. ДЕМИН (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 258.

23 А. С. ДЕМИН (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 259.

с сюжетной точки зрения – заняла центральное место; она, Россия – персонаж, вокруг которого складывается сюжет.

Петровская пропаганда подчеркивала воинственность имперской России, и России в «Славе российской» помогают не ветхо- или ново-заветные герои (как в академических панегириках), но античные боги, олицетворявшие новый Рим Петра: Марс – армию, Паллада – «искусства и науки» (империя не сводится к воинским деяниям, но расширительно ассоциируется с усвоением новых достижений в науках и искусстве), Нептун – флота (строительством которого так гордился император).

В «Славе российской» восхваление российского флота логично перерастает и в восхваление новой столицы: до Петра «войска так регулярна не было и флота, / Славнейша Петербурга, не было Кроншлота»²⁴.

Наряду с античными богами в «Славе российской» фигурирует Благочестие, персонифицирующее Церковь. Она встроена в петровскую концепцию новой имперской общности, конфессии в империи – своего рода пункт в стандартизированной «анкете» подданных единого «Всероссийского Государства». В «госпитальном» панегирике Благочестие присутствует только в «бессюжетном» II-м акте, где – в единении с античными богами – славит Добродетель Российскую (Екатерину Алексеевну), тем самым – Петра I.

Петровская имперская концепция подразумевала еще один компонент, отчасти прагматический: оформленное Петром надрегиональное и надэтнокультурное политическое единство с самого начала рассчитывало не на статус универсального центра в рамках Старой Европы, а «первое среди равных» место в новой полицентричной раннеמודерной европейской системе координат. Как выразился Г. И. Головкин, «мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света, <...> и во общество политичных народов присовокуплены».

В прологе «Славы российской» былое унижение России также прочитано во внешнеполитическом аспекте – виной тому соседние державы: «Прежде бо аще и много обид и досаждений бедная Россия от прочих наций принимала <...>»²⁵. Но торжество России ныне заслуживает уважения – в финале пьесы его выказывают олицетворения Польши

24 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 268.

25 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 257. См. позднейшую републикацию пьесы: С. И. Николаев (отв. ред.), *Петр I в русской литературе XVIII века: тексты и комментарии* (Санкт-Петербург: Наука, 2006), 66–89.

и Швеции: Россия состоялась, она признана «прочими нациями», она – на равных с ними.

Здесь в текст неожиданно вторгается понятие «нация». Но оно не обозначает некую надрегиональную этнокультурную общность: имперская Россия – «нация», поскольку признана ведущими европейскими «нациями». Это имперская нация – надрегиональная и надэтнокультурная, надсословная и надконфессиональная.

Вторая пьеса Госпитального театра – «Слава печальная» (так!) – была поставлена 26 декабря 1725 г.: к рождественским празднествам приурочили панегирик Петру Великому (уже почти год как умершему к тому времени). «Слава российская» – в мажорной тональности, «Слава печальная» – в минорной. Но их пропагандистское послание сходно – в обеих пьесах аллегорическая фигура России в центре: в «Славе печальной» она произносит даже более пространные и патетические речи.

Петровская Россия – империя. Этнокультурные различия подданных Петра Великого здесь второстепенны. В «Славе печальной» о государе скорбят все – кавалеры, старики и «младые»; пролог сообщает, что «российские чада» оплакивают «отца», «вои российстии» – храброго «кавалера», «старики» – «жезл старости», «юнии» – премудрого учителя²⁶. И в прологе, и в 7-м явлении вслед за россиянами разных возрастов (ср. в речи Головкина о «подданных Вашего Величества всех чинов народа») на сцену выходит аллегория России, вбирающая в себя всех подданных империи. Их презентация по возрастам свидетельствует здесь не о разном, но совокупном полном – «все» (империя – Всероссийская).

Слава Российской империи, визуализированной в «Славе печальной», – безмерна: к почитающим Россию соседним Польше, Швеции и Персии в пьесе присоединяется Вселенная – персонификация мирового сообщества, всего рода людского.

Неожиданный смысл обрело в «Славе печальной» и понятие «нация»: Петр «преставился, умре, отиде от России в другую нацию, государство небесное»²⁷. «Нация» странным образом действительна не только в мире дольном, но и горнем:

«Царь на свете быв в жизни, и там царствовать
Император будет, там Петр имперовати»²⁸.

26 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 285.

27 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 310.

28 А. С. Демин (отв. ред.), *Пьесы школьных театров Москвы*, 306.

Петр царствовал и «имперовал» «в жизни», будет царствовать и «имперовать» над «небесной нацией» – Всероссийская Империя богоугодна и не нуждается в дополнительной санкции Церкви²⁹.

Безусловно, концепт, должный транслировать имперское послание, был в «Славе печальной» религиозно рискованным. Но ведь и Феофан Прокопович именвал императора не иначе как Христом в сочинении «О власти и чести царской» (1718): «Кия же титлы? кия имена? Бози и Христы нарицаются»³⁰.

Образ России в поздних панегирических пьесах эпохи Петра I реализовывал сложный смысловой конструкт. Пьесы иллюстрировали принципиальные составляющие имперского варианта надрегиональной и надэтнокультурной общности: 1) Россию в «госпитальных пьесах» представляла одна аллегорическая фигура – Империя Петра, Всероссийская; 2) среди аллегорических спутников России присутствовало Благочестие как олицетворение христианства, но в роли вполне служебной – в случае петровской Империи Церковь из «вертикального» института, питающего народное самосознание, превращается в «горизонтальный» атрибут, одну из составляющих государственного аппарата; 3) у Журовского аллегорическая Россия, поддерживаемая Марсом, Нептуном и Палладой, вызывает заслуженное уважение соседних «наций», обеспечивающее ей достойное место в новой Европе, в новом мире. Превращаться в мировую империю государство Петра не планировало, но панегирический гиперболизм сигнализировал, что имперская нация выходит за свои границы³¹.

Итак, образ России был впервые представлен в драматических панегириках петровской эпохи. Эта визуализация осуществлялась по

29 Ср. в стихотворении В. К. Тредиаковского «Элегия о смерти Петра Великого» (1725), которое венчают строки: «Но у Бога велика радость процветает: / Яко Петр пребывает весел ныне в небе, / Ибо по заслугам там ему быти треба» (см.: В. К. Тредиаковский, *Избранные произведения* (Москва; Ленинград: Советский писатель, 1963), 59). Здесь иной акцент: покойный император попадает на небо «по заслугам», что символизирует богоугодность его (завершившегося) правления. Но «небеса» у Тредиаковского не становятся новой державой Петра.

30 Феофан Прокопович, *Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, часть 1* (Санкт-Петербург: Шляхетский кадетский корпус, 1760), 251.

31 См. также мою статью «Репрезентация России в панегирической драме петровской эпохи, 1724–1725 гг.: imperia vs confession»: А. В. Доронин (ed.), *Религия и русь, XV–XVIII вв.* (Москва: Политическая энциклопедия, 2020), 390–412.

правилам эмблематического дискурса, перенесенного из Западной Европы. Аллегория торжествующей России – представленная в триумфальном жесте – наглядно и зримо показывала новый идеологический конспект и, в свою очередь, воздействовала на него, акцентируя не этнический, но универсально-имперский характер.

References

- P. N. BERKOV (red.), *Virshi: Sillabicheskaia poeziia XVII–XVIII vv.* [Verses: Syllabic Poetry of the 17th–18th Centuries] (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1935), 131–134.
- D. CHIZHEVSKII, *Ukrains'ke literaturne barokko* [Ukrainian Literary Baroque] (Kiiv: Oberegi, 2003), 193–196.
- A. S. DEMIN (otv. red.), *P'esy shkol'nykh teatrov Moskvy* [The Plays of School Theaters in Moscow] (Moskva: Nauka, 1974), 214–215, 257–259, 268, 285, 306, 310.
- A. V. DORONIN (ed.), *Religiia i rus', XV–XVIII vv.* [Religion and Rus: 15th–18th Centuries] (Moskva: Politicheskaiia entsiklopediia, 2020), 390–412.
- PETRARCA FRANCESCO, *Trionfi* [Triumphs] (Introduzione e note di G. Bezzola; Milano: BUR Rizzoli, 2016), 96–112.
- HAGENAU G., *Polnisches Theater und Drama: Ein integraler Bestandteil europäischer Theaterkultur 966–1795* [Polish Theater and Drama: An Integral Part of European Theater Culture 966–1795] (Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1994), 488–491.
- A. B. LAKIER, "Istoriia titula gosudarei Rossii" [A History of the Title of the Russian Sovereigns], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, no. 11 (1847): 149.
- S. I. NIKOLAEV (otv. red.), *Petr I v russkoi literature XVIII veka: teksty i kommentarii* [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century: Texts and Commentaries] (Sankt-Peterburg: Nauka, 2006), 66–89.
- M. P. ODESSKII, *Poetika russkoi dramy: posledniaia tret' XVII – pervaiia tret' XVIII v.* [The Poetics of Russian Drama: The Last Third of the 17th – The First Third of the 18th Century] (Moskva: RGGU, 2004), 54–55.
- E. A. POGOSIAN, *Petr I – arkhitekt rossiiskoi istorii* [Peter I – The Architect of Russian History] (Sankt-Peterburg: Isskustvo-SPB, 2001), 198–206.
- SIMEON POLOTSKII, *Orel Rossiiskii* [The Russian Eagle] (Moskva: Indrik, 2016).
- PORRAS, S., *Iskusstvo, religiia, kommersiia, rozhdenie art-rynka: Severnyi Renessans* [Art, Religion, Commerce: The Birth of the Art Market in the Northern Renaissance] (Moskva: Slovo/Slovo, 2019), 159–161, 214–215.
- FEOFAN PROKOPOVICH, *Slova is rechi pouchitel'nye, pokhval'nye i pozdravitel'nye, chast' 1* [Words and Speeches Instructive, Laudatory, and Congratulatory, Part 1] (Sankt-Peterburg: Shliakhetskii kadetskii korpus, 1760), 251.
- L. I. SAZONOVA, *Literaturnaia kul'tura Rossii: Ranee Novoe vremia* [The Literary Culture of Russia: Early Modern Era] (Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006), 483–518.
- L. I. SAZONOVA, *Poeziia russkogo barokko (vtoraia polovina XVII – nachalo XVIII v.)* [The Poetry of the Russian Baroque (Second Half of the 17th – Early 18th Centuries)] (Moskva: Nauka, 1991), 107–108.

I. SHEVCHENKO, *Ukraina mizh Skhodom i Zakhodom: Narisi z istorii kul'turi do pochatku 18 stolittia* [Ukraine Between East and West: Essays on the History of Culture Until the Beginning of the 18th Century] (L'viv: Institut Istorii Tserkvi L'vivs'koï Bogoslovsk'oi Akademii, 2014), 215.

S. M. SERGEEV (sost.), *Natsia i imperiia v russkoi mysli nachala XX v.* [Nation and Empire in Russian Thought at the Beginning of the 20th Century] (Moskva. Prens, 2004), 301.

S. M. SOLOV'EV, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. Kn. IX* [A History of Russia from Ancient Times. Vol. IX] (Moskva: Mysl', 1993), 311–312.

V. K. TREDIAKOVSKII, *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works] (Moskva, Leningrad: Sovetskii pisatel', 1963), 59.

О. К. ЕРМАКОВА

**ПРАКТИКИ НАЙМА ИНОЗЕМЦЕВ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ
ПРИ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ И ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ¹**

**THE PRACTICE OF HIRING FOREIGNERS
FOR THE RUSSIAN CIVIL AND MILITARY SERVICE
UNDER ALEXEI MIKHAILOVICH AND PETER THE GREAT**

This article examines the evolution of the practice of hiring foreign specialists for the Russian civil and military service from the second half of the 17th to the first quarter of the 18th century. The author examines continuity and innovations in the methods of recruitment and the documentation of the processes associated with this. The paper identifies the main groups of people engaged in hiring foreigners. This aspect is important because the personalities of mediators left an imprint on the practical and legal basis for recruitment. It is concluded that, from a practical point of view, recruiters (who were sent abroad to hire foreign experts) faced similar tasks both during the reign of Alexei Mikhailovich and later, in the era of Peter I (these included problems of material support, the transportation of craftsmen, attracting specialists by favorable proposals, agreeing on conditions of service, etc.). The author also notes that as early as the second half of the 17th century there was a practice of issuing written contracts to foreign specialists, but this was only episodic. During the era of Peter the Great, the contract became the key basis for the admission of foreigners to the Russian civil and military service, and such contracts were based on the same principles as in the previous period. In order to attract a large number of foreign specialists, Peter I and his agents had to take into account the requirements of foreigners and legally expand their rights and privileges. This undoubtedly led to an improvement in both the social and legal status of foreigners as well as in the system of relations between the Russian state and its non-Russian hired specialists.

Keywords: foreign specialists, contracts, Peter I, second half of the 17th century, practices of recruitment, Russian civil and military service

Olga K. Ermakova – PhD in History, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ermakovaok@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2095-1001>

1 *Citation:* O. K. ЕРМАКОВА, “Praktiki naima inozemtsev na russkuiu sluzhbu pri Aleksee Mikhailoviche i Petre Velikom” [The Practice of Hiring Foreigners For the Russian Civil and Military Service Under Alexei Mikhailovich and Peter the Great], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 105–117. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.16

Традиционно при изучении темы иностранцев в России в историографии присутствует условная хронологическая граница. Рассматриваются «иноземцы в Московском государстве в XVII в.» (или в XVI–XVII вв.) и «иноземцы при Петре I». Таким образом, оказываются акцентированы разные этапы политики в отношении иностранцев, их социального положения, юридического регулирования повседневной жизни и профессиональной деятельности². Без сомнения, петровские преобразования дали мощный стимул масштабным мерам по привлечению иностранных специалистов и формированию качественно нового социально-правового статуса иноземцев в России, упразднили ряд распространенных ранее практик (как в плане привлечения специалистов, так и с точки зрения отношения к ним в период службы). Между тем, наряду с новыми явлениями (включая методы вербовки, законодательные основы статуса иноземцев, управление социальной стратой иностранцев в эпоху Петра I) очень многое свидетельствовало о континуальности практик найма зарубежных специалистов, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Процесс поиска и приема на службу зарубежных специалистов предполагал решение ряда практических задач, содержание которых принципиально не менялось как при Алексее Михайловиче, так и позднее – во время правления Петра I. Неизменным оставалось и то, что непосредственное влияние на характер и успех реализации мероприятий по вербовке оказывал человеческий фактор – ключевое значение имели личности людей, которые занимались наймом. Задаваясь вопросом о том, кем были эти люди – агенты царя, мы выходим на проблему реконструкции круга лиц, напрямую занятых вербовкой иноземцев. В данном контексте особенно продуктивным представляется использование понятия «контактные группы», которым С. М. Шамин и О. Янсон обозначили «различные социальные и профессиональные группы,

2 Например, проблемы правового статуса, юрисдикции и реального положения иноземцев в России на основе широкого круга источников рассмотрены С. П. Орленко: С. П. Орленко, *Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение)* (Москва: Древлехранилище, 2004). Вопросы, связанные с профессиональной принадлежностью, религиозными барьерами, перекрещиванием иноземцев в России XVI–XVII вв. исследовала Т. А. Опарина: Т. А. Опарина, *Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии* (Москва: Прогресс-Традиция, 2007). Немецкая слобода Москвы и её обитатели в эпоху Петра I стали предметом изучения В. А. Ковригиной: В. А. Ковригина, *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв.* (Москва: Археографический центр, 1998).

принявшие на себя роль межъязыковых и межкультурных посредников в Московском государстве периода раннего Нового времени»³. Подобно тому, как С. М. Шамин и О. Янссон классифицировали контактные группы людей, так или иначе связанных с выполнением письменных или устных переводов, возможно выделить контактные группы, напрямую или косвенно вовлеченные в процесс привлечения иноземцев на русскую службу.

Выявление медиаторов межкультурного взаимодействия, контактных групп приближает к пониманию процедуры найма иностранцев, её эволюции. В первую очередь, посредниками выступали сами иноземцы – уже находившиеся на русской службе («старовыезжие») или вновь принимаемые. Как отметил С. П. Орленко во введении к монографии о правовом положении иностранцев в России XVII в., «завоевавшие доверие иноземцы в качестве поверенных и агентов привлекались русским правительством для выполнения ответственных поручений в странах Западной Европы»⁴. В числе подобного рода поручений автор называет и найм специалистов на русскую службу. Надо заметить, что такие миссии нередко возлагались на иноземцев высших военных чинов, которые при этом набирали иностранцев не только на военную, но и на гражданскую службу. Например, в начале 1670-х гг. для поиска мастеров и музыкантов в Швецию, Курляндию и Пруссию направили полковника Николая фон Стадена⁵. По предположению А. А. Рогожина, Н. фон Стаден, как и большая часть генералитета полков «нового строя», принадлежал к низшему или среднему европейскому дворянству (как правило, незнатному и небогатому), а в Московском государстве служил с начала 1650-х гг. В России ему удалось достичь высоких военных чинов – дослужиться до генерал-майора. Правда, чтобы остаться на службе московскому государю, Н. фон Стаден, как и его брат, полковник Г. фон Стаден, в конце 1670-х гг. принял православие⁶. Известным примером, относящимся к петровской эпохе, является масштабный найм иноземцев вице-адмиралом Корнелием Крюйсом в 1698 г.⁷ Он же

3 С. М. Шамин, О. Янссон, ««Контактные группы» Московского государства», в *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2* (Москва: Институт российской истории РАН, 2021), 223–224.

4 Орленко, *Выходцы из Западной Европы*, 4.

5 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1.

6 А. А. Рогожин, *Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века*. Дисс. ... канд. ист. наук. (Орел, 2014), 67, 70, 167.

7 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8, 9.

посредничал в ходе вербовки и лично нанимал офицеров, матросов, корабельных плотников и других мастеровых людей в Голландии в период 1701–1703 гг. и 1706 г.⁸ В 1718 г. разных мастеровых людей набирал на русскую службу полковник фон Люберас⁹. По какой причине русское правительство обращалось именно к военным иностранцам? Возможно, ввиду их большей мобильности. Ведь нередко военные наемники имели опыт службы в различных государствах. Кроме того, в ходе вербовки важную роль играли вопросы безопасности как самого царского агента, так и нанимаемых им специалистов. Власти зарубежных стран далеко не всегда охотно приветствовали отъезд своих подданных на заграничную службу, да и международная обстановка порой осложняла выполнение подобных миссий (рекрутерам случалось действовать в ситуации близости военных конфликтов).

Другая контактная группа – иностранные купцы, «торговые иноземцы». В силу характера деятельности, тесного переплетения торговых и личных связей, купцы традиционно выступали акторами культурного обмена и носителями других языков¹⁰. Закономерно, что связи и возможности иностранных торговцев еще с XVI в. использовались и в качестве канала для привлечения зарубежных специалистов в Московское государство¹¹. Во второй половине XVII в. «торговые люди» активно участвовали в обеспечении финансовой стороны вербовки и организации транспортировки мастеров, а в ряде случаев напрямую занимались наймом как посредники русского царя. Например, в июле 1656 г. купец Иоганн Вебстер по поручению государя заключил контракт о приеме на русскую службу генерала артиллерии де ла Рохта¹². В начале 1670-х гг. миссия упомянутого выше полковника Николая фон Стадена проходила в постоянном взаимодействии с иностранными торговыми

8 В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич, А. Мезен (ред.), *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727* (Москва: Ломоносовъ, 2019), 33.

9 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1718 г. Д. 3. Л. 1–2об. Вероятно, речь идет о Иоганне Люберасе, старшем сыне барона Ананиаса Христиана Потта фон Любераса (А. Мустафин, «Роль барона А. Х. Любераса в коллегияльной реформе Петра I: новые документы», *Quaestio Rossica*, Т. 6, no. 1 (2018): 103).

10 См. рассуждения С. М. Шамина и О. Янссон по данному аспекту: Шамин, Янссон, «Контактные группы», 226.

11 См., например: В. Ржеуцкий, Д. Гузевич, «Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I», *Quaestio Rossica*, Т. 6, no. 1 (2018): 81.

12 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1656 г. Д. 7. Л. 1–3.

людьми. Так, купцу Эрману Бекеру поручалось выдать 300 рублей рудознатцу, служившему саксонскому курфюрсту, и выразившему желание отправиться в Московское государство, как только получит грамоту от курфюрста¹³. Торговый иноземец Данила Артман посредничал при передаче денег доктору и комедиантам, нанятым Н. фон Стаденом и следовавшим в Москву из Стокгольма и Риги¹⁴. Кроме того, полковник «приискал» в Стокгольме золотых и серебряных дел мастеров и испрашивал позволения государя пригласить их на службу. В случае положительного решения следовало «на снасти и на подъем» тем мастерам послать деньги «чрез торгового доброго иноземца»¹⁵.

Наконец, начиная с Великого посольства, ведущая роль в организации найма иностранных специалистов принадлежала российским дипломатическим представителям, послам и резидентам за рубежом. В эпоху Петра I значительно увеличивается приток иностранцев, вследствие чего возрастает число связанных с наймом документов (прежде всего, письменных договоров). В этих условиях отчетливо виден «почерк» разных людей, занятых вербовкой. Он проявлялся как в форме и содержании текстов контрактов (или договорных писем), так и в приоритетах (включая личные мотивы) при отборе специалистов. Наглядный пример – неприятие Франсуа Лефортом (нанимавшим иноземцев во время Великого посольства) католической веры. Будучи убежденным кальвинистом, Ф. Лефорт старался избегать найма католиков. В результате, даже многие из уже принятых на службу специалистов вскоре оказывались уволены¹⁶. Что же касается документирования найма иностранцев, то комплексы договорных писем, составленных от имени разных царских агентов, демонстрируют четкие различия как с точки зрения формуляра, так и в плане содержания. Например, после представленного в Посольский приказ текста договора, заключенного Жаном Лефортом с художником Луи Караваком в 1715 г., даже сделано примечание о том, что «во всех договорах господина Лефорта с мастеровыми людьми французами оглавление такое каково в сем договоре»¹⁷.

Особую категорию агентов и посредников Петра I составляли представители различных профессиональных групп, нанимавшие специалистов по своему профилю для нужд новых государственных уч-

13 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 44–45.

14 Там же. Л. 62–64.

15 Там же. Л. 84.

16 В. Ржеуцкий, Д. Гузевич, «Вербовка иностранных специалистов»: 84–85.

17 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 37.

реждений, возведения культурных объектов и т.п. Например, первым поручением Генриха Фика, принятого в 1715 г. на должность советника создаваемой Камер-коллегии, стала поездка в Швецию для того, чтобы раздобыть регламенты коллегий и набрать квалифицированных специалистов¹⁸. Иоганн Фридрих Блиер, сыгравший ключевую роль на начальном этапе интенсивного развития горного дела в России, а также внесший весомый вклад в создание Берг-коллегии, в начале 1700-х гг. лично занимался поиском горных мастеров за рубежом¹⁹. К данной категории контактных групп можно отнести и тех, кто не был специально направлен за границу для найма специалистов, но выполнял эту функцию в процессе собственного перехода на русскую службу. Речь идет о ведущих специалистах-иноземцах, которые перед выездом в Россию набирали для себя команду помощников. Среди таковых иностранные архитекторы (Ж. Б.-А. Леблон, Д. Трезини, Б. К. Растрелли), привозившие мастеров, необходимых для осуществления полного цикла работ²⁰. Можно предположить, что в таких случаях лучше контролировался уровень квалификации мастеров, поскольку иностранцы самостоятельно, с профессиональной точки зрения оценивали степень мастерства своих будущих помощников.

Для того, чтобы приблизиться к пониманию степени преемственности и/или обновления механизмов найма иностранцев, следует обратиться к деталям процедуры вербовки («приговаривания») иноземцев, организации их отправки к месту службы и документирования соответствующих процессов. Источники свидетельствуют, что с практической точки зрения, царские агенты, занимавшиеся наймом иноземцев, сталкивались со схожими задачами и трудностями как во второй половине XVII столетия, так и в первой четверти XVIII в. Что же касается делопроизводственных нюансов, то различия оказывались более заметны. Обратимся, в первую очередь, к основным практическим вопросам, связанным с поиском и приемом иноземцев на службу. Очевидно, что одним из ключевых моментов являлось материальное обеспечение всего процесса вербовки. Оно включало в себя несколько составляющих. Во-первых, речь идет о снабжении необходимыми денежными средствами царского агента, отправляемого за рубеж. Имеется в виду жалование,

18 Д. Поленов, «О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом», в *Русский архив*, по. 11 (1869): 1736.

19 И. Ф. Герман, *Историческое начертание горного производства в Российской империи* (Екатеринбург: Горная типография, 1810), VIII, 10–11.

20 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12. Л. 1–55; 1715 г. Д. 1. Л. 1–37; 1716 г. Д. 1. Л. 1–31.

компенсация путевых издержек, «корм» в пути. Во-вторых, следовало обеспечить денежное довольствие вызываемым специалистами. Зачастую вербовщик договаривался с мастерами о выдаче им определенной суммы сразу, «на подъем», и отвечал за то, как они прокормятся в пути. Иногда деньги на такого рода нужды выдавались изначально царскому посланнику, а в иных случаях следовало прибегнуть к помощи и посредничеству иностранных торговых людей. Последние оказывались особенно полезны, когда агент русского государя покидал место вербовки, а нанятые специалисты оставались за границей на время ожидания разрешений и соответствующих грамот от зарубежных монархов. Чаще всего иноземцы находились некоторое время в приграничных городах, а после получения проезжих грамот отправлялись далее к месту службы. Несмотря на всю важность финансовых вопросов, они нередко оставались нерешенными, требовали дополнительного рассмотрения. Вполне типична ситуация, изложенная в челобитной Николая фон Стадена, согласно которой полковник, отправленный «для приговаривания мастеровых людей» в 1672 г., не получил положенного ему жалования, а между тем, ему требовалось не только для себя «пропитание», но и мастерам «на месте наперед дать корму на три месяца»²¹.

Наряду с финансовой составляющей важно обратить внимание на юридическую сторону привлечения иностранных специалистов. В последней четверти XVII в. иноземцы все более активно акцентируют внимание на обеспечении гарантий своих прав и конкретизации условий будущей службы. В конечном счете, это приведет к реализации массовой практики заключения письменных договоров при Петре I. Во второй половине XVII в. контракты составлялись далеко не со всеми специалистами. Тем не менее, можно наблюдать, как происходило формирование основ договорных отношений между российским государством и иноземцами. Иностранцы формулировали требования, которые в дальнейшем обеспечат переход к принципиально новому статусу зарубежных специалистов (во всяком случае, юридически) и откроют возможности для масштабного найма необходимых иноземцев в рамках политики Петра I.

Одним из ключевых условий иноземцев являлся запрос на гарантии права обратного выезда, возможности вернуться в отечество после службы в России. Это предвещало переход от прежних практик удержания иностранцев в Московском государстве к свободе их передви-

21 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 9–10.

жений после завершения контракта. Причем, гарантии испрашивались иноземцами на уровне государственных властей. Так, приглашенные Н. фон Стаденом из Курляндии трубачи были наслышаны, что некоего черепичного мастера не отпускают из Москвы, а один свирельщик якобы писал жене, что ему «на Москве не добро», грозят кнутом бить и пугают Сибирью. В связи с этим, сообщал Н. фон Стаден, князь курляндский просил, чтобы того черепичного мастера отпустили, дабы «иным охотнее было к Москве ехать»²². Во время правления Петра I право отъезда в отечество закреплялось как законодательно, так и в договорах, хотя на практике данная норма далеко не всегда соблюдалась, поскольку иностранцы по-прежнему находились в зависимости от воли государя (а не только от условий контракта). Тем не менее, юридические основы были заложены, и иноземцы увереннее и охотнее выезжали на службу царю. В конце XVII в. иноземцы уже напрямую отказывались ехать без письменно зафиксированных гарантий своих прав, включая требования о заключении контрактов, праве возвращения на родину, выплате денежного (а не натурального) жалования, авансов на проезд²³.

В допетровскую эпоху заключение письменных договоров носило эпизодический характер. Вместе с тем, имеющиеся примеры демонстрируют преемственность практик выезда по контрактам. В ходе миссии Н. фон Стадена один из специалистов удостоился оформления договорного письма. Речь идет о докторе и рудознатном мастере Яне Цыпфеле. Вербовщик, докладывая о результатах своей поездки в Посольском приказе, охарактеризовал названного специалиста как «гораздо ученого и почтенного человека»²⁴. При этом, нанятые в то же время музыканты и комедианты ехали в Москву, полагаясь исключительно на устные договоренности с полковником. Впрочем, трубачи и «потешники»²⁵ получали больше свободы действий, поскольку имели право выступать не только при дворе государя, но и играть для других людей за плату²⁶. То есть, контракты составлялись выборочно, вероятно – по требованию конкретных и особенно ценных для нанимателя иноземцев. В договорном письме упомянутого доктора и рудознатца Я. Цыпфе-

22 Там же. Л. 36–37.

23 Ржеуцкий, Гузевич, Мезен, *Иностранные специалисты*, 41.

24 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 59.

25 О традиции приглашать иностранных «потешников» см.: С. Шамин, К. Дженсен, «Иноземные потешники при дворе первых московских царей», *Российская история*, no. 1 (2018): 32–46.

26 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 35, 39.

ля обращает на себя внимание то, что ряд ключевых условий службы четко не определены. К таковым относится срок договора: объявляется, что иноземец будет пребывать в службе у царского величества столько времени, сколько сам захочет. Не уточнялся и размер жалования. Указывалось лишь, что за каждую его специальность (доктора и рудознатца) иностранец будет получать ежемесячно достойный корм, равный тому, что дается другим медикам и рудокопным мастерам. Зато оговаривались конкретные суммы денег на подъем и на помощь оставшимся в Риге жене и детям иноземца. Отдельный пункт договорного письма гласил, что если Я. Цыпфеля не устроит предложенное жалование, то он вправе без всяких убытков для себя возвратиться назад за счет казны. Таким образом, договорное письмо выступало документом, устанавливавшим предварительные условия службы. Тем более, что для принятия окончательного решения следовало получить одобрение от государя на заявленные договорные пункты. Иноземцу обещали свободу вероисповедания и «ото всех людей» почтение. В договоре прописывалось, что к саксонскому курфюрсту будет направлена грамота от царя с просьбой отпустить на временную службу доктора, а с ним рудокопных мастеров и плавильщиков. Гарантировалась помощь иноземцу в пути и сопровождение от Риги до Москвы. Данная миссия возлагалась на дядю полковника Н. фон Стадена, Якоба фон Стадена. В случае гибели иностранца во время службы его жене и детям следовало оказать поддержку и содействие при отъезде из России. При составлении договорного письма присутствовали двое свидетелей²⁷. Комедианты²⁸ и трубачи, которых «приискал» полковник Николай фон Стаден, также высказали несколько требований относительно службы в России, хотя свидетельств о заключении с ними письменных договоров нет. Условия касались размера оплаты за выступления при дворе и права играть перед любыми другими людьми за деньги²⁹. Подтверждением принятия их запросов являлось одобрение государя и соответствующий указ.

27 Там же. Л. 50–55.

28 В тексте источника используются написания «окомедианты» или «экомедианты». По-видимому, подьячие таким образом прочитали иностранное слово «комедианты». М. Фасмер указывает на то, что слово вошло в употребление в Петровскую эпоху. (М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Т. II. (Москва: Прогресс, 1986), 301). Однако, мы видим, что оно используется в русском языке уже в 1670-е гг. Возможно, слово появилось раньше – в середине XVII в. и переживало фонетические трансформации, пока окончательно не прижилось в языке-реципиенте.

29 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 38–39.

Отсутствие конкретики в ряде условий контракта не являлось отличительной чертой всех договоров. Во второй половине XVII в. уже составлялись весьма детальные тексты соглашений. Например, договоры с голландскими корабельными мастерами, заключенные в 1667 г. через Ивана ван Сведена, содержали точные суммы жалования мастерам и определяли срок службы в четыре года с возможностью продления контрактов. В них также прописывалось право иностранцев привезти с собой семейство или обеспечить регулярные выплаты родственникам, оставшимся за рубежом. Упоминалось и об обязательстве российской стороны оказывать медицинскую помощь иноземцам, а также поддержку семейству в случае гибели иноземца. Кроме того, детализированы денежные выплаты, которые полагались мастерам при найме уже в Амстердаме³⁰.

Набор условий договоров Петровской эпохи строился на той же основе, что и во второй половине XVII в. Однако, больше внимания стало уделяться гарантиям возвращения иностранцев на родину после завершения контрактов³¹. В числе обязательств иноземцев появилось требование о подготовке русских учеников. Например, в одном из первых пунктов договора с архитектором Ж.-Б. А. Леблоном значилось, что иностранец обязуется «учить российской народ в своем художестве». При этом, содержание и пропитание учеников оставалось обязанностью казны. Аналогичные условия вошли в тексты контрактов всех мастеров, приехавших вместе с Ж.-Б. А. Леблоном³². Условия материального обеспечения иностранных специалистов в первой четверти XVIII в. дополнились гарантиями предоставления казенных квартир или мест под строительство домов. Кроме того, в договорах теперь фиксировалась такая привилегия иностранцев, как освобождение от налогов, пошлин и постоев, а также гарантировалась свобода вероисповедания³³.

Особый интерес представляют коллективные «договорные статьи». Таковые представлены в рамках масштабного набора военных и гражданских специалистов, осуществленного К. Крюсом в 1698 г. «Статьи» для всех нанимаемых морских офицеров и матросов, а также корабельных плотников сочетают в себе элементы присяги и договора. Большинство пунктов содержат предостережения о наказаниях, которые

30 *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией*, Т. 5 (Санкт-Петербург, 1853), 211–216.

31 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8.

32 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1–5.

33 См., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 33–38.

воспоследуют в случае ненадлежащей службы и различных провинностей³⁴. Затронуты вопросы жалования и пропитания на кораблях. Гарантировано оказание медицинской помощи в случае ранения³⁵. Отдельно от данных «статей» и «статей» для принимаемых морских капитанов и командоров (где речь в большей степени шла о вопросах жалования, порядке службы)³⁶, в 1698 г. в Амстердаме К. Крюйс представил «договорные статьи» для мастеров «рукодельного дела». Прежде всего, с российской стороны юридически закреплялось типичное требование иноземцев о выдаче авансов перед отъездом из-за границы: К. Крюйс обещал выплатить мастерам двухмесячное жалование в Амстердаме в качестве задатка. Гарантировалась выплата кормовых денег после отъезда, а также бесплатный проезд к месту службы, предоставление мест для постоя, дров, пропитания. Прописывался порядок выдачи жалования: деньги за четыре месяца отдавались родственникам (или кому иноземцы укажут), за остальные восемь – самим мастерам. Если же во время службы иностранцы заболеют или будут ранены, лечение получают за счет казны и без всякого умаления жалования. По окончании срока службы («урочных лет») мастеров следовало отправить «на проторях его царского величества» до приграничных российских городов, а далее они могли ехать, куда захотят, но уже за свой счет³⁷.

Говоря о методах и целях вербовки, следует заметить, что при Петре I набор специалистов стал более целенаправленным и разнообразным, что объяснялось масштабом, темпами и всеохватностью преобразований. При этом, характер найма представляется достаточно хаотичным с точки зрения оценки квалификации специалистов. Речь не идет о тех иностранцах, которых приглашал царь лично, ознакомившись с результатами их работ во время заграничных путешествий. Другие же по прибытии в Россию нередко оказывались малосведущими в тех профессиях и искусствах, для которых принимались на службу, что приводило к немедленному увольнению. Впоследствии данная проблема решалась путем проведения специальных экзаменов. Вместе с тем, ответ на вопрос о том, в какой степени практики найма иностранных специалистов в эпоху Петра I носили инновационный характер, неоднозначен. Очевидно, что во многом наблюдалась преемственность –

34 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 245–248.

35 Там же. Л. 249, 256 об.

36 Там же. Л. 263–265.

37 Там же. Л. 266–269.

как в самой реализации вербовки, так и в её правовых основах. Хотя именно в период правления Петра I письменный контракт стал ключевым основанием приема иноземцев на службу, уже во второй половине XVII в. между российским государством и иностранцами все активнее практиковалось заключение договоров. Причем, условия соглашений можно считать весьма полными и базово совпадавшими по структуре и содержанию с контрактами конца XVII – первой четверти XVIII в. В то же время, желая набрать внушительное число необходимых специалистов, Петру I и его агентам пришлось учесть требования иноземцев и юридически расширить их права и привилегии во время службы в России, что явилось несомненным обновлением как социально-правового статуса иностранцев, так и системы отношений между государством и наемными специалистами – зарубежными подданными.

References

- Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei*, T. 5 [Additions to historical acts collected and published by the archaeological commission, Vol. 5] (Sankt-Peterburg, 1853), 211–216.
- M. FASMER, *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language], T. II. (Moskva: Progress, 1986), 301.
- I. F. GERMAN, *Istoricheskoe nachertanie gornogo proizvodstva v Rossiiskoi imperii* [A Historical Outline of Mining Production in the Russian Empire] (Ekaterinburg: Gornaia tipografiia, 1810), VIII, 10–11.
- V. A. KOVRIGINA, *Nemetskaia sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [The German Sloboda of Moscow and its Residents at the End of the 17th – First Quarter of the 18th Century] (Moskva: Arkheograficheskii tsentr, 1998).
- A. MUSTAFIN, «Rol' barona A. Kh. Liuberasa v kollegial'noi reforme Petra I: novye dokumenty» [New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I], *Quaestio Rossica*, T. 6, no. 1 (2018): 99–113. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.284>
- T. A. OPARINA, *Inozemtzy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th – 17th centuries: Essays on Historical Biography and Genealogy] (Moskva: Progress-Traditsiia, 2007).
- S. P. ORLENKO, *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII veka (pravovoi status i real'noe polozhenie)* [Immigrants from Western Europe in Russia in the 17th Century (Their Legal Status and Actual Situation)] (Moskva: Drevlekhranilishche, 2004), 4.
- D. POLENOV, «O prisiage inozemtsev, priniatykh v russkuiu sluzhbu pri Petre Velikom» [On the Oath of Foreigners Accepted into the Russian Service Under Peter the Great], *v Russkii arkhiv*, no. 11 (1869): 1736.
- V. RZHEUTSKII, D. GUZEVICH, «Verbovka inostrannykh spetsialistov – vykhodtsev iz Frantsii i frankoiazychnoi Shveitsarii v epokhu Petra I» [Recruitment of Foreign Specialists from

France and French-speaking Switzerland During the Reign of Peter I], *Quaestio Rossica*, T. 6, no. 1 (2018): 79–98. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.283>

V. S. RZHEUTSKII, D. Iu. GUZEVICH, A. MEZEN (red.), *Inostrannye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskii slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoiazыchnykh Shveysarii i Savoi: 1682–1727* [Foreign Specialists in Russia in the Era of Peter the Great: A Biographical Dictionary of Natives of France, Wallonia, Francophone Switzerland and Savoy, 1682–1727] (Moskva: Lomonosov", 2019), 33, 41.

A. A. ROGOZHIN, *Generalitet polkov «novogo stroia» v Rossii vtoroi poloviny XVII veka*. [The Generals of the "New System" Regiments in Russia in the Second Half of the 17th Century] Diss. ... kand. ist. nauk. (Orel, 2014), 67, 70, 167.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]

– F. 150. Op. 1. 1656 g. D. 7. L. 1–3.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 9–10.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 35–39.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 44–45.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 50–55.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 59.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 62–64.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 84.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 8.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 245–248.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 249, 256ob.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 263–265.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 266–269.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 51. L. 8.

– F. 150. Op. 1. 1703 g. D. 12. L. 1–55.

– F. 150. Op. 1. 1715 g. D. 1. L. 1–37.

– F. 150. Op. 1. 1715 g. D. 1. L. 33–38.

– F. 150. Op. 1. 1716 g. D. 1. L. 1–31.

– F. 150. Op. 1. 1716 g. D. 3. L. 1–5.

– F. 150. Op. 1. 1718 g. D. 3. L. 1–2ob.

S. SHAMIN, K. DZHENSEN, «Inozemnye poteshniki pri dvore pervykh moskovskikh tsarei» [Foreign Entertainers at the Court of the First Moscow Tsars], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2018): 32–46.

S. M. SHAMIN, O. IANSSON, «"Kontaktnye gruppy" Moskovskogo gosudarstva» ["Contact Groups" of the Moscow State], v *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy mezhdunar. nauch. konf. Vyp. 2*. (Moskva: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2021), 223–229.

Essays on Russophobia
Статьи по русофобии
Tanulmányok a ruszofóbiáról

В. А. БОЛДИН, Д. Ю. КУРГИНОВА, А. А. ШИРИНЯНЦ

«НАМ ЖАЛЬ РУССКИХ, ...НУЖНО ПОМОЧЬ СТРАДАЛЬЦАМ»¹

“WE FEEL SORRY FOR THE RUSSIANS, ...WE NEED TO HELP THE SUFFERERS”

The aim of this article is to trace the origins of Russophobic stereotypes and myths in Japan and to analyze their features and traits. In the article the authors scrutinize writings by Japanese politician and public figure Uchida Ryohei (1874–1937) which are dedicated to the Russian Empire and the “Manchurian question.” Uchida’s writings were found in the collections of the Russian State Military Historical Archive and the National Diet Library of Japan. The hypothesis of the article is that Uchida Ryohei was one of the main ideologists and creators of Russophobic stereotypes and myths in the Japanese Empire. It was around Uchida Ryohei that proponents of anti-Russian views and people who were impatient to start the war against the Russian Empire united. The article goes on to demonstrate that Uchida Ryohei’s writings and political activities played a key role in the initiation of the Russo-Japanese war (1904–1905) and in shaping a negative image of Russia in Japanese public opinion at the beginning of the 20th century. What’s more, Uchida’s cultural heritage is still in demand in modern Japan.

Keywords: Russophobia, Russo-Japanese war, Uchida Ryohei, international relations, Russian empire, Japanese Empire

Vladimir A. Boldin – PhD in Political Science, Assistant Professor, Lomonosov Moscow State University. Email: boldin.v.a@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0681-098X>

Darya Yu. Kurginova – MA in Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: kukurg@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6321-2395>

Alexandr A. Shirinyants – DSc in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Email: jants@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6949-2256>

1 The study was supported by the Russian Science Foundation. Grant no. No 23–28–00182, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00182/> (Lomonosov Moscow State University).

Авторы выражают искреннюю признательность коллеге из Университета префектуры Симаэ (Хамада, Япония) – Ямамото Кенсоза за неоценимую помощь в подготовке этой статьи.

Citation: V. A. BOLDIN, D. YU. KURGINOVA, A. A. SHIRINYANTS, “«Nam zhal’ russkikh,... nuzhno pomoch’ stradal’tsam»” [“We Feel Sorry for the Russians, ...We Need to Help the Sufferers”], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 121–136. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.17

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.17

ВВЕДЕНИЕ

В XIX — начале XX вв. в общественном мнении сначала европейских стран, а затем США прочно закрепились представления о России как «империи тьмы», так и не сумевшей найти свой путь к свету цивилизации, о том, что эту «деспотическую» страну и «варварский» народ нужно «цивилизовать». И сделать это должны ведущие европейские страны и США². Однако «мессианскую» пальму первенства у США и Европы в начале XX в. попыталась оспорить Японская империя. Ряд японских политиков и идеологов традиционалистского и националистического толка предложил помочь «русским страдальцам», которые были не в состоянии освоить богатства Сибири и Дальнего Востока: «нам жаль русских. Они так близки к европейским народам и так заброшены. Положительно нет у европейцев ни сострадания, ни сердца. Нельзя нам следовать их примеру, а нужно помочь страдальцам»³. Японцы, по убеждению японского националиста Р. Утиды, чьи слова цитировались выше, ни в чем не уступают европейцам, они ещё и сверх того крепки духом и проникнуты человечностью: «В Европе вся жизнь основана на борьбе за существование; потому и цивилизация европейская — материальна; наша же — духовна. Если первую пополнить второй, получится цивилизация совершенная и полная гармонии. Распространение подобной цивилизации предстоит в нынешнем XX-м в. С распространением её не будет войн, не будет грубой силы; наступит идеальный мир. Но для сего мы прежде всего должны спасти Китай и взяться за руководство Россией»⁴.

САМУРАЙ И РОССИЯ

Рёхэй Утида (1874–1937) родился в самурайской семье мастера боевых искусств, был членом ультранационалистического общества Гэнъёся

2 См.: Д. Кургинова, А. Мырикова, А. Ширинянц, ««От любви до ненависти...». К генеалогии американской русофобии», *Диалог со временем*, no. 83 (2023): 264.

3 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества». Токио, 17 (30) июня 1901 г., *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 288.

4 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 288.

(«Общество чёрного океана»), основанного его дядей — влиятельным самураем Хираоки Котаро. Вместе с членами Гэньёся в 1894 г. отправился в Корею, где вспыхнуло восстание Тонхак. Восстание переросло в первую Японо-китайскую войну (1894–1895), по итогам которой вассальная по отношению к империи Цин Корея перешла под контроль Японии. Япония также получила в свое полное владение Тайвань и Ляодунский полуостров. Однако, когда в 1895 г. под давлением России, Франции и Германии Япония была вынуждена вернуть Китаю Ляодунский полуостров, а Россия тут же арендовала Порт-Артур и Далянь, антирусские настроения получили стремительное развитие. Противоречия со временем усилил и «Маньчжурский вопрос». После подавления Боксёрского восстания (1899–1901) Россия стала оттягивать вывод войск из Маньчжурии, что также вызывало в Японии негодование. Это негодование разделял и Утида.

В 1895 г. он отправился в Сибирь, «чтобы изучить внутреннее положение России и отомстить»⁵. Второе его путешествие состоялось в 1896–1898 гг.: сначала Утида преподавал дзюдо во Владивостоке, потом «прочесал» Сибирь, посетил Санкт-Петербург, Москву, и вернулся на родину через Нерчинск, Хабаровск и Владивосток⁶.

Свои путевые заметки Утида опубликовал в четырех первых номерах нового журнала «Известия Амурского общества», вышедших в 1901 г.⁷ Этот журнал был печатным органом созданной Утидой в начале 1901 г. националистической организации Кокурюкай, также известной как «Амурское общество (Амурский союз)» или «Общество Черного Дракона» (в связи с прямым переводом иероглифов, входящих в название, коку – черный, а рю – дракон, и вместе образующих в японском языке название реки Амур – Кокурю). Амур здесь не случаен, так как именно эта река протекает между Сибирью и Маньчжурией, а главная цель общества заключалась в том, чтобы «разработать основу для развития азиатского материка вокруг объединения Маньчжурии, Монголии и Сибири»⁸. Для этого, как считали члены общества, необходима война с Российской империей и изгнание ее войск из Азии. Много позже, подводя итоги тридцати годам существования «Общества Черного Драко-

5 У. Рёхэй, *Полвека твердости* (Токио, 1978); первое изд. 1927 (Цит. по: Т. ТАНАКА, «Утида Рёхэй: взгляд на Россию», *Ежегодник Япония*, no. 41 (2012): 395).

6 См.: ТАНАКА, Утида Рёхэй: взгляд на Россию, 395–396.

7 См.: ТАНАКА, Утида Рёхэй: взгляд на Россию, 396.

8 Цит по: Х. Рюхей, *Исследование правого традиционализма Утиды Рёхэя* (Фукуока, 1980), 70.

на», руководство этой организации с удовлетворением отмечало: «мы основали Общество и стали сторонниками теории наказания России. С тех пор мы посвятили себя аннексии Кореи, помогали революции в Китае, участвовали в решении всех внешнеполитических вопросов и не переставали усердно трудиться на благо этого дела»⁹.

Идеологическое обоснование целям и задачам общества Утида дал во втором выпуске «Известий Амурского общества» (1901) и в сочинении «Гибель России» (1901), тиражи которых в сентябре 1901 г. были конфискованы японским правительством, признавшим бюллетень и книгу экстремистскими. Но уже спустя два месяца Утида опубликовал переработанный текст книги под нейтральным названием «О России». В предисловии к этому изданию он иронично заметил: «я должен научиться подчиняться его воле (правительства – *Ред.*). Если в будущем у меня когда-нибудь появится свободное время, я обязательно постараюсь написать и опубликую для правительства книгу о возвышении России. Скептики уже неверно оценили мирную «Гибель России», и, если Бог свободы действительно существует, я прошу при знакомстве с моей работой «О России», не забывать о первой»¹⁰.

В оба издания вошли и результаты его размышлений, основанные на опыте, приобретенном им во время четырехлетнего пребывания в России¹¹. Стимулом для антироссийских выступлений Утиды стали также события, связанные со строительством Россией железной дороги в Маньчжурии, или же, как их обозначают, «Маньчжурский вопрос». Поскольку часть территорий Сибири и Дальнего Востока фактически была оторвана от центральной части страны, в начале 1891 г. был дан старт строительству Транссибирской железной дороги, которое одновременно велось с запада — от Челябинска в направлении Забайкалья и с востока — от Владивостока в направлении Хабаровска. В 1897 г. началось сооружение Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была соединить Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Строительство этих дорог помимо решения задачи заселения земель, усиливало влияние России в регионе на фоне экспансии Японии в Корею и Китае. В 1899 г. в Цинской империи вспыхнуло Ихэтуаньское (Боксёрское) восстание. Оно продолжалось до 1901 г., что вызвало

9 *Общество Черного Дракона. 30 лет истории* (Издание Общества Черного Дракона, 1931), 1.

10 У. Рёхэй, *О России* (Общество черного дракона, 1901), 1.

11 См. подр.: ТАНАКА, Утида Рёхэй: взгляд на Россию, 390–412.

перерывы в строительстве ряда участков КВЖД. 23 июня 1900 г. китайцы-ихэтуани атаковали строителей и приступили к разрушению железнодорожного полотна и станционных построек. В ответ Россия ввела свои войска в Маньчжурию, фактически оккупировав ее. В 1900 г. Утида собрал единомышленников и отправился в Маньчжурию с целью организовать провокацию, способную послужить поводом для боевых действий против находившейся там русской армии, но получил от японского правительства приказ вернуться домой¹². Тогда он решил действовать пером. Вопрос маньчжурских территорий и соперничества за них стал одним из основных лейтмотивов творчества Утиды: он отразился в его работах «Взгляд на Маньчжурию и Корею» (1906)¹³, «Взгляд на Китай» (1913)¹⁴, «Мнение о Маньчжурских железных дорогах» (1930)¹⁵ и «Независимость Маньчжурии и деятельность Всемирного общества красной свастики» (1931)¹⁶.

«РОССИЯ, ХОТЯ И БОЛЬШОЕ, НО ДРЯХЛОЕ ГОСУДАРСТВО»

Основной посыл первых сочинений Утиды начала XX в. — не следует опасаться России, ибо «Россия, хотя и большое, но дряхлое государство, не способное к самостоятельному развитию. Тот, кто боится России, не знает её и видит лишь надеваемую ею маску дьявола»¹⁷. Деятельность Утиды и «Амурского общества» обратила на себя внимание российской разведки, стараниями сотрудников которой наиболее важные разделы размышлений Утиды о России были переведены на русский язык. Этот документ, хранящийся Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), состоит из нескольких разделов, которые демонстрируют логику и смысл рассуждений автора. В *разделе первом* «Население России и его слабые стороны», Утида признает, что Россия — громадное по территории и населению (120 млн жителей) государство, способное внушить страх. «Но на деле она

12 См.: ТАНАКА, Утида Рёхэй: взгляд на Россию, 399–400.

13 У. Рёхэй, *Взгляд на Маньчжурию и Корею* (Утида Рёхэй, 1906).

14 У. Рёхэй, *Взгляд на Китай* (Общество черного дракона, 1913).

15 У. Рёхэй, *Мнение о Маньчжурских железных дорогах* (Рукописи Издательства Общества Черного Дракона, 1930).

16 У. Рёхэй, *Независимость Маньчжурии и деятельность Всемирного общества красной свастики* (Джиншинша, 1931).

17 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Л. 287.

не так страшна. Собственно, славян — лишь 80 миллионов; остальное — разные другие племена, как то: финны, турки, евреи и пр.»¹⁸, которые находятся, по мнению Утиды, на положении айнов в Японии, т.е. людей третьего сорта, практически рабов. Здесь же Утида отмечает слабые стороны России — это низкая плотность населения, огромная смертность, неразвитость медицины, голод, повсеместное невежество¹⁹. *Второй раздел* посвящен промышленности и торговле; их недостаткам: Россия страна земледельческая, народ русский беден, так как «работает на землевладельцев, которые пользуются своей выгодой; кроме того, причиной бедности служат частые неурожаи и невежество народа». К промышленности и торговле русские не способны, считает Утида, поэтому эти сферы хозяйствования «своим ростом исключительно обязаны иностранцам, их предприимчивости и капиталам. Деньги сосредоточены в руках немцев и евреев... Вообще в торгово-промышленном отношении Россия обнаруживает все признаки полумертвого государства и в общем соревновании государств на этом поприще в XX в. она едва ли будет играть значительную роль»²⁰. В *третьем разделе* Утида рассуждает о религиозной политике и её недостатках: религия имеет в России громадное значение, но она приносит народу не утешение, а страдания, православная вера значительно облегчает правительству управление народом, который обожествляет Царя. С распространением образования и умственного развития среди народа «религиозность русских постепенно падает: среди высшего класса господствует уже сомнение, в среднем — суеверие, а низший класс не соблюдает заповедей»²¹. Все это чревато великими несчастьями для России. В *четвертом разделе* рассматривается общественный строй и его недостатки. В России существует кастовый строй, считает Утида: «Высшие классы, господствуя вполне над низшими и пользуясь своим привилегированным положением, эксплуатируют последних, таким образом богатые делаются богаче, а бедные — беднее». Он насчитывает в России четыре сословия, это — дворяне, духовенство,

18 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 287.

19 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 280–283 об.

20 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 281.

21 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 281об.

мещане и крестьяне. Характерно критическое отношение японского самурая к русскому дворянству: «Правящий класс — дворяне... Тупость — их отличительная черта». «Принадлежащие к высшему классу, обеспеченные всем, люди ведут пустой образ жизни, думают лишь об удовольствиях и наслаждениях, предаются разврату и часто доходят до крайнего нравственного безобразия; подчас они ведут себя прямо как животные»²². Более развитые, умные и деятельные люди выходят из среднего, более бедного класса... Однако весьма немногим из них удастся выйти в люди. Большинство вынуждено довольствоваться своим жалким положением и покоряться произволу чиновников, остальные присоединяются к различным противоправительственным социалистическим и нигилистическим обществам²³. Характеризуя в *пятом разделе* воспитание и его недостатки, Утида заявляет, что «славяне — удивительное племя. Живут они среди цивилизованных народов, но сами не проявляют никаких признаков цивилизации»²⁴. По уровню образования Россия едва ли выше столь презируемого всеми Китая. Некоторое развитие замечается лишь среди высшего класса. «В школах в большом ходу палки; в учениках главным образом стараются развить хитрость; делается это, вероятно, по необходимости, так как славяне вообще тупы»²⁵.

Похожий портрет славян Утида рисует и в книге «О России», но уже в контексте внешней политики: «Однако, если вы спокойно обдумаете проводимую ими политику, вы увидите, что они гнусны, свирепы и жестоки, и их действия резко контрастируют с действиями нашего народа, выступающего за гуманную океаническую цивилизацию»²⁶. Удивительно то, что при описании захватнических намерений России Утида обращается ни много ни мало к политической фальсификации начала XIX в. — «Завещанию Петра Великого», оказавшей значительное влияние на распространение русофобских настроений в Европе: «из масштабов их деятельности можно сделать вывод, что славяне — действительно обширный и несравненный народ, на западе они смо-

22 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 281об. — 282.

23 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 281об. — 282.

24 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 282 об.

25 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 283—283 об.

26 У. Рёхэй, *О России*, 19.

трят на Турцию, в центральном регионе – на Индию, на Дальнем Востоке – на Китай и Корею, и они оказывают большое влияние на мир. Как, ввиду этих амбиций, ужасает завещание Петра!»²⁷

Шестой раздел размышлений Утиды посвящен финансам, в нем фиксируется то, что финансовое положение России «печально, да и ни одна держава не имеет в финансовом отношении никакого доверия к России»²⁸. Рассматривая в *седьмом разделе* управление и его недостатки, Утида отмечает, что в Российской империи всё управление находится в руках чиновников, а быть таковыми могут лишь лица, принадлежащие к высшему классу... Ни один способный и умный, но не знатный родом человек не может в России дослужиться до тех высоких степеней, до которых доходят глупые, но знатные люди. Все русские чиновники злоупотребляют своим положением, все они торгуют своей властью, взяточничество поголовно. Вообще взяточничество в России убивает всякую предприимчивость, оно тормозит и торговлю страны, и развитие её промышленности. Специальный, *восьмой раздел*, посвящен железным дорогам. Как считает Утида, строительство железных дорог может в будущем послужить причиной уничтожения самодержавия в России и её распада: «часть населения, которая жила под управлением поставленных над нею чиновников в глуши, вдали от остального мира, с проведением железных дорог придет в соприкосновение с этим миром, узнает другие порядки и увидит своё жалкое положение; естественно, она захочет от него избавиться... Поэтому сооружение железных дорог для России равносильно самоубийству»²⁹. Негативно оценивает Утида и политику России по отношению к восточной окраине. Недостатки её он характеризует в *девятом разделе*: «старания правительства населить и культивировать Сибирь ни к чему не приводят... Сибирь громадна, и для того, чтобы колонизовать её, надо истратить много средств и много времени. Мы не думаем, чтобы Россия могла сделать это своими собственными средствами. Ей нужна для этого помощь иностранцев. Привлечение таковых в Сибирь — не-

27 Там же. О «Завещании Петра Великого» см.: А. Ширинянц, О. Сорокопудова, ««Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке», *Вестник Московского государственного областного университета*, по. 2 (2014); А. Ширинянц, О. Сорокопудова, ««Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке (II)», *Вестник Московского государственного областного университета*, по. 4 (2022).

28 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 284.

29 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 285–285 об.

обходимое условие успеха правительственных начинаний»³⁰. Десятый раздел посвящен судьбе России. Из своего знакомства с Российской империей, Утида вынес мнение, что русское государство существует лишь за счет приглашенных на службу способных иностранцев с Запада, которых можно встретить на руководящих должностях во всех сферах — в управлении, в промышленности, в армии, в науке и т.д. И эти иностранцы абсолютно не заинтересованы в развитии Российской империи и потому «являются самыми опасными врагами России: в трудную минуту, именно тогда, когда они более всего могут быть нужны, они способны бросить её и быть таким образом причиной падения России»³¹. Как отмечает по этому поводу Р. С. Авилов, Утида и другие японцы того времени совершили классическую ошибку: «носителей иностранных фамилий автоматически посчитали иностранцами, а значит, потенциально опасным для страны контингентом»³².

Подводя итоги своих размышлений о России, Утида предлагает оригинальную «формулу» состояния Российской империи, сводящуюся к тому, «что в России нет промышленности, что религия её имеет крупные недостатки, что состояние общества — гнилое; воспитание — несовершенно, финансовое положение нетвердо; система управления и политика не имеют смысла; сооружение железных дорог не может привести к добру; восточная политика — неправильна»³³. Он предсказывает незавидную долю России (ее ожидает или революция, или распад), если ей не придет на помощь Япония: «мы, обладающие учением о мудрости, любви и доблести должны спасти живущих на противоположных берегах»³⁴.

Завершающие три раздела сочинения Утиды напоминают агентурные донесения. В одиннадцатом разделе, проводя сравнение военных сил Японии и России, он показывает, что вооруженные силы России в регионе совершенно ничтожны, они слабо вооружены, плохо снабжены продовольствием. Японские войска и на суше, и на море «не толь-

30 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л.286–286 об.

31 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л.287 об.

32 Р. Авилов, ««Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов», *Новейшая история России*, no.4 (2020): 884.

33 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 286 об.

34 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 288 об.

ко не уступают русским, но даже превосходят их в смысле храбрости и дисциплины»³⁵. Япония смело может вступить в борьбу с Россией. Ее ждет успех. В следующем, двенадцатом разделе, Утида дает перечень того, что можно требовать от Российской империи в результате победы над ней. По его мнению, победа в войне позволит требовать у России многочисленных уступок, как территориального (передать Японии остров Сахалин), так и торгово-промышленного (например, предоставить иностранцам в Сибири те же права, коими пользуются русские подданные) и военно-политического характера (ограничить количество русских войск, число военных судов и др.)³⁶. Что же касается способов сохранения мира, о чем Утида говорит в последнем, тринадцатом разделе, то главным здесь может быть двухсторонний договор, в основе которого — согласие Японии на присоединение к России части территорий Китая, Монголии и Забайкалья и согласие России на свободное переселение японцев в Сибирь³⁷.

Таково содержание размышлений Утиды о России в начале XX в. Эти размышления, конечно же, носят отпечаток его воспитания, где на первом месте были боевые искусства. Видимо поэтому, он удивляет нас некоторой наивностью своих рассуждений, например, об «иностранцах», запленивших Россию, о поляках, которых он включает наряду с молоканами, казаками, бурятами («жителями Сибири») и татарами («жителями Средней Азии») в перечень «культурных» племен, населяющих Российскую империю. При этом, как утверждает Утида, «Поляки отличаются точностью мышления и способностями к математическим наукам, поэтому большинство их — инженеры; встречаются среди них также выдающиеся философы»³⁸. Не меньшей экзотикой веет и от его рассуждений на тему капиталов царского двора, хранящихся в Лондоне, и служащих «орудием для достижения политических целей»³⁹. Дело в том, никаких русских денег Министерства Императорского двора или лично императора в английских банках в 1900–1901 гг. не было.

35 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 288 об.

36 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 290.

37 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 290 об.

38 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 280 об.

39 Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*, Л. 283 об.

Счет Александра III в «Bank of England» был закрыт в 1900 г. После завершения этой финансовой операции денег у Николая II в английских банках не осталось. Свои сбережения он хранил в банках Германии⁴⁰.

Как бы то ни было, но своеобразные, местами наивные, а местами напоминающие агентурные донесения, антироссийские размышления Утиды привлекли внимание российской разведки, и вскоре русский перевод его работы, опубликованной во втором выпуске «Известий Амурского общества» в 1901 г., лег на стол военному министру А. Н. Куропаткину. Куропаткин сделал на полях ряд коротких пометок, назвал все это «вздором» и оставил без последствий⁴¹. Спустя годы выяснилась интересная деталь — сведения Утиды о России все же были востребованы, но не российской, а японской разведкой. Их, в частности, использовал Акаси Модзиторо (1864–1919), известный своей деятельностью по финансированию сил, ведущих подрывные действия в Российской империи, и даже поставками им оружия⁴². Акаси сумел с пользой потратить около миллиона иен, выделенных ему Генеральным штабом⁴³, он спонсировал не только российских социалистов, но и польских, финляндских и других оппозиционеров центральной власти⁴⁴, чья деятельность расшатывала Россию.

Япония решила не упускать «золотую возможность» и 8 февраля 1904 г. императорский флот атаковал русские корабли в Порт-Артуре. Так началась Русско-японская война (1904–1905), ставшая «репетицией» большой войны 1914–1918 гг. и запустившая масштабный революционный процесс в Российской империи.

40 И. Зимин, *Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых* (Москва, 2011), <https://statehistory.ru/books/TSarskie-dengi--Dokhody-i-raskhody-Doma-Romanovykh/> (Дата обращения: 20 июня 2023).

41 «Знакомство военного министра А. Н. Куропаткина с приведенными материалами не имело каких-либо практических последствий. Документы легли мертвым грузом в архивах военного ведомства, как и многие другие не менее важные материалы о Японии, добытые в разное время русской разведкой, но так и не понятые сотрудниками центрального аппарата Военного министерства с А. Н. Куропаткиным во главе» (Авилов, ««Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов», 886).

42 См. подр.: Д. Павлов, С. Петров, «Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905 гг.)», *История СССР*, по.6 (1990): 50–71.

43 *Изнанка революции: Вооруженное восстание в России на японские средства* (Санкт-Петербург, 1906), 4.

44 См.: А. Куяла, «Японский Генеральный штаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи, 1904–1905», *Русский сборник: Исследования по истории России*, Том X. (Москва, 2011), 113–131.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русофобские идеи Утиды, его антироссийская политическая деятельность не забыты в современной Японии.

В 1992 г. Ассоциация исследователей документов Утиды издала коллекцию материалов, связанных с Кокурюкай⁴⁵, а в 1994 г. – 11 томов документов, относящихся к жизни и деятельности самого политика⁴⁶. В 2003 г. группой исследователей под руководством Такэхико Накамура⁴⁷ была издана работа «Патриот Утида Рёхэй: его мысли и действия»⁴⁸. Она включила подробный анализ фактов биографии Утиды, повлиявших на становление его взглядов: начиная с места рождения – провинции Фукуока⁴⁹ и вступления в общество Гэнъёся, до членства в оккультно-патриотическом обществе «Сёва Сэйненкай» и борьбы с болезнями в последние годы жизни.

В 2008 г. вышла работа «Голоса азиатов, часть 1: Гэнъёся и Кокурюкай, или Происхождение активного азиатизма (введение)»⁵⁰, которая стала первой частью трилогии, посвященной «трем поколениям» и «трем темам» антизападнического движения азиатизма в Японии⁵¹, трактуемого как борьба за воплощение в жизнь концепции «Сферы

45 *Документы Кокурюкай* (Токио: Кашива Шобо, 1992).

46 *Документы Утиды Рёхэя: тома 1–11* (Токио: Фуё Шобо, 1994).

47 Такэхико Накамура (1912–2005) – политический деятель правого движения в Японии. Участник государственного переворота «синпейтай», организованного фашистской партией «Великая Япония» и Патриотической рабочей партией в 1933 году. План состоял в том, чтобы сместить министров, гэнро и других ключевых политических деятелей, а после – провести реформу государства через кабинет, сформированный из членов королевской семьи.

48 Х. Рюхэй, *Исследование правого традиционализма Утиды Рёхэя* (Фукуока, 1980), 70.

49 Провинция Фукуока являлась стратегическим пунктом, из которого предпринимались все усилия по закреплению Японии на континенте. Это связано с тем, что от материка её отделяет лишь узкое водное пространство – Генкаинада. Также, в ранние годы Мэйдзи Фукуока была провинцией, полной деклассированных и разочарованных в результатах дебатов Сэйканрон («Дебаты о завоевании Кореи») самураев (См.: E. HERBERT NORMAN, «The Genyosha: A Study in the Origins of Japanese Imperialism», *Pacific Affairs*, no. 3 (1944): 266).

50 Т. Мицуру, С. Сигэмару, Р. Утида, Ц. Инукай, *Голоса азиатов, часть 1: Гэнъёся и Кокурюкай, или Происхождение активного азиатизма (введение)* (Токио: Шоши Шинсуи, 2008).

51 Наряду с Утидой к «первому поколению» деятелей японского азиатизма, ратовавших за объединение азиатских стран вокруг Японии под лозунгом «Азия для азиатов», относят лидера Гэнъёся Тояма Мицуру, члена Гэнъёся – политического деятеля и бизнесмена Сугияма Сигэмару и др.

совместного процветания Большой Восточной Азии»⁵². В сборник вошли «Воспоминания об объединении Японии и Кореи»⁵³, зафиксированные со слов Утиды писателем Юмэно Кюсаку⁵⁴ за год до его смерти, в которых он якобы с горечью вспоминает как обманул товарищей по оружию в Корею, не выполнив обещания о равноправном объединении и тайно начав действия по аннексии⁵⁵. Также, сюда были включены отрывки из автобиографии политика «Полвека твердости», о его деятельности в Корею («Корейская партия Тонхак и Теньюкё»⁵⁶) и о том, какой ему запомнилась Российская империя перед русско-японской войной («Путешествие в Сибирь и борьба сумо с русскими солдатами»⁵⁷, «Основание додзё во Владивостоке и матч с китайцами»⁵⁸, «Путешествие по Транссибирской магистрали»⁵⁹, «Пребывание в российской столице и возвращение домой»⁶⁰).

Кроме того, в 2009 г. под редакцией журналиста Масахиро Миядзаки вышла книга «Кто такой китаец? – Чтение «Взгляда на Китай» Рёхэя Утиды»⁶¹. В ней с комментариями современных исследователей был опубликован полный текст работы «Взгляд на Китай» (1913), посвященной китайскому национальному характеру, тенденциям раздела Китая, истокам и будущему Синьхайской революции.

К этому нужно добавить, что труды Утиды Рёхэя входят в список литературы, рекомендованной для чтения своим сторонникам Патри-

52 Концепция «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии» - идея сформирования экономического и военного блока во главе с Японией, состоящего из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, против колонизации и манипуляций Запада (См.: А. GRAJDANZEV, «Japan's Co-Prosperity Sphere», *Pacific Affairs*, no. 3 (1943): 311–328).

53 У. Рёхэй, «Воспоминания об объединении Японии и Кореи», в *Таинственные люди Гэнъёся: Тояма Мицуру и его последователи* (Токио: Шоши Шинсуи, 2013), 199–233.

54 Юмэно Ксюсаку (1889–1936) – японский писатель и поэт. Сын политического деятеля и члена Гэнъёся Сигэмару Сугиямы (1864–1935).

55 Т. MASAKI, «Yapono-koreiskie otnosheniia i «istoki» nacionalizma III: Yumeno Kyusaku i zachatki «Sumasshestviia»», *AJ Journal*, no. 13 (2018): 69.

56 У. Рёхэй, *Таинственные люди Гэнъёся: Тояма Мицуру и его последователи*, 233–245.

57 У. Рёхэй, *Таинственные люди Гэнъёся: Тояма Мицуру и его последователи*, 248–250.

58 У. Рёхэй, *Таинственные люди Гэнъёся: Тояма Мицуру и его последователи*, 251–252.

59 У. Рёхэй, *Путешествие по Транссибирской магистрали* (Токио: Шоши Шинсуи, 2013), 252–265.

60 У. Рёхэй, *Пребывание в российской столице и возвращение домой* (Токио: Шоши Шинсуи, 2013), 265–275.

61 *Кто такой китаец? - Чтение «Взгляда на Китай» Рёхэя Утиды*, Ассоциация исследований Утиды Рёхэя (Токио: Тенденша, 2009).

отической партией «Великая Япония»⁶². Эта крайне-правая национал-патриотическая, антикоммунистическая партия, созданная в 1951 г. националистом Акао Бином (1899–1990), считает Утиду Рёхэя своим основателем и первым лидером, подчеркивая, что является наследницей основанной при его участии в 1931 г. фашистской партии «Производственная партия Великой Японии»⁶³. Одним из лозунгов Патриотической партии «Великая Япония» стали слова Утиды: «Родить нацию, родить людей, спасти мир, совершая божественные подвиги, родить и воспитать всё сущее». Своим долгом она считает борьбу с Коммунистической партией Японии, называя её врагом японского народа, и следует в своей антикоммунистической деятельности заповеди Утиды из «Заявления по поводу инцидента в деревне Акуцу (10 января 1932 г.)», согласно которой коммунистам «не должно быть позволено выжить даже на один день»⁶⁴.

Таким образом, можно утверждать, что Утида сыграл большую роль в формировании негативного образа России в начале XX в., а изучения его наследие востребовано и в современной Японии. Все это позволяет назвать Утиду Рёхэя одним из главных идеологов и проводников русофобии в этой стране.

References

- R. AVILOV, “«Kakoi vzdor!»: voennyi ministr A. N. Kuropatkin o trudakh iaponskikh natsionalistov” [“Pure Nonsense!”: War Minister A. N. Kuropatkin on the Proceedings of Japanese nationalists], *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 4 (2020): 875–891. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404>
- Dokumenti Kokuryūkai* [Kokuryūkai Documents Collection. ed. Ryōhei Uchida Documents Study Group] (Tokyo: Kashiwa Shobo, 1992).
- Dokumenty Uchida Ryōhei: toma 1–11*, [Uchida Ryohei's Papers: Volumes 1–11] ed. RYŌHEI UCHIDA Documents Study Group, (Tokyo: Fuyo Shobo, 1994).
- A. GRAJDANZEV, «Japan's Co-Prosperity Sphere», *Pacific Affairs*, no. 3 (1943): 311–328. <https://doi.org/10.2307/2751531>

62 Рекомендуемые книги, *Патриотическая партия «Великая Япония»*, <https://xn--n5qy3qvplnibf31bya.com/book.html> (Дата обращения: 20 июня 2023).

63 Основатель партии Утида Рёхэй, *Патриотическая партия «Великая Япония»*, <https://xn--n5qy3qvplnibf31bya.com/founder.html> (Дата обращения: 20 июня 2023).

64 Заявление по поводу инцидента в деревне Акуцу (10 января 1932 г.), *Патриотическая партия «Великая Япония»*, <https://xn--n5qy3qvplnibf31bya.com/history.html> (Дата обращения: 20 июня 2023).

Iznanka revoliutsii: Vooruzhennoe vosstanie v Rossii na iaponskie sredstva [The Wrong Side of the Revolution: Armed Uprising in Russia with Japanese Funds] (Sankt-Peterburg, 1906).

Izvlechenie iz 2-go vypuska (aprel' 1901 g.) «*Izvestii Amurskogo obshchestva*». Tokio, 17 (30) iyunya 1901 g. [An Extract from the 2nd Issue (April 1901) of "News of the Amur Society." Tokyo, June 17 (30), 1901], *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], F. 400. Op. 4. D. 481. L. 280–288. *Kto takoi kitaets? – Chtenie «Vzgliada na Kitai» Ryōhei Uchida, Assotsiatsiia issledovani Ryōhei Uchida* [Who is Chinese? – Reading "A Look at China" by Ryōhei Uchida] (Tokyo: Tentensha, 2009).

D. KURGINOVA, A. MYRIKOVA, A. SHIRINIANTS, "«Ot liubvi do nenavisti...» K genealogii amerikanskoi rusofobii" ["From Love to Hate..." On the Genealogy of American Russophobia], *Dialog so vremenem*, no. 83 (2023): 262–277. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2023.83.83.016>

RYŪHEI HATSUSE, *Issledovanie pravogo traditsional'nizma Uchida Ryōhei* [Research into the Right-Wing Traditionalism of Ryōhei Uchida] (Fukuoka: Kyūshū Daigaku Shuppankai, 1980).

A. KUIALA, "Iaponskii General'nyi shtab i vopros o soglasovannykh antipravitel'stvennykh deistviyakh v Rossiiskoi imperii, 1904–1905" [Japanese General Staff and the Question of Concerted Anti-Government Actions in the Russian Empire, 1904–1905], v *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii*, Tom X (Moskva, 2011), 113–131.

T. MASAKI, «Yapono-koreiskie otnosheniia i «istoki» nacionalizma III: Yumeno Kyusaku i zachatki «Sumasshestviia»» [The Japan-Korea Relationship and the "Origin" of Nationalism III: Yumeno Kyūsaku and an Embryo of "Mad-ness"], *AJ Journal*, no. 13 (2018): 59–81.

T. MITSURU, S. SIGEMARU, R. UCHIDA, Ts. INUKAI, *Golosa aziatov, chast' 1: Genyōsha i Kokuryūkai, ili proiskhozhdenie aktivnogo aziatizma* (Tokyo: Shoshishinsui, 2008).

E. HERBERT NORMAN, «The Genyosha: A Study in the Origins of Japanese Imperialism», *Pacific Affairs*, no. 3 (1944): 261–284. <https://doi.org/10.2307/2751627>

Obschestvo Chernogo Dragona. 30 let istorii [The Black Dragon Society: Thirty Years of History] (Tokyo: Kok Kokuryūkai Shuppanbu, 1931).

Patrioticheskaia partiia «Velikaia Iaponiia» [Greater Japan Patriotic Party], <https://xn--n5qy3qvplnibf31bya.com/index.html> (Accessed June 2023).

D. PAVLOV, S. PETROV, "Polkovnik Akasi i osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii (1904–1905 gg.)" [Colonel Akashi and the Liberation Movement in Russia (1904–1905)], *Istoriia SSSR*, no. 6 (1990): 50–71.

A. SHIRINIANTS, O. SOROKOPUDOVA, "«Russkii vopros»: frantsuzskaia rusofobiia v XIX veke" [The "Russian Question:" French Russophobia in the 19th Century], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 2 (2014).

A. SHIRINIANTS, O. SOROKOPUDOVA, "«Russkii vopros»: frantsuzskaia rusofobiia v XIX veke (II)" [The "Russian Question:" French Russophobia in the 19th Century (II)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 4 (2022).

T. TANAKA, "Uchida Ryōhei: vzgliad na Rossiiu" [Ryōhei Uchida: A Look at Russia], *Ezhegodnik Iaponiia*, no. 41 (2012): 390–412.

RYŌHEI UCHIDA, *Mnenie o Man'chzhurskikh zheleznnykh dorogah* [An Opinion about Manchurian Railroads] (Tokyo: Kokuryūkai Shuppanbu, 1930).

RYŌHEI UCHIDA, *Nezavisimost' Man'chzhuriiu i deiatel'nost' Vsemirnogo obshchestva krasnoi svastiki* [The Independence of Manchuria and the Activity of the Red Swastika Society] (Tokyo: Senshinsha, 1931).

RYŌHEI UCHIDA, *O Rossii* [About Russia] (Tokyo: Kokuruykai, 1901).

RYŌHEI UCHIDA, *Polveka tverdsti* [The Half-Century of Strength] (Tokio, 1978).

RYŌHEI UCHIDA, "Koreiskaia partiia Tonhak i Ten'iukio" [Korean Tonhak and Tenke Parties], v *Tainstvennye liudi Genyōsha* (Tokyo: Shoshishinsui, 2013), 233–248.

RYŌHEI UCHIDA, "Osnovanie dodzio vo Vladivostoke i match s kitaitсами" [Establishment of dojo in Vladivostok and match with Chinese], v *Tainstvennye liudi Genyōsha* (Tokyo: Shoshishinsui, 2013), 251–252.

RYŌHEI UCHIDA, "Prebyvanie v rossiiskoi stolitse i vozvrashchenie domoi" [Staying in Russia and Returning Home], v *Tainstvennye liudi Genyōsha* (Tokyo: Shoshishinsui, 2013), 265–275.

RYŌHEI UCHIDA, "Puteshestvie po Transsibirskoi magistrali" [Traveling along the Trans-Siberian Railway], v *Tainstvennye liudi Genyōsha* (Tokio: Shoshishinsui, 2013), 252–265.

RYŌHEI UCHIDA, "Vospominaniia ob ob"edineniia Iaponii i Korei" [Memories of the Unification of Japan and Korea], v *Tainstvennye liudi Genyōsha* (Tokyo: Shoshishinsui, 2013), 199–233.

RYŌHEI UCHIDA, *Vzgliad na Kitai* [A Look at China] (Tokyo: Kokuryūkai Shuppanbu, 1913).

RYŌHEI UCHIDA, *Vzgliad na Man'chzhuriiu i Koreiu* [A Look at Manchuria and Korea] (Uchida Ryohei, 1906).

I. ZIMIN, *Tsarskie den'gi. Dokhody i raskhody Doma Romanovykh* [Royal Money: The Income and Expenses of the House of Romanov] (Moskva, 2011).

ТАМАШ КРАУС

ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННОЙ РУСО- И СОВЕТОФОБИИ¹

REMARKS ON THE NATURE OF MODERN RUSSO- AND SOVIETOPHOBIA

In the course of its historical evolution, Russophobia has undergone many changes and manifested itself in many varieties from the early British tradition and fascism/Nazism up to modern forms of „democratic” Russophobia existing in the western center of the world system. In this area, national peculiarities in the Eastern European region have led to the emergence of a special variety of forms of modern Russophobia in various fields from political struggle to memory politics. All these forms are connected by a common motive in historically changing ways and means – geopolitical competition and rivalry of states in the hierarchical structure of the world system, specifically manifested in the struggle that the great powers and their allies are waging for control over markets, trade routes, energy and raw materials sources, and zones of interest, in a word, over accumulation structures of capital. In fact, Russophobia is an ideological justification for the geopolitical expansion of the „collective West”, which, under the banner of democracy, has served as a trigger for the renaissance of wild, authoritarian ethno-nationalism and/or pro-Nazism in Ukraine and throughout Eastern Europe and at the same time was supposed to ensure national cohesion in large and small states of the region, primarily in opposition to Russia.

Keywords: Russophobia, Sovietophobia, geopolitics, memory politics in Eastern Europe, Russia, Ukraine

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the ‘Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia’ conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: TAMÁS KRAUSZ, “Zamechaniia o prirode sovremennoi ruso- i sovetofobii” [Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 137–150. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.18

ЧТО ТАКОЕ РУСОФОБИЯ?

Если поместить явление русофобии в контекст событий, происходящих сегодня в мире, то вряд ли можно спорить с тем, что в этой области водоразделом, временем возникновения нового качества, стал исторический период, называемый сменой общественного строя (1989–91). Место СССР, а после распада биполярного мирового порядка – России в мире как по отношению к соседям, так и по отношению к глобальным партнерам радикально изменилось. В результате глобализации в неолиберальном мире реставрированного капитализма ответы на вызовы эпохи формировались уже в духе нового времени, в духе этнонационализма.² Повторный расцвет русофобии стал одним из странных проявлений этого духа. Конечно, современная русофобия понятийно связана со своими историческими предпосылками.³ Уже в процессе ее возникновения действовали реальные геостратегические силы истории: геополитические столкновения интересов великих держав, то есть мотивы экономической и политической конкурентной борьбы, шедшей на базе многочисленных и многообразных вариантов локального развития. С другой стороны, современная русофобия, демонизация России как «империи зла» за последние тридцать лет в конечном итоге утвердилась в Восточной Европе и государствах-преемниках СССР в качестве интеллектуальной репрезентации нового властно-политического союза, который рассматривал и рассматривает Россию как главное препятствие на пути национального существования и процветания, самую значительную преграду, мешающую «присоединиться» к Западу, «догнать» его.

Переломным моментом, «первородным грехом» стала идеологизация процесса новой изоляции России, к которой Запад приступил уже в начале 90-х гг. Более чем символичным рядом событий этого процесса стало неспровоцированное Россией многоэтапное расширение, продвижение НАТО на восток до самых границ России. Между тем в период объединения Германии руководитель западных держав публич-

2 JÓZSEF JUHÁSZ, TAMÁS KRAUSZ (szerk.), *Az új nemzetállamok és az etnikai tisztogatások Kelet-Európában 1989 után* (Budapest: L'Harmattan Kiadó–ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2009); TAMÁS KRAUSZ, „Néhány megjegyzés a rendszerváltás ideológiájáról”, *Eszmélet* 123 (2019 ősz): 23–27.

3 JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950).

но отказались от продвижения НАТО в восточном направлении.⁴ В этом смысле русофобия является общим политическим и идеологическим инструментом для местных восточноевропейских популистских, этно-националистических властных режимов и поддерживающих их групп, осуществлявших «смену общественного строя», а также политических классов западных либеральных держав, прежде всего США, Канады и Великобритании. В рамках идеологической конструкции, объявляющих Россию врагом, находят свое выражение важные стремления определенных государственных силовых центров, институтов и общественных групп. «Сдерживание» России оставляет в тени тот факт, что Запад обладает значительным экономическим и военным преимуществом перед Россией, поскольку Россия в сравнении с СССР располагает гораздо меньшим экономическим и политическим влиянием в мире. Конечно, не вызывает сомнений, что понятием «русофобии» можно злоупотреблять и на почве русского (российского) национализма⁵ (естественно, в этом смысле в ходе политической борьбы злоупотребляют всеми относящимися к политике понятиями, например понятиями антисемитизма, исламофобии и др., однако было бы неразумно на этом основании ставить под сомнение их существование).

В процессе своей исторической эволюции русофобия претерпела много изменений и проявлялась во многих разновидностях – главным образом в западном центре мировой системы. В этой области национальные особенности в восточноевропейском регионе привели к появлению особого многообразия форм русофобии в разных областях – от политической борьбы до политики памяти.⁶ Все эти формы исто-

4 Этот переломный момент, этот «скандальный факт» признается и аналитиком, представляющим интересы немецкой властной элиты, ведь после открытия для исследователей соответствующей группы документов ЦРУ в нашем распоряжении появился богатый корпус источников. Ср.: <https://www.spiegel.de/international/world/nato-s-eastward-expansion-is-vladimir-putin-right-a-bf318d2c-7aeb-4b59-8d5f-1d8c94e1964d>.

5 Об этом см., напр.: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/24/790192-ruso-fobiya> Пронизанный религиозными идеологиями этнонационализм стал цементирующим материалом для строительства новых, «демократических», капиталистических национальных государств практически во всем регионе, где произошла смена общественного строя. Националистическое крыло властной элиты намеревалось компенсировать потерю, «девальвацию» экономической самостоятельности в сфере политики и культуры. «Этнонационалистический ренессанс» стал одной из важных функций государственного национализма, исключив классовую идентичность. Ср.: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00108/pdf/EPA01739_eszmelet_123_005-054.pdf

6 В этой связи на нашей конференции также были представлены важные источники.

рически связаны с уже упомянутым общим мотивом – геополитической конкурентной борьбой и соперничеством государств в иерархической структуре мировой системы, что конкретно проявляется в той борьбе, которую великие державы и их союзники ведут за контроль над рынками, торговыми путями, источниками энергии и сырья, зонами интересов, одним словом, над структурами накопления капитала. Другой содержательной особенностью понятия является то, что сама русофобия как историческое явление организована сверху соответствующими институтами правящих элит. Однако в отличие от антисемитизма русофобия не имеет корней в массовых движениях. В этом отношении исключением кажется только современная Украина, которая является, по всей видимости, наиболее заметным местом взрыва русофобии, ставшего по-настоящему опасным после обострения противоречий между Россией и США-НАТО-ЕС. Однако какой бы массовой ни была русофобия в Украине, в основном это организованное сверху государством или политическими и военными средствами многоликое историческое явление, которое заняло особую позицию в процессе строительства национального государства.⁷ Что касается «качества» этого явления, то оно имеет особый характер, так как не имеет под собой фундамента расовой теории. Хотя русофобия как идеология межгосударственной конкуренции – это разновидность расизма, она является видом цивилизационного или культурного расизма, так как выражает элементы превосходства западной культуры над русской-российской-советской культурой. Русофобия является проявлением дихотомного мышления, она описывает мир как дихотомию «хорошего Запада» и «злого Востока» (России), в рамках которой идет борьба демократии и автократии. Фактически русофобия представляет собой идеологическое оправдание геополитической экспансии «коллективного Запада», которая под флагом демократии послужила триггером ренессанса дикого, авторитарного этнонационализма и/или пронацизма в Украине и во всей Восточной Европе. В то же время русофобия должна была обеспечить национальную сплоченность в больших и малых государствах региона прежде всего в противовес России.

7 Многие в сущности этой проблемы проясняют ее аспекты, связанные с политикой памяти. Об этом см.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018); А. Миллер, Д. Ефременко (ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* (Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУСОФОБСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Характерный для современной, базирующейся на геополитике русофобии образ России резче всего вырисовывается в тех соседних с Россией странах, которые в течение исторически длительного времени были непосредственно связаны с Россией, а позже с СССР. В этом отношении важную роль, наряду с балтийскими странами, играет Польша. Ссылаясь на современные проявления русофобии, ту же самую проблему сформулировал в отношении одного конкретного национального государства Витольд Модзелевский, член Национального совета по развитию при президенте Польши, профессор Варшавского университета, который 11 июня в статье для издания *Myśl Polska* рассказал о причинах русофобских настроений у некоторых польских политиков. Модзелевский уверен, что таким образом польские политики стараются угодить «великому покровителю» в лице США. Модзелевский также заявил, что «стратегический союз» Варшавы и Вашингтона носит антироссийский характер. «Ваша глубокая ненависть ко всему российскому или советскому проистекает из очевидной для вас убежденности в том, что наш всесильный покровитель, единственный защитник свободного мира и чего-то там еще всегда занимал и будет занимать антироссийскую позицию, а вас за вашу решимость в словесных атаках на «империю зла» он может даже похвалить», — утверждает профессор.

По мнению Модзелевского, США могут пойти на сближение с Россией, и тогда польская русофобия внезапно исчезнет. Исчезнет она или нет, этого мы не знаем, это лишь предположение. Польская, балтийская, украинская, одним словом, восточноевропейская русофобия укоренилась не просто как один из краеугольных камней самоутверждения, «освобождения» национально-государственных режимов, она, как я уже указывал выше, функционирует и как элемент национальной сплоченности. Хотя оказавшая наибольшее влияние «научная», а на самом деле публицистическая и политическая «идеологизация», интеллектуальное обоснование русофобии были осуществлены на Западе и в России. Имеет смысл показать или проиллюстрировать суть этого явления на примере некоторых его аспектов.

Явление современной русофобии не вневременно и внепространственно, оно всегда является частью и продуктом конкретной, локальной исторической ситуации. В соответствии с этим отличительный признак современной русофобии заключается именно в том, что она не

может быть отделена от советофобии.⁸ Эта *сращенность* хорошо иллюстрируется с помощью работ двух очень разных авторов. С 60-х гг. «изучение ГУЛАГ-а» Александром Солженицыным, который со временем стал идеологом русского национализма, и его связанное с этим литературное творчество казалось бы, странным образом постепенно превратились в цементирующий материал здания современной русофобии, поскольку в этом творчестве неразрывная историческая связь социализма с Россией была показана посредством символики ГУЛАГ-а. В итоге возникла устойчивая мыслительная конструкция, которая зажила самостоятельной жизнью и в идеологическом поле геополитики. Сама же тематика ГУЛАГ-а настолько оторвалась от исторической реальности, от изучения источников, что для доказательства «десятков миллионов» жертв уже нет нужды в ссылках на архивные данные. Аутентичные данные, полученные в конце перестройки скончавшимся несколько лет назад замечательным архивистом и историком В. Н. Земсковым и опубликованные нами на венгерском языке еще в 1991 г.,⁹ ныне просто «сошли с повестки дня», оказались непригодными для пропагандистской программы современной русофобии, где достоверные данные кажутся недостаточными в духе А. Солженицына или Р. Конквеста.¹⁰

Получившая в последнее время известность в Восточной Европе американская журналистка Энн Аппельбаум, которая выступает и в качестве историка, выполняющего миссию по криминализации русской истории, и в роли «знатока всех тайн», также пытается найти суть всей советской истории в тематике ГУЛАГ-а, с помощью которой и криминализует ее. Работы Энн Аппельбаум можно прочитать и на венгерском языке.¹¹ Хотя автор явно не знает самых основных правил критики источников, она все же обладает огромной пропагандистской

8 Об этом см., например, статью о том, как восточноевропейские фашистские группы эпохи холодной войны нашли приют в Канаде, а советофобия «переросла» в русофобию: R. SANDERS, „Hogyan talált otthonra Kanadában a kelet-európai hidegháborús fasizmus?“, *Eszmélet* 132. (2021 tél): 38-48.

9 V. NY. ZEMSKOV, *A Gulag – Tényekben, adatokban* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991). Об этом см. еще: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783>

10 Об этой фальсификации истории и ее влиянии в Венгрии см.: TAMÁS KRAUSZ, „Egy hamisítás története“, *Népszabadság* 2003.12.19. <http://nol.hu/archivum/archiv-139756-119747>

11 ANNE APPLEBAUM, *A Gulag története I-II* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2004); ANNE APPLEBAUM, *Vasfüggöny – Kelet-Európa megtörése 1944–1956* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2014); ANNE APPLEBAUM, *Vörös éhínség – Sztálin háborúja Ukrajna ellen* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2020); ANNE APPLEBAUM, *Kelet és Nyugat között – Európa határvidékén* (Budapest: Örökség Kultúrpolitikai Intézet, 2016).

и медийной поддержкой, которая обеспечивает согласование ее «научной» и политической миссии (а также миссии в области политики памяти). Ее деятельность хорошо показывает, что политический «заказ» непосредственно пронизывает научный мир от Вашингтона до Будапешта. Аппельбаум старается сочлениить польскую и венгерскую праворадикальную политику памяти с неолиберальным представлением о демократии. Она «демократизирует» восточноевропейскую политику памяти с целью обеспечить ей респектабельность в глазах американского мейнстрима.¹² Деятельность Аппельбаум или, скажем, Т. Снайдера¹³, является типичным примером того, как в тематике ГУЛАГ-а или в военной тематике самым непосредственным образом переплетаются русо- и советофобия, основа для чего, как это ни парадоксально, была заложена инакомыслящим Солженицыным.¹⁴

Русофобия получает большую помощь от исторической науки. Нередким является прием такого типа, когда поддельные фотографии призваны документировать одинаковую сущность нацизма и «коммунизма». Например, фотография польской девочки в лагере смерти выдается за фотографию жертвы ГУЛАГ-а.¹⁵ В Венгрии также случилось так, что один профессор представил жертвами советских солдат евреев, застреленных нацистами или нилашистами перед освобожденным советскими войсками еврейским гетто и сфотографированных знаменитым советским фотографом Халдеем.¹⁶ Другой известный историк в духе Нольте проводит аналогию между Красной армией и нацистами, возводя последних на высокий культурный уровень к «вящей славе» русофобии.¹⁷ Постоянное и совершенно непоследовательное смеше-

12 Журнал Nation о новой книге А. Эпплбаум: Расцвет демократии: „...she does not acknowledge how her past and present worldview—one supportive of neoliberal economics, military adventurism, and elite meritocracy—might also have created the room for the far right”. By David KlionTwitter JANUARY 11, 2021

13 DANIEL LAZARE, „Timothy Snyder hazugságai. Timothy Snyder: Véres övezet. Európa Hitler és Sztálin szorításában. Budapest, Park Könyvkiadó, 2010.”, *Eszmélet*, 125. (2020. tavasz): 179–233.

14 См.: ALEKSZANDER SZOLZSENYICIN, *Az “orosz kérdés” a XX. század végén* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1997).

15 https://aif.ru/society/people/prigovorennaya_v_sssr_kak_pogibshuyu_v_osvencime_vydayut_zhertvu_gulaga

16 См.: PETER PASTOR, „Fényképek mint történelmi dokumentumok. Jevgenyij Haldej két, Budapesten készült fotójának vizsgálata”, *Eszmélet*, 121. (2019. tavasz).

17 См.: КРИСТИАН УНГВАРИ В ЗАКЛЮЧАЮЩЕЙ ЧАСТИ СВОЕЙ КНИГИ “ВЕНГЕРСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ” ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ОСНОВАМ РУСОФОБСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В ДУХЕ “КУЛЬТУРРАССИЗМА”.

ние слов *советский* и *русский* является одним из своеобразных приемов, средств русофобии, который ныне, можно сказать, закрепился в качестве «народного предрассудка». Конечно, глобальное распространение неразделимости русо- и советофобии нельзя считать лишь продуктом современных событий. Как раз наоборот. Оно неотделимо от множества явлений и фактов, из которых подробно остановимся лишь на одном элементе – «традиции». Общеизвестно, что во время Второй мировой войны многие солдаты армий, сражавшихся в союзе с нацистской Германией, например, румынской или венгерской, а также некоторые гражданские жители этих стран попали в советский плен. В период «реального социализма» опыт плена долгое время был «подавлен» и дремал в глубине национальной памяти, а после смены общественного строя вырвался на поверхность. Однако в интерпретациях, обосновывающих существующий режим власти, военный союз с нацистами почти незаметно переместился из понятия «военного преступления» в тематику «национальной обиды». Таким образом, обращение с военнопленными превратилось в самостоятельный нарратив, отделенный от *исторического целого*. Документальное подтверждение, описание более чем трехлетней террористической, оккупационной деятельности венгерских оккупационных войск, обеспечивавших функционирование нацистского геноцида на территории СССР, по-прежнему считается «коммунистической пропагандой». Между тем факт геноцида был признан командующим участвовавших в нем венгерских частей. Более того, на украинском процессе генералов в 1947 г., на котором были осуждены венгерские военные преступники, он выразил искреннее раскаяние. Дошло до того, что в результате «повествования о страданиях» поменялись роли палача и жертвы и на алтаре принесения общенациональной жертвы исчезло различие между «хорошей и плохой стороной». Но обо всем по порядку.

О ПЕРЕПЛЕТЕНИИ НИТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РУСОФОБИИ В СВЕТЕ ТРЕХ ДОКУМЕНТОВ

В упомянутом выше документе, связанном с процессом генералов (Алдья Папп Золтан), отражается то, что венгерские оккупационные силы на территории СССР во время войны принимали участие в геноциде не только против евреев, но и вообще против советского населения, народов СССР. В указанном месте генерал Золтан Алдя-Папп,

главнокомандующий оккупационными войсками, сказал: «...признаю, что в качестве командующего 105-й дивизии Восточной оккупационной группы ... принимал участие в уничтожении и порабощении украинского советского народа».¹⁸ Но большинство венгерских историков, занимающихся этими вопросами, не готовы примириться с фактом геноцида, потому что видят в этом оскорбление национальной гордости и ссылаются на то, что венгерские солдаты "не сознательно" принимали участие в тех «событиях».¹⁹ Это явление перешло в русофобию, когда оккупацию начали оправдывать или релятивизировать аргументами этики намерений. Более высокой ступенью русофобии, как отмечалось выше, является ликвидация качественной разницы между советской и немецкой стороной, более того, прямое использование аргумента о культурном превосходстве немцев и венгров над русскими и советскими людьми.²⁰ Не приходится удивляться тому, что документы такого типа не имеют значения для авторов, которые и сегодня поклоняются идее о «европейском культурном превосходстве».

В Украине такой подход был зафиксирован в законе о т. н. декоммунизации.²¹ 16 июля 2019 г. КСУ принял и опубликовал решение, по которому закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещения пропаганды их символики» признан конституционным. Документ прямо, «конституционно» путает советское и русское, истребление советских памятников *in statu nascendi* практически выметаает все русское вместе с советским, потому-что юридически

18 TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941-1947* (Budapest: L'Harmattan, 2013), 38., 57.

19 Ср.: IGNÁC ROMSICS, *Magyarország története* (Budapest, Kossuth Könyvkiadó, 2017), 420.

20 Об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, *Történetírás és emlékezetpolitika* (Budapest, Russica Pannonicana, 2021). См. особенно критику подобных взглядов, содержащихся в книге Кристиана Унгвари. Подход, согласно которому в мнениях и документах советских жертв венгерских солдат усматривается «преконцепция», в то время как документы о страданиях венгерских жертв непременно считаются достоверными, уже стал органической частью работ молодых венгерских историков. Так обстоит дело здесь и сейчас с «национальным углом зрения» на историю. См., напр.: http://www.belvedere-meridionale.hu/wp-content/uploads/2019/02/03_%20P%C3%A9terffy_2019_02.pdf. pdf 46. См. еще мою критику на академическое издание, инспирированное упомянутым выше сборником документов: TAMÁS KRAUSZ, „Egy levéltári kurzuskötet a Győzelem 70. évében”, http://epa.oszk.hu/01700/01739/00091/pdf/EPA01739_eszmelet_106_086-099.pdf

21 [https://zib.com.ua/ua/141170-zakon_o_dekommunizacii_sootvetstvuyut_li_sredstva-presleduem.html](https://zib.com.ua/ua/141170-zakon_o_dekommunizacii_sootvetstvuyut_li_sredstva_presleduem.html)

(может быть не только юридически) невозможно отселять эти явления. Все это лишь правовое «продолжение» героизации нацистских пособников Бандеры и Шухевича.

На самом деле это документ не только декоммунизации, но и десоветизации. В нем снова, уже в юридической форме, проявляется то, что русофобия, смешанная с советофобией является средством сплочения нации против российского государства. В этом смысле новое украинское национальное государство официально отрицает, больше того, уничтожает свою предысторию, что практически привело к запрещению публичного использования русского языка²²: единственным государственным языком был объявлен украинский. И это произошло в стране, где среди 40 миллионов населения насчитывается около 17 миллионов лиц русской национальности.... Критическое освещение этой точки зрения в исторической науке произошло уже десять лет назад: дискуссия, состоявшаяся на страницах журнала *Krytyka*, показала, что в Украине значительная часть либеральной интеллигенции при поддержке некоторых западных коллег готовы принять легитимационный нарратив, который отрицает совершение преступлений против человечности, участие в Холокосте, этнические чистки и фашистские преступления. Вместо оспаривания традиционного советского подхода при анализе украинской истории они предпочитают следовать за Ющенко, который провозглашает национальными героями фашистов, антисемитов и военных преступников, ставя их в пример молодежи. Тем самым строительство нации и консолидация государства оказываются важнее демократических принципов и жертв ООН и УПА.²³

Третий документ, который обсуждался и был принят Европарламентом в сентябре и октябре 2019 г.,²⁴ однозначно отражает тот факт, что «восточноевропейский настрой» существует на «глобальном» уровне, свидетельствует о том, что в Евросоюзе русофобия может быть свободно трансформирована в официальную легитимацию «местных» восточноевропейских национальных государств. Не случайно, под влиянием этого документа чешские либералы демонтировали в 6-м районе Праги памятник «освободителю» чешской столицы маршалу Коневу.

22 <https://tass.ru/politika/11959949>; <https://www.rbc.ru/society/16/01/2022/61e26b6f9a7947e28b349d10>

23 GRZEGORZ ROSSOLIŃSKI, „Liebe and Per Anders Rudling, Review of Krytyka (Hrsg.): Krytyka. Hefte 3–4; 7–8; 9–10”. Kyiv, 2010, In H-Soz-u-Kult, June 15, 2011

24 https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe

Таким образом, этот документ предлагает интерпретационную модель уже на международном уровне, связывает местные и центральный уровни и создает идейную структуру, определяющую глобальную легитимацию новой эпохи. Идеологические рамки этого поворотного явления – отождествление СССР с нацистской Германией, преувеличение достоинств западных союзников, недооценка советских военных усилий, прямая фальсификация событий начала Второй Мировой войны. Эти тезисы сегодня являются общей точкой правительственной политики памяти восточно-европейских государств.²⁵

В этих странах политика памяти контролируется сетью музеев памяти, государственными комитетами и институтами истории и т.д. От Львова до Будапешта, от Вильнюса до Варшавы эти институты поддерживают политические и моральные позиции властвующих элит. Не случайно, что вышеупомянутый документ Европарламента был придуман литовским политиком.

В итоге документе Евросоюза в русле литовской политики памяти советское государство, а с ним и Российская Федерация, отождествляется с нацистским режимом, социализм отождествляется со сталинизмом, сталинизм отождествляется с нацизмом. В итоге дело дошло уже до релятивизации Холокоста. Армия, которая погасила печи концлагеря смерти Освенцима, ставится на один уровень с теми армиями, которые напали на Советский Союз и осуществили геноцид народов СССР. Релятивизируется граница между жертвами и палачами. Так выглядит «мирный договор» в политике памяти по европейскому образцу. И все это ради борьбы против российской политики памяти в отношении Великой отечественной войны.

Подведем итоги. В рамках данной статьи была предпринята попытка отделить русофобию от советофобии в рамках политики памяти. Но это невозможно, потому что советский период как прошлое русского и всех других народов переплетался с судьбой Советского Союза. Не случайно, что криминализация истории СССР неизбежно идет рука об руку с русофобией, о чем свидетельствуют анализы документов.

25 Это я уже изложил на международной конференции в Москве: Конференция Института всеобщей истории Российской академии наук по случаю 80-й годовщины начала Второй мировой войны. (2–3 октября 2019 г.) Отредактированная версия лекции. Первая публикация — 2019. Тамаш Краус, *Судьба идей в истории ссср и после...* / Под общей редакцией М. С. Петровой (М.: Аквилон, 2020), Часть вторая: Война и геноцид, 130.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в данном случае Россия выступает не в роли жертвы. Даже российские эксперименты декоммунизации Великой Отечественной войны во имя новой, «современной» политики памяти ведут к новым мифам о войне в которой народ не был организован коммунистической партией и другими институтами советской системы, а воевал сам по себе, как говорится, на свой страх и риск. Это совершенно абстрактное представление совсем не считается со сложными противоречиями истории. Более того, именно в результате своего абстрактного характера оно открывает дорогу для оправдания нацистских коллаборантов – реабилитации власовцев и бандеровцев... На месте советских мифов уже давным давно появились новые мифы: как однажды сказал академик Пивоваров, Отечественная война не существовала, Отечественная война – это миф. Однако на самом деле новый миф заключается в том, что Отечественная война – миф. Это миф, который укоренился за пределами России, который стал исходным пунктом русофобской политики памяти большинства малых восточноевропейских государств, став элементом национального сплочения. Русофобский миф создает своеобразное согласие между либеральными и консервативными политическими течениями в регионе и за его пределами. В мире идей современной русо- и советофобии «классическим» мифом стал «маленький человек» как игрушка больших, «необъятных» держав, он заслуживает того, чтобы ему наконец, была воссоздана справедливость...²⁶

References

- ANNE APPLEBAUM, *A Gulag története I-II* [Gulag: A history I-II] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2004).
 ANNE APPLEBAUM, *Kelet és Nyugat között – Európa határvidékén* [Between East and West: Across the Borderlands of Europe] (Budapest: Örökség Kultúrpolitikai Intézet, 2016).
 ANNE APPLEBAUM, *Vasfüggöny – Kelet-Európa megtörése 1944–1956* [Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2014).

26 Ср.: <https://444.hu/2022/02/13/orultsegbe-rangattak-bele-a-budapestrol-kitoro-nemetes-magyar-katonakat...> В этом духе в Венгрии случилось так, что, по инициативе упомянутого выше историка, для нынешнего руководства Будапешта и либеральных СМИ «день прорыва», то есть «героическое» деяние отрядов «С», вырвавшихся из кольца осады, «незаметно» стал памятным днем. Так выглядит ситуация, когда историк превращается в «политика памяти», воплощающего «дух эпохи», идеолога тезиса «все – жертвы».

ANNE APPLEBAUM, *Vörös éhínség – Sztálin háborúja Ukrajna ellen* [Red Famine: Stalin's War on Ukraine] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2020).

„Asztal körül – Rendszerváltás, 1989-2019” [Roundtable – Regime Change, 1989-2019], *Eszmélet* 31, no. 123 (2019. ősz): 5–54.

https://epa.oszk.hu/01700/01739/00108/pdf/EPA01739_eszmelet_123_005-054.pdf (Accessed 28.02.2021).

DÁNIEL CSURGÓ, Őrütségbe rángatták bele a Budapestről kitörő német és magyar katonákat [The German and Hungarian Soldiers breaking out of Budapest were Dragged into Madness] <https://444.hu/2022/02/13/orultsegbe-rangattak-bele-a-budapestrol-kitoro-nemet-es-magyar-katonakat> (Accessed 21.03.2021).

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe (Accessed 28.02.2021).

JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950).

JÓZSEF JUHÁSZ, TAMÁS KRAUSZ (szerk.), *Az új nemzetállamok és az etnikai tisztogatások Kelet-Európában 1989 után* [The New Nation States and Ethnic Cleansing in Eastern Europe after 1989] (Budapest: L'Harmattan Kiadó–ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2009).

TAMÁS KRAUSZ, „Egy hamisítás története” [The Story of a Forgery], *Népszabadság* 2003.12.19. <http://nol.hu/archivum/archiv-139756-119747> (Accessed 21.03.2021).

TAMÁS KRAUSZ, „Egy levéltári kurzusoktet a Győzelem 70. évében”, [A Collection of Political Writings from the Archives in the 70th Year of Victory]

http://epa.oszk.hu/01700/01739/00091/pdf/EPA01739_eszmelet_106_086-099.pdf (Accessed 21.03.2021).

TAMÁS KRAUSZ, „Néhány megjegyzés a rendszerváltás ideologikumáról” [Some Remarks on the Ideology of the Regime Change], *Eszmélet* 123 (2019 ősz): 23–27.

TAMÁS KRAUSZ, *Történetírás és emlékezetpolitika* [Historiography and Memory Politics] (Budapest, Russica Pannonicana, 2021).

TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947* [The Hungarian Occupying Forces in the Soviet Union. Archival Documents 1941–1947] (Budapest: L'Harmattan, 2013), 38., 57.

DANIEL LAZARE, „Timothy Snyder hazugságai. Timothy Snyder: Véres övezet. Európa Hitler és Sztálin szorításában. Budapest, Park Könyvkiadó, 2010.” [Timothy Snyder's Lies. Timothy Snyder: Bloodland. Europe between Hitler and Stalin], *Eszmélet*, 125. (2020 tavasz): 179–233.

A. I. MILLER, D. EFREMNKO (red.), *Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory] (Moskva, Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2018).

A. I. MILLER, D. EFREMNKO (red.), *Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe: Actors, Institutions, Narratives] (Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020).

DENIS NEVIADOMSKII, *Zakon o dekomunizatsii: sootvetstvuiut li sredstva presleduemoi legitimnoi tseli?* [Law on Decommunization: Do the Means Correspond to the Pursued Legitimate Aim?]

https://zib.com.ua/ua/141170-zakon_o_dekommunizacii_sootvetstvuyut_li_sredstva_presleduem.html (Accessed 21.03.2021).

PETER PASTOR, „Fényképek mint történelmi dokumentumok. Jevgenyij Haldej két, Budapesten készült fotójának vizsgálata” [Photographs as Historical Documents: Examination of Two Photographs of Yevgeny Khaldey Taken in Budapest], *Eszmélet*, 121. (2019. tavasz): 105-117.

GERGELY PÉTERFFY, „Vasutasok és a szovjet megszállók, 1944-1946” [Railwaymen and the Soviet Invading Troops, 1944-1946], *Belvedere*, no. 2 (2019): 46. http://www.belvedere-meridionale.hu/wp-content/uploads/2019/02/03_%20P%C3%A9terffy_2019_02.pdf pdf <https://doi.org/10.14232/belv.2019.2.3>

IGNÁC ROMSICS, *Magyarország története* [The History of Hungary] (Budapest, Kossuth Könyvkiadó, 2017), 420.

Rosszia prosit ESPCH priznat' diskriminatsiei zapret russkogo iazyka na Ukraine [Russia Asks the ECtHR to Recognize the Ban on the Russian Language in Ukraine as Discrimination] <https://tass.ru/politika/11959949> (Accessed 21.03.2021).

GRZEGORZ ROSSOLIŃSKI, „Liebe and Per Anders Rudling, Review of Krytyka (Hrsg.): Krytyka. Hefte 3-4; 7-8; 9-10”. Kyiv, 2010, In *H-Soz-u-Kult*, June 15, 2011

VLADIMIR RUVINSKII, *Rusofobiia kak universal'noe ob'iasnenie. Kak termin „rusofobiia” primeniaetsia vo vnutrennei i vneshnei politike* [Russophobia as a Universal Explanation: How the Term „Russophobia” is Used in Domestic and Foreign Policy]

<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/24/790192-rusofobiya> (Accessed 21.03.2021).

RICHARD SANDERS, „Hogyan talált otthonra Kanadában a kelet-európai hidegháborús fasizmus?” [How Eastern European Cold-War Fascism Found a Home in Canada], *Eszmélet* 132. (2021 tél): 38-48.

ANDREI SIDORCHIK, „Prigovorenniaia v SSSR”. *Kak pogibshuiu v Osventsime vydaiut za zhertvu GULAGa* [Sentenced in the USSR. How the Deceased in Auschwitz is Passed off as a Victim of the Gulag]

https://aif.ru/society/people/prigovorennaya_v_sssr_kak_pogibshuyu_v_osvencime_vydaiut_za_zhertvu_gulaga (Accessed 28.02.2021).

ALEKSANDR SOLZHENITSYN, *Az „orosz kérdés” a XX. század végén* [„The Russian Question” at the End of the Twentieth Century] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1997).

KLAUS WIEGREFE, *NATO's Eastward Expansion: Is Vladimir Putin Right?*

<https://www.spiegel.de/international/world/nato-s-eastward-expansion-is-vladimir-putin-right-a-bf318d2c-7aeb-4b59-8d5f-1d8c94e1964d>

V. N. ZEMSKOV, *O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR. Skvoz' debri spekulatsii, izvrashchenii i mistifikatsii* [On the Scale of Political Repressions in the USSR: Through the Wilds of Speculation, Perversion and Hoaxes] <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783> (Accessed 21.03.2021).

V. NY. ZEMSKOV, *A Gulag – Tényekben, adatokban* [The Gulag – In Facts and Figures] (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991).

ДЮЛА СВАК

«ЗВЕЗДНЫЕ МОМЕНТЫ» ВЕНГЕРСКОЙ РУСОФОБИИ¹

“KEY MOMENTS” IN HUNGARIAN RUSSOPHOBIA

No summary or monographical treatment exists of Hungarian Russophobia, nor even of the picture Hungarians have of the Russians in general. In providing glimpses, with the help of illustrations, of a few of the key moments in the history of Russophobia in Hungary, this article urges the continuation of research into this area and the writing of an overview of it. The first “moment” featured in the article is the 1581 Siege of Pskov, conducted under the leadership of István Báthory, and the final date is 2017, but the story could be carried forward up to the present day. Through analysis of the particulars, this study attempts to distinguish in every case between Russophobia *par excellence* and the anti-Russian stereotypes of the Middle Ages, and between censure directed not at the entire Russian people, but at the autocratic regime, and based not on xenophobia, but on criticism of the system.

Keywords: Hungarian Russophobia, anti-Russian stereotypes, Sovietophobia, xenophobia, antisemitism, criticism of the system

Gyula Szvák – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.). Email: centre@russianstudies.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the ‘Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia’ conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: GYULA SZVÁK, “«Zvezdnye momenty» vengerskoi rusofobii” [“Key Moments” in Hungarian Russophobia], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 151–168. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.19

Пока еще нет обобщающих работ и монографий о венгерской русофобии² и в целом об образе России среди венгров. Правда, написано несколько статей по отдельным аспектам этой проблематики,³ а мои докторанты приступили к ее систематическому изучению. Но все же эта тематика большей частью не разработана и у нас нет ее целостного видения. Ниже я, призвав на помощь визуальную репрезентацию, кратко покажу некоторые ключевые моменты истории русофобии в Венгрии и тем самым еще раз обращаю внимание на необходимость продолжения исследований и подготовки обобщающей работы.

1581

Эта дата указывает на поход польского короля Стефана Батория и осаду его войском Пскова, память о которой запечатлел великий национальный польский живописец Ян Матейко. Продолжая практику распространения летучих листов, расплотившихся в Европе во время Ливонской войны,⁴ Баторий вел очень широкую и успешную кампанию по дискредитации русского царя Ивана IV,⁵ в рамках которой живописалась не только зверская жестокость самого царя, но и варварское поведение его предков. Тем самым король, несомненно, раздувал антирусские настроения. В первую очередь при европейских дворах и в среде поляков. Однако поскольку в его войске служило и много венгров, можно с полным правом предположить, что такой аттитюд оказал влияние и на восприятие русских венграми. Кстати сказать, рус-

2 Рамки интерпретации понятия «русофобия» даны мной в работе: SZVÁK GYULA, „Bevezetés a ruszofóbiába, in: GYULA SZVÁK, „Mi, moszkoviták”. Publicisztikák Oroszországról (Budapest: Gondolat Kiadó, 2020), 59–60.

3 См.: Д. СВАК, «К вопросу о генезисе русофобии», в *Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе. Материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 19–20 мая 2008 г.* / *State and Nation in Russia and Central-East-Europe: materials of international historical conference at the Centre for Russian Studies in Budapest*, Ruszisztikai Könyvek XXII, ed. ZSUZSANNA GYIMESI, GYULA SZVÁK (Budapest: Russica Pannonicana, 2009), 21–29.

4 По мнению Александра Филюшкина, Европа именно тогда отделила от себя Россию. См.: ALEXANDER Filyushkin, „Livonian War in the Context of the European Wars of the 16th Century: Conquest, Borders, Geopolitics”, *Russian History* 43, no. 1 (2016): 1–21. <https://doi.org/10.1163/18763316-04301004>

5 LAJOS SZÁDECZKY-KARDOS, „Báthory István hadjáratai az oroszok ellen”, *Hadtörténelmi Közlemények*, no. 1 (1888): 46, http://epa.oszk.hu/00000/00018/00038/pdf/EPA00018_hadtortenelmi_1888_032-046.pdf (дата обращения: 28.01.2021).

ский царь в характерном для него непосредственном стиле стремился не оставаться в долгу,⁶ что давало польскому королю новые возможности представить своего оппонента неполноценным, кровожадным правителем.⁷

1602–1603

В XVI–XVII вв. в России уже побывало в различных качествах достаточно много иностранцев, очень многие из которых, вернувшись домой, запечатлели свои дорожные впечатления.⁸ Первым из венгров это сделал Стефан Какаш Заланкемени, который как опытный дипломат был послан императором Рудольфом II в Персию. Сам императорский посол не пережил тягот обратного пути, но передал свои записи своему секретарю Георгу Тектандеру. Таким образом опубликованное позже (впервые – в 1609 г.) произведение под названием *Iter Persicum* в действительности может считаться их совместным творением. Во время своего пребывания в России они находились в более или менее полной изоляции от русских, поэтому составленное ими описание содержит крайне мало достоверных сведений, однако точно соответствует пренебрежительному отношению большинства западных путешественников раннего Нового времени к русским: «А между тем они такие сластолюбцы, безбожники, обманщики и лжецы, что нельзя и описать, в чем мы достаточно убедились, прожив среди них полгода. На мой взгляд, едва ли найдется где, в свете, другая страна, где бы господствовал такой разврат и бесстыдство».⁹ Нельзя однозначно утверждать, что это произведение обеспечило духовный багаж для венгерских русофобов более позднего времени, но основной тон, несомненно, был задан им.

6 «Послание Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию 1581 года», <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9121> (дата обращения: 28.01.2021).

7 А. Бачинский, К. Ерусалимский, Н. Кочетковская, М. Моисеев, «Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования», http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bachinskiy_Erysalimskiy_Kochetkovskaya_Moiseev.pdf, 116 (дата обращения: 28.01.2021).

8 Подробно об этом см.: KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV-XVI. században* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2002).

9 Г. ТЕКТАНДЕР, *Путешествие в Персию через Московию*, <https://www.vostlit.info/Texts/rus11/Tektander/frametext.htm> (дата обращения: 28.01.2021).

1832–1836

Пожоньское государственное собрание эпохи реформ занимает особое место в истории венгерской русофобии, точнее говоря, в процессе изменения образа русских в Венгрии в худшую сторону. Конечно, и в этом случае нужно сделать оговорку, ведь в действительности здесь идет речь только о части дворянского общественного мнения, которое к тому же, в первую очередь, было направлено против угрозы со стороны самодержавной царской власти.¹⁰ Однако к хору вызывающих симпатию выступлений, в которых под знаком традиционной польско-венгерской дружбы осуждалось подавление польского восстания 1830–31 г., примешивались и такие голоса: «В борьбе с грозной властью, простирающей самодержавный железный жезл над шестой частью известного нам мира, в отчаянной схватке гибнут тысячи людей за родину, но нет! не только за родину, а за свободу всей Европы, которой северный колосс грозит цепями, за торжество цивилизации, которую обрекает на дикость северное варварство...»¹¹. Это, например, слова Лайоша Кошута, которые прозвучали в 1831 г. на предшествовавшем государственному собранию земпленском комитатском собрании и которые хорошо иллюстрируют, как справедливый протест против самодержавия может риторически, почти незаметно превратиться в русофобию. Однако для полноты картины нужно отметить и то, что либеральное дворянство волновали не польский вопрос и российская тирания сами по себе. В условиях цензуры его представители подменяли русским царем монарха из дома Габсбургов.

1848–1849

До 1849 г. русофобия была в Венгрии самое большее «интеллигентской», барской забавой. Хотя в 1848 г. в тени угрозы со стороны России она уже хорошо чувствовалась на уровне летучих плакатов.¹² Пода-

10 SZABOLCS SUNAJDA, *A cári intervenció az 1830–31-es lengyel felkelésben és az intervenció magyarországi vonatkozásai*. Магистерская дипломная работа, (Budapest: ELTE, 2013).

11 *Kossuth Lajos összes munkái VI* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966), 223.

12 На рисунке Яноша Видеки младшего видна надпись: «В ответ тем, кто скорее хочет наслаждаться русским счастьем». На рисунке изображены министры-казнокрады, изнемогающие под тяжестью налогов крестьяне, телесные наказания и сибирская ссылка. (GYÖRGY RÓZSA, „Negyvennyolcas karikatúrák”, <http://acta>.

вление революции закономер-но открыло русофобии широкую дорогу в венгерское общество и стало поворотным пунктом в истории венгерско-российских отношений. В своей книге, опубликованной в 1884 г. Лайош Таллоци так писал об этом: «Сражения 1849 года стали той границей, у которой венгры увидели, что их жизненные интересы противоречат устремлениям Москвы».¹³ Вся эта история насыщена мифами и контрмерами. Достаточно сослаться на мастерски сфальсифицированную фигуру и роль никогда не существовавшего капитана Гусева.¹⁴ В общественном дискурсе того времени, конечно, доминировали антирусские настроения, гримаса истории, когда в дни агонии подавленной революции в крайнюю корону династии Романовых.¹⁵ В конце концов, крайне неожиданный шаг, который вошел в национальную память, но тем не менее имеет смысл в ходе событий тех драматических лет.

bibl.u-szeged.hu/40503/1/aetas_1992_001_002_211-224.pdf, 212–213. (дата обращения: 06.04.2022).

13 LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk* (Budapest: Athenaeum R. Társulat, 1884), 2.

14. Одна из работ, посвященная выдуманной истории капитана Гусева и ее дальнейшей судьбе: BOLDIZSÁR VÖRÖS, „Egy történelmi mítosz a «szovjet-magyar barátság» propagandájában. A soha nem létezett Guszev kapitány és társainak ábrázolásai az 1940–1980-as években”, <http://real.mtak.hu/9886/1/80-08%20V%3B6r%3B6s%20Bolf-izs%3CA1r.pdf> (дата обращения: 28.01.2021).

15 ENDRE KOVÁCS (főszerk.), *Magyarország története tíz kötetben, 1848-1890* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979), 426.

16 RÓBERT HERMANN, „Egy elszalasztott lehetőség”, <https://epa.oszk.hu/00000/00018/00017/08hermann.htm>, 457. (дата обращения: 28.01.2021).

1877–1878

После 1849 г. роль России в подавлении революции относительно быстро релятивизировалась из-за диктатуры Гайнау и укрепления абсолютизма в Венгрии. Это хорошо видно в том числе и на примере изменения мнения Мора Йокаи, который от русофобии, подогреваемой справедливыми эмоциями 1849 г., в течение нескольких десятилетий дошел до образцово взвешенных взглядов: «Нас отталкивает русская дипломатия, потому что она представляет жесткий абсолютизм; мы осуждаем в ней не русское, а абсолютизм, противоречащий нашим принципам, от какой нации он бы ни исходил».¹⁷ Однако со времени Крымской войны все отчетливее артикулировались балканские интересы Габсбургской монархии, которым, как считали руководители теперь уже общей австро-венгерской внешней политики, угрожала серьезная опасность в результате новой русско-турецкой войны. Распространились мнения об угрозе панславизма, которые подобно подземному ручейку время от времени пробивались на поверхность еще в эпоху реформ¹⁸, в значительной степени влияя как на официальный,

17 ZSUZSA ZÖLDHELYI, *Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században*, 827, <http://mek.niif.hu/04900/04937/pdf/orosz2.pdf> (дата обращения: 28.01.2021).

18 Наиболее явно они проявились в не свободном от русофобии (ср.: «привыкшее к рабству и в большинстве своем глупое население России») произведении Миклоша Вешелени: MIKLÓS WESSELÉNYI, *Szózat a magyar és szláv nemzetiség ügyében*, 138., https://books.google.hu/books?id=SF9IAAAAYAAJ&pg=PR5&hl=hu&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 28.01.2021)

так и общественный дискурс в стране, оказавшейся в тисках экспансионистских амбиций на Балканах, с одной стороны, и освободительных стремлений отечественных национальных меньшинств – с другой. Такую же роль сыграли и стереотипы, касающиеся «нигилистов», которые были восприняты посредством все более активной рецепции в Венгрии классиков русской литературы.¹⁹ С выдвиганием на передний план роли прессы эти взгляды широко распространились и, по свидетельству газетных карикатур того времени, несли в себе мощные месседжи.²⁰ Так русско-турецкая война стала периодом венгерской русофобии невиданной ранее силы и резкости.

1914–1917

С началом Первой мировой войны Австро-Венгрия и Россия оказались по разные стороны фронта. Официальная пропаганда, следуя ранее сложившимся рефлексам, была склонна представлять это противостояние как борьбу двух цивилизаций, отводя России роль «главного виновника» войны²¹. При этом под влиянием чрезмерного ура-патриотизма она отзывалась о русских с крайним пренебрежением, изображая их «московитами», которых венгры скоро выкинут из Карпатского бассейна.²² Однако

19 ÁGNES SZÉCHENYI, „Az orosz (b)irodalom recepciója Magyarországon (1825-1945)”, in *Az orosz birodalom születései. Magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. TÍBOR FRANK (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 348.

20 *Ústőkös*, 1878. See: GÁBOR KECSKEMÉTI, „An Introduction into the Hungarian Russophobia in the 19th Century – Stereotypes, the Image of Russia, and the Russian-Hungarian Connections”, in *Образы России с XVII по XXI вв.* глав. ред. Д. Свак, ред. А. В. Голубев, Ж. Димеши (Budapest: Russica Pannonica, 2013).

21 Eszter BALÁZS, „«Szinte csodás krízis». A februári orosz forradalom értelmiségi fogadtatása Magyarországon 1917-ben”, 445., https://epa.oszk.hu/00600/00617/00011/pdf/EPA00617_tortenelmi_szemle_2018_03_443-458.pdf (дата обращения: 28.01.2021).

22 *Borsszem Jankó*, 1914. október 11.

февральские события 1917 г. привели к неожиданному повороту в оценке русских, поскольку внезапно блеснула надежда на то, что с победой революции Россия выйдет из войны. Большие надежды на это возлагались даже в консервативном лагере: «Быть может, революция с кровавым лицом, разгуливающая по улицам Петрограда, является первым вестником мира для Европы и для всего мира».²³ В этом смысле настроение венгерского общественного мнения не изменилось и после октябрьской революции. Даже на страницах сатирических журналов большевистская революция преподносилась обществу не в виде жуткого призрака, а в перспективе ожидаемого и достигнутого сепаратного мира. Каламбуры вроде «Ленин или не Ленин, вот в чем вопрос»²⁴ как раз и выражали надежду на возможность мира, порожденную октябрьской революцией.²⁵

1941–43

Нападение Венгрии на СССР в 1941 г. не было автоматическим продолжением венгерской политики, проводившейся между двумя мировыми войнами. Хотя «благодаря» Венгерской советской республике 1919 г. эта политика строилась на прочном антикоммунистическом и, следовательно, антисоветском идеологическом фундаменте, который хорошо характеризовался, например, словами Тибора Экхардта, назвавшего подготовленный договор об установлении дипломатических отношений между Венгрией и СССР соглашением с правительством «палачей, изуверов и международных злодеев».²⁶ Однако разочарование и изоляция, вызванные несправедливыми парижскими мирными договорами, и подпитываемое ими желание реванша привели к ограниченному сотрудничеству между двумя странами,²⁷ что породило неожиданные,

23 BALÁZS, „Szinte csodás krízis”, 446. (дата обращения: 28.01.2021).

24 Игра слов, основанная на том, что известная фраза «Быть или не быть» в венгерском переводе звучит как «Lenni vagy nem lenni». Ср.: «Lenin, vagy nem Lenin».

25 ÁGNES TAMÁS, „Az 1917. évi oroszországi események karikatúrák tükrében”, <http://real.mtak.hu/92236/1/Tamas.pdf> 493. (дата обращения: 28.01.2021).

26 Цитируется по: JUDIT HAMMERSTEIN, *Oroszország magyar szemmel. Magyar írók Oroszország / Szovjetunió - tapasztalata az 1920-30-as években megjelent útirajzok tükrében*, http://realphd.mtak.hu/902/1/Hammerstein_Judit_Doktori_watermark.pdf, 44. (дата обращения: 28.01.2021).

27 Подробно см.: ATTILA SERES, *Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok. 1920-1941* (Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 2010); ATTILA KOLONTÁR, *Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok. 1920-1940* (Budapest: Napvilág Kiadó, 2009).

замечательные плоды, о которых пишет Юдит Хаммерштейн: «Данные Национальной библиотеки им. Сечени свидетельствуют о популярности русских авторов. Согласно журналу выдачи книг на дом от 1934 г., среди иностранных авторов наиболее часто выдававшихся на дом книг на первом месте находился Толстой, на втором – Достоевский».²⁸

Смотря на последующие события с этих культурных высот, кажется еще более ужасным то, что творили на территории СССР венгерские оккупационные и выполнявшие полицейские функции отряды, выступавшие в 1942 и 1943 гг. в качестве вспомогательных сил германской армии. За этот долгое время стыдливо замалчивавшийся, а позже сознательно недооцененный, геноцид по сей день не принесены официальные, государственные извинения. Историческая память окружила его благодетельным мраком, чему способствуют и представители магистрального направления исторической науки.²⁹

1944/45

Позорнейшее преступление режима Хорти – пособничество в осуществлении Холокоста, в результате которого сотни тысяч венгерских граждан были отправлены в лагеря смерти. Почва для этого была подготовлена массивным и все более радикальным антисемитизмом режима, который хорошо документируется даже одними законами о евреях.

Венгрия пока еще не извинилась за это перед своими лишенными всех прав и посланными на смерть гражданами.

28 HAMMERSTEIN, *Oroszország magyar szemmel*, 61. (дата обращения: 28.01.2021).

29 TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947 (Венгерские оккупационные войска в Советском Союзе. Архивные документы 1941–1947 гг.)* (Budapest: L'Harmattan, 2013), 47–65.; KRAUSZ TAMÁS, «Почему не любят советские архивные документы? Участие венгерских оккупационных сил в нацистском геноциде на территории СССР», https://russianstudies.hu/docs/tk_%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A8%2%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%A3%D0%A1%20%D0%9F%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83%20%D0%BD%D0%B5%20%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D1%8F%D1%82%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B,%202020.pdf#toolbar=0&navpanes=0&statusbar=0 (дата обращения: 28.01.2021); FERENC GÉMESI (szerk.), *A magyar megszállás – vajdúd nemzeti önismeret. Válasz a kritikákra* (Budapest: Russica Pannonicana, 2013).

Официальный антисемитизм режима Хорти благополучно соседствовал с антисоветской направленностью, которая только усилилась при правительстве Салаши. В пропаганде «коммунизм» связывался одновременно и с Советским Союзом, и с «евреями», вследствие чего

новой русофобией стала советофобия, а «русский» превратился во второго после «еврея» врага общества. А уж в пропаганде ненависти между ними вообще не делалось различия, как это видно и на прилагаемой иллюстрации.

Однако 1945 г. известен не только массовыми расстрелами евреев на Дунае, но и штурмом Будапешта, который переживался всеми как освобождение от войны, хотя кто-то видел в советском («русском») солдате освободителя, а кто-то – насильника. Тем самым у первых усиливалась симпатия, а у вторых – русофобия. Как писал Шандор Марай, «венгерское буржуазное общество как будто ожидало, что русские появятся в образе каких-то беспощадных inferнальных архангелов с огненными мечами, испуская запах серы, и истребят целый мир. Русские пришли, и среди них попадались всякие люди – жестокие, дружелюбные, жадные, милосердные, гуманные и т. д. Вот только об архангеле с огненным мечом речи не было».³⁰

1956

Таким образом, после 1945 г. в Венгрии сложился двойственный образ русских: в определенных кругах населения, часто даже среди тех, кто ранее выделялся своими антисоветскими настроениями, несомненно, наблюдались своего рода симпатия и определенные ожидания в связи с СССР, в то время у других под влиянием связанных с оккупацией насилий усилились антирусские чувства.³¹ А между тем партия и правительство сделали все возможное для того, чтобы изменить это амби-

30 SÁNDOR MÁRAI, *Napló 1945-1957* (Budapest: Akadémiai Kiadó, Helikon Kiadó, 1990), 16.

31 MAGDOLNA BARÁTH, *A Kreml árnyékában* (Budapest: Gondolat Kiadói Kör Kft., 2014), 50–51.

валентное отношение в пользу Советского Союза. Например, возникшее отчасти по общественной инициативе Общество венгеро-советской (культуры, а позже – дружбы), которое было создано в том числе именно для улучшения имиджа Советского Сою-

за, в течение всего рассматриваемого периода находилось под перекрестным огнем критики со стороны партийного руководства, так как не смогло успешно выполнить эту задачу.³² Конечная причина этого заключалась в том, что она была просто невыполнима, поскольку задача формирования нового образа СССР не пользовалось необходимой общественной поддержкой.³³

Таким образом, советофобия 1956 г. имела достаточную питательную среду. Резко антисоветские настроения стали результатом не только советского вооруженного вмешательства и последующего вторжения, но и более длительного процесса, который может рассматриваться как реакция на насильственную советизацию. 12 октября 1956 г. Эрнё Герё обобщил для посла Андропова главные причины антисоветских настроений значительных слоев венгерского общества. По его мнению, наиболее эффективно мобилизуемыми элементами «враждебной» пропаганды являются присутствие советских войск и невыгодная для Венгрии внешняя торговля, а также следование примеру Китая и Югославии в противовес Советскому Союзу, где была прервана ликвидация культа личности.³⁴

32 ÁDÁM FARKAS, „Soviet Propaganda and Culture in Hungary after 1945. Microhistorical Approaches”, in *Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация / Russia and Hungary in World Culture: the Source and its Interpretation*, ch. ed. GYULA SZVÁK (Budapest: Russica Pannonica, 2020), 201-202.

33 Надпись на площади Калвин в 1956.

34 „Andropov jelentése: „Gerő elvtárs meglehetősen ideges és bizonytalan”, in *Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB Levéltárából*, szerk. VJACSESLAV SZEREDA, ALEKSZANDR SZTIKALIN (Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1993), 85, 86-87. Выражаю благодарность Магдольне Барат, обратившей мое внимание на этот документ.

1990

Указанный год стал лишь кульминацией воскресшей венгерской русофобии, дело в том, что после того, как Горбачев выпустил джинна из бутылки и «отпустил на волю» Центральную и Восточную Европу, события последовали друг за другом с быстротой цепной реакции. Все они указывали в одну сторону, в направлении Запада, и были нацелены на освобождение от «Востока».

В этом процессе одним из самых сильных мобилизующих требований, которое было включено в предвыборные кампании практически всех без исключения новых венгерских партий, было требование вывода советских войск. Наиболее эффективно им воспользовалась победившая на выборах партия «Венгерский демократический форум», которая была обязана своим успехом, помимо всего прочего, получившему сомнительную известность плакату Иштвана Ороса *Товарищи, конец!*. Поскольку эта графика хорошо иллюстрирует то, как любое справедливое выступление против советского режима может почти незаметно принять русофобский характер, она заслуживает того, чтобы ненадолго остановиться на ней, так как демонстрирует все проблемы этого исторического феномена.

Итак, перед нами жирный, грузный затылок советского офицера. Рядом – надпись: «Товарищи, конец!». Конечно, на русском языке, который тогда еще все понимали. Например, понимали, что слово «конец» могло означать не только финал советских фильмов, но и гораздо более мрачные концы. Подобно немецкому слову «капут». А изображение затылка, которое к тому же было снабжено военными реквизитами и для особо непонятливых однозначно пояснено словом «конец», явно фигурировало не в качестве символа христианского всепрощения, а скорее апеллировало к самым низменным инстинктам.

Автор этого плаката, известный художник, конечно, видел все это иначе.³⁵ Это в своем роде действительно виртуозное произведение искусства кого-то вдохновило, кого-то заставило ужаснуться.³⁶ И, быть может, нашлись и такие, кого оно подстрекало к ненависти.

2006

Этому году не следовало бы стать годом венгерской русофобии. Все началось очень хорошо. В начале года Владимир Путин посетил Венгрию, вернул на родину книги из шарошпатакской библиотеки, был подписан договор о «Южном потоке», российская дипломатия рассчитывала на Венгрию как на партнера.³⁷ Правда, с венгерской стороны все это коммуницировалось достаточно сдержанно. Венгерские СМИ, традиционно придерживающиеся атлантизма, так же не испытывали особого восторга. Однако в целом двусторонние связи казались сбалансированными.

Какой же общественной поддержкой пользовалось такое положение вещей? В виде исключения в этом отношении мы также располагаем источниками, в том числе и заказанным Центром русистики Будапештского университета им. Лоранда Ӓтвѣша репрезентативным опросом общественного мнения, который был проведен ЗАО «TÁRKI» осенью 2006 г. И хотя 56% респондентов считали русских народом, оказавшим наиболее отрицательное влияние на венгерскую историю, в канун 50-летней годовщины революции 1956 г. это отнюдь не могло считаться нео-

35 «Исповедь» художника см.: <http://utisz-utisz.blogspot.com/2009/06/husz-eves-plakat.html> (дата обращения: 28.01.2021).

36 <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisi-konyec> (дата обращения: 28.01.2021).

37 Д. Свак, «Эпоха Путина и Венгрия», *Стратегия России*, no. 1 (2009): 73–86.

жиданностью. Гораздо большей неожиданностью стало то, что около двух третей венгров поддерживало развитие венгерско-российских экономических связей и почти столько же – развитие культурных и научных контактов. Респонденты положительно отнеслись и к возможности альтернативного преподавания русского языка.³⁸

Однако вечером и ночью 26 октября 2006 г. при до сих пор не выясненных и засекреченных обстоятельствах радикально настроенная группа демонстрантов,³⁹ подобно радикалам, штурмовавшим Капитолий в начале 2021 г., атаковала и заняла здание государственного телевидения. И поскольку от здания телевидения буквально рукой подать до памятника павшим советским героям, последний тоже не избежал нападения и надругательства.⁴⁰ Это послужило еще одной иллюстрацией того, как названные мирными демонстрации могут становиться заложниками разнузданного сброда, и как из них произрастает русофобия.

2017

К 2017 г. политика элит в отношении России претерпела коренные изменения. Точнее, две противостоящие друг другу группировки полностью поменялись местами. В то время как, находясь в оппозиции, нынешние правящие силы были радикальными критиками политики правительства Дюрчания в отношении России, после 2010 г. они провозгласили политику «Открытости на Восток», которая с течением времени многократно превзошла по интенсивности курс, которому следовали «левые» правительства. В свою очередь, отдельные группки политических сил, стоящих на противоположном фланге, с того же времени стали строить свои предвыборные кампании на русофобии, и постепенно это было перенято у них всей оппозицией.⁴¹ И, хотя они остерегались русофобского словоупотребления, введя в оборот и наполнив содержанием понятие «венгеропутинизма», они в итоге превратили

38 GYULA SZVÁK (szerk.), *A magyarok orosz-képe (2006–2016)* (Budapest, Russica Pannonica-na, 2017), 8–10.

39 В своей книге Пал Даниель Рени пишет о том, что были «задействованы» футбольные ультра «Ференцвароша» и «Уйпешта». См.: PÁL DÁNIEL RÉNYI, *Győzelmi kényszer. Futball és hatalom Orbán világában* (Budapest: Magyar Jeti Zrt., 2021), 291–296.

40 <https://mult-kor.hu/cikk.php?id=14858> (дата обращения: 28.01.2021).

41 Ср. с интервью Дюрчания в журнале *Magyar Narancs* по случаю десятой годовщины событий 2006 г.: <https://magyarnarancs.hu/belpol/a-fidesznek-erdemi-szerepe-volt-a-zavargasok-elokesziteseben-100808> (дата обращения: 28.01.2021).

внешние связи во внутриполитический вопрос.⁴²

Однако, если считающим себя левыми партиям (а особенно их традиционному электорату) вовсе не идут антироссийские взгляды, то и люди, поддерживающие правое правительство, с таким же

непониманием относятся к смене ориентации. Вследствие этого проправительственные СМИ остерегаются использовать пророссийскую фразеологию и склонны замалчивать дружеские жесты, которыми обмениваются обе стороны. И в этом кроется трезвый расчет. Ведь, например, опрос общественного мнения об отношении к России, снова заказанный «TÁRKI» в 2016 г., свидетельствует об уменьшении общественной поддержки.⁴³

Во всяком случае в 2010-х гг. возникла курьезная с историко-политической точки зрения ситуация. Антирусские настроения, которые в венгерском политическом мышлении и общественном мнении присутствуют в паре с антикоммунизмом, генерируют демонстрации в лагере оппозиции, «левых» сил. А главное место на этих демонстрациях занимает известный по 1956 г. лозунг «Русские, домой!».⁴⁴

Итак, венгерская русофобия живет и процветает. Интересна траектория ее эволюции в Новое и Новейшее время, которая ведет от либералов первой половины XIX в. к либерализму нашего времени.

References

„Andropov jelentése: „Gerő elvtárs meglehetősen ideges és bizonytalan”” [„Andropov's report: „Comrade Gerő is quite nervous and insecure”], in *Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB Levéltárából*, szerk. VJACESZLAV SZEREDA, ALEKSZANDR SZTIKALIN (Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1993), 85, 86-87.

42 GYULA SZVÁK, „Baloldali ruszofóbia?”, *Népszabadság*, 2014.02.06.

43 GYULA SZVÁK, (szerk.), *A magyarok orosz-képe (2006–2016)* (Budapest: Russica Pannonica, 2017), 13.

44 *Index*, 02. 02. 2017.

A. BACHINSKII, K. ERUSALIMSKII, N. KOCHKOVSKAIA, M. MOISEEV, «Diplomaticeskaja perepiska Ivana Groznogo: problemy avtorstva, khraneniia i bytovaniia» [The Diplomatic Correspondence of Ivan the Terrible: Problems of Authorship, Storage and Existence], http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bachinskiy_Erysalimskiy_Kochetkovskaya_Moiseev.pdf, 116. (Accessed 28.01.2021).

ESZTER BALÁZS, „Szinthe csodás krízis». A februári orosz forradalom értelmiségi fogadtatása Magyarországon 1917-ben” [“Almost a Wonderful Crisis”. Intellectual Reception of the Russian Revolution in February in Hungary in 1917], 445. https://epa.oszk.hu/00600/00617/00011/pdf/EPA00617_tortenelmi_szemle_2018_03_443-458.pdf (Accessed 28.01.2021).

MAGDOLNA BARÁTH, *A Kreml árnyékában* [In the Shadow of the Kremlin] (Budapest: Gondolat Kiadói Kör Kft., 2014), 50–51.

Borsszem Jankó [Jankó Peppercorn], 1914. október 11.

ÁDÁM FARKAS, „Ismeretek a Szovjetunióról. Egy 1977-es közvéleménykutatás tanulságai” [Knowledge About the Soviet Union. Lessons From a 1977 Public Opinion Poll], in *Apologia Historiographiae. Az orosz történelem évszázadai* (Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2023), 473–486.

ÁDÁM FARKAS, “Soviet Propaganda and Culture in Hungary after 1945: Microhistorical Approaches”, in *Rosszia i Vengriia v mirovoi kul'ture: istochnik i ego interpretatsiia/Russia and Hungary in World Culture: the Source and its Interpretation*, ch. ed. GYULA SZVÁK (Budapest: Russica Pannonicana, 2020), 201–202.

„A Fidesznek érdemi szerepe volt a zavargások előkészítésében” [Fidesz Had a Substantive Role in Preparing the Riot], <https://magyarnarancs.hu/belpol/a-fidesznek-erdemi-szerepe-volt-a-zavargasok-elokesziteseben-100808> (Accessed 28.01.2021).

ALEXANDER FILYUSHKIN, “The Livonian War in the Context of the European Wars of the 16th Century: Conquest, Borders, Geopolitics”, *Russian History* 43, no. 1 (2016): 1–21. <https://doi.org/10.1163/18763316-04301004>

FERENC GÉMESI (szerk.), *A magyar megszállás – vajúdjó nemzeti önismeret. Válasz a kritikákra* [The Hungarian Occupation – The Painful Emergence of National Self-Awareness: A Response to Criticism] (Budapest: Russica Pannonicana, 2013).

JUDIT HAMMERSTEIN, *Oroszország magyar szemmel. Magyar írók Oroszország / Szovjetunió – tapasztalata az 1920–30-as években megjelent útirajzok tükrében* [Russia through Hungarian Eyes: The Experience of Hungarian writers in Russia / Soviet Union in the Light of Travelogues Published in the 1920s and 1930s], http://realphd.mtak.hu/902/1/Hammerstein_Judit_Doktori_watermark.pdf, 44. (Accessed 28.01.2021).

RÓBERT HERMANN, „Egy elszalasztott lehetőség” [A Missed Opportunity], <https://epa.oszk.hu/00000/00018/00017/08hermann.htm>, 457. (Accessed 28.01.2021).

„A húsz éves plakát,” [The Twenty-Year-Old Poster], <http://utisz-utisz.blogspot.com/2009/06/husz-eves-plakat.html> (Accessed 28.01.2021).

GÉZA KECSKEMÉTHY, „Tovarisí konyec” [Comrades, It's Over], *Beszélő* 3, no. 26 (1991), <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisí-konyec> (Accessed 28.01.2021).

GÁBOR KECSKEMÉTI, “An Introduction to Hungarian Russophobia in the 19th Century – Stereotypes, the Image of Russia, and Russian-Hungarian Connections”, in *Obrazy Rossii s XVII po XXI vv.*, glav. red. D. SVAK, red. A. V. GOLUBEV, ZH. DIMESHI (Budapest: Russica Pannonicana, 2013), 46–60.

ATTILA KOLONTÁR, *Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok. 1920–1940* [Hungarian–Soviet Diplomatic and Political Relations. 1920–1940] (Budapest: Napvilág Kiadó, 2009).

ENDRE KOVÁCS (főszerk.), *Magyarország története tíz kötetben, 1848–1890* [A History of Hungary in Ten Volumes, 1848–1890] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979), 426.

Kossuth Lajos összes munkái VI [The Complete Works of Lajos Kossuth: Vol. VI] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966), 223.

TAMÁS KRAUSZ, «Pochemu ne liubiat sovetskie arkhivnye dokumenty? Uchastie vengerskikh okkupatsionnykh sil v natsistkom genotside na territorii SSSR» [Why Do People Dislike Soviet Archival Documents? The Participation of the Hungarian Occupation Forces in the Nazi Genocide on the Territory of the USSR], https://russianstudies.hu/docs/tk_%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A8%20%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%A3%D0%A1%20%D0%9F%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83%20%D0%BD%D0%B5%20%D0%B%D1%8E%D0%B1%D1%8F%D1%82%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%D0%B%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B,%202020.pdf#toolbar=0&navpanes=0&statusbar=0 (Accessed 28.01.2021)

TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947* (Vengerskie okkupatsionnye voiska v Sovetskom Soiuze Arkhivnye dokumenty 1941–1947 gg.) [The Hungarian Occupying Forces in the Soviet Union: Archival Documents 1941–1947] (Budapest: L'Harmattan, 2013), 47–65.

SÁNDOR MÁRAI, *Napló 1945–1957* [Diary 1945–1957] (Budapest: Akadémiai Kiadó, Helikon Kiadó, 1990), 16.

„Megrongálták a Szabadság tér szovjet hősi emlékművét is” [The Soviet Heroic Monument in Liberty Square was Also Damaged], <https://mult-kor.hu/cikk.php?id=14858> (Accessed 28.01.2021).

«Poslanie Ivana Groznogo pol'skomu koroliu Stefanu Batoriu 1581 goda» [A Message from Ivan the Terrible to the Polish King Stephan Batory in 1581], <http://lib.pushkinskij-dom.ru/Default.aspx?tabid=9121> (Accessed 28.01.2021).

KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV-XVI. században* [The Image of Moscow in Europe in the 15th and 16th Centuries] (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2002).

PÁL DÁNIEL RÉNYI, *Győzelmi kényszer. Futball és hatalom Orbán világában* [Victory is a Compulsion: Football and Power in Orbán's World] (Budapest: Magyar Jeti Zrt., 2021), 291–296.

GYÖRGY RÓZSA, „Negyvennyolcas karikatúrák” [Satirical Prints from 1848], http://acta.bibl.u-szeged.hu/40503/1/aetas_1992_001_002_211-224.pdf, 212–213. (Accessed 06.04.2021).

ATTILA SERES, *Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok. 1920–1941* [Hungarian–Soviet Economic Relations: 1920–1941] (Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 2010)

SZABOLCS SUHAJDA, *A cári intervenció az 1830–31-es lengyel felkelésben és az intervenció magyarországi vonatkozásai* [Tsarist Intervention in the Polish Uprising of 1830–31 and Hungarian Aspects of the Intervention] Magisterskaia diplomnaia rabota (Budapest: ELTE, 2013).

D. SVAK, “Epokha Putina i Vengrii” [The Era of Putin and Hungary], *Strategiia Rossii*, no. 1 (2009): 73–86.

D. SVAK, «K voprosu o genezise rusofobii» [On the Question of the Genesis of Russophobia], v *Gosudarstvo i natsiia v Rossii i Tsenral'noi-vostochnoi Evrope. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii budapeshtskogo Tsentra Rusistiki ot 19–20 maia 2008 g.* / *State and Nation in Russia and Central-East-Europe: Materials from an International History Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, 19–20 May 2008* Ruszisz-

tkai Könyvek XXII, ed. ZSUZSANNA GYIMESI, GYULA SZVÁK (Budapest: Russica Pannonicana, 2009), 21–29.

LAJOS SZÁDECZKY-KARDOS, „Báthory István hadjáratai az oroszok ellen” [The Campaigns of Stephan Báthory against the Russians], *Hadtörténelmi Közlemények*, no. 1 (1888): 46, http://epa.oszk.hu/00000/00018/00038/pdf/EPA00018_hadtortenelmi_1888_032-046.pdf (Accessed 28.01.2021).

ÁGNES SZÉCHENYI, „Az orosz (b)irodalom recepciója Magyarországon (1825–1945)” [The Reception of Russian Literature/Empire in Hungary (1825–1945), in *Az orosz birodalom születése. Magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. TIBOR (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 348.

GYULA SZVÁK, „Baloldali ruszofóbia?” [Left-Wing Russophobia?], *Népszabadság*, 2014.02.06.

GYULA SZVÁK, „Bevezetés a ruszofóbiába” [An Introduction to Russophobia], in: GYULA SZVÁK, „Mi, moszkoviták”. *Publicisztikák Oroszországról* (Budapest: Gondolat Kiadó, 2020), 59–60.

GYULA SZVÁK (szerk.), *A magyarok orosz-képe (2006–2016)* [How the Hungarians See the Russians (2006–2016)] (Budapest: Russica Pannonicana, 2017), 8–10., 13.

ÁGNES TAMÁS, „Az 1917. évi oroszországi események karikatúrák tükrében” [The Events of 1917 in Russia in the Light of Political Cartoons], <http://real.mtak.hu/92236/1/Tamas.pdf> 493. (Accessed 28.01.2021).

G. TEKTANDER, *Puteshestvie v Persiiu cherez Moskoviiu* [Journey to Persia through Muscovy], <https://www.vostlit.info/Texts/rus11/Tektander/frameset.htm> (Accessed 28.01.2021).

LAJOS THALLÓCZY, *Oroszország és hazánk* [Russia and Our Hungarian Homeland] (Budapest: Athenaeum R. Társulat, 1884), 2.

BOLDIZSÁR VÖRÖS, „Egy történelmi mítosz a «szovjet–magyar barátság» propagandájában. A soha nem létezett Guszev kapitány és társainak ábrázolásai az 1940–1980-as években” [A Historical Myth in the Propaganda of «Soviet–Hungarian Friendship»: Depictions of the Non-Existent Captain Gusev and his Companions in the 1940s and 1980s], <http://real.mtak.hu/9886/1/80-08%20V%C3%B6r%C3%B6s%20Balfizs%C3%A1r.pdf> (Accessed 28.01.2021).

MIKLÓS WESSELÉNYI, *Szózat a magyar és szláv nemzetiség ügyében* [Oration on the Matter of the Hungarian and Slavic Nationalities], 138., https://books.google.hu/books?id=SF9IA-AAAYAAJ&pg=PR5&hl=hu&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed 28.01.2021).

ZSUZSA ZÖLDHELYI, *Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században* [Hungarian Reception of Russian Literature in the 19th Century], 827, <http://mek.niif.hu/04900/04937/pdf/orosz2.pdf> (Accessed 28.01.2021).

КЛАРА РАДНОТИ

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ РУСОФОБИЯ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО МОСКОВИИ¹

THE SO-CALLED RUSSOPHOBIA OF FOREIGN TRAVELERS TO MUSCOVY

When Muscovy appeared on the European political scene, she was greeted with general benevolence. Muscovy was considered a stronghold of Christianity, a natural ally not only against the Turkish menace, but also against the Protestant forces of Europe. It is true that travelers also mentioned national weak points such as drunkenness, but they did not attach much importance to it, considering it just an interesting feature. This has changed radically since the Livonian Wars. Since that time, the defender of the true faith turned into a heretic, Muscovy turned into a kingdom of barbarism and cruelty. The hostility of neighboring countries is well reflected in the pamphlets published in large numbers and informed Europe of an aggressive, cruel enemy. These pamphlets provided immediate information about the wars, but didn't care much about the authenticity of the news. The title of the Grand Duke of Moscow was mixed up with the title of Turkish sultan, in illustrations Russians were depicted as Turks and soon. Stereotypes used to describe Turks were also used against Russians. The harsh generalizations and platitudes in the pamphlets were widely distributed, while the competent, scholarly works were only accessible to a narrow circle, thus having a significantly smaller effect than leaflets displayed in large quantities. It was all in vain that some educated diplomat-authors wrote objectively and provided a more detailed picture of Muscovy closer to reality, the loud press suppressed their voices.

Keywords: travelers to Muscovy, reports of travelers, image of Muscovy, stereotypes, pamphlets of the Livonian Wars, influence of the press

Klára Radnóti – PhD in History, senior curator, Hungarian National Museum Department of Early Modern Period. Email: radnoti@hnm.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the 'Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia' conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: KLÁRA RADNÓTI, "Tak nazyvaemaia rusofobiia inostrannykh puteshestvennikov po Moskovii" [The So-Called Russophobia of Foreign Travelers to Muscovy], *Russian-StudiesHu* 5, no. 2 (2023): 169–181. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.20*

После освобождения от монгольского ига и объединения русских земель Московское государство вступало на международную арену почти одновременно с появлением на Востоке турок, а на Западе – «чумы лютеранского нечестия». В силу этого Западная Европа с большим интересом обратила тогда своё внимание на Московию. Сообщения путешественников (купцов, дипломатов и просто авантюристов) оказывали большое влияние на формирование общественного мнения. В Западной Европе XVI в. представления о России так же формировались под влиянием путевых впечатлений таких путешественников. Благодаря возникновению книгопечатанья информация о новых открытиях распространялась уже довольно быстро. Именно в этот период в печати появились первые трактаты, целиком посвящённые описанию Московского государства.

Среди них следует особо выделить три: произведения Павла Иовия², Иоганна Фабри³ и Альберта Кампенского⁴, созданные в середине 20-х гг. XVI в. В них с откровенной симпатией даётся описание нового государства, мало знакомого европейцам. На самом деле эти авторы писали о Московии то, что им хотелось бы видеть у себя дома. В то время, как власть императора Священной Римской империи была слаба и условна – германские князья и города часто не подчинялись ему, а сам император с большим трудом собирал налоги и войско – москвиты «тотчас спешат исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье». Великий князь «за короткое время может собрать двести или триста тысяч или иное огромное число (ратных людей), когда он намеревается вести войско против своих врагов ... Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа,

-
- 2 Paolo Giovio (1483–1552) – его работа была издана в Риме в 1525 г.: *Libellus de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificum maximum, in qua situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores et causae legationis fidelissime referuntur*
 - 3 Ioannes Faber (1478–1541) – его трактат о религии москвитов появился в 1526 г.: *Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, à D. Ioanne Fabri aedita Basileae, 1526.*
 - 4 Alberto Campense (1490–1542) – *Lettera d'Alberto Campense, che scrivo al beatissimo padre Clemente VII intorno alle cose di Moscovia e dello stato de Moscoviti et como quanta facilità si ridurrebbero alla ubedienza della Santa Chiesa Romana.* Письмо появилось в печати в 1543 г. в Венеции, хотя Альберто Кампензе написал его около 1523 г.

нежели умереть за своего государя»⁵ – пишет Йоганн Фабри, дипломат эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, учёный, убежденный католик, а с 1530 г. епископ венский. Когда же на Западе начинают распространяться различные направления Реформации, то Московия в заметках этих авторов рисуется примером набожности и религиозной чистоты. «Веруют во единого Бога, отличаются от нас только тем, что отвергают единство церкви... они, кажется, лучше нас следуют учению Евангельскому». «Москвитяне были бы гораздо праведнее нас если бы не препятствовал тому раскол наших церквей»,⁶ – писал в это же время Альберт Кампенский, теолог и астроном голландского происхождения. Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио – итальянский историк, врач, биограф и епископ Ломбардии) и Альберт Кампенский писали о том, что Василий III стремился получить королевский титул от цесаря Максимилиана⁷ и «он пожелал в деле религии соединиться с нами».⁸ В данном случае цель Кампенского и Павла Иовия состояла в том, чтобы доказать папе Клименту VII и образованной Европе как легко вовлечь Московию в орбиту католического влияния и показать какие выгоды вытекают из этого единства.⁹

В то время известия о московитах, а также о власти и богатстве русского государя, имели и политическую актуальность. Ведь с падением Константинополя турецкая экспансия создала новые геополитические условия на востоке Европы. В силу того, что побережье Италии находилось под постоянной угрозой со стороны Турции, побережье Атлантики стало исходным пунктом крупных географических открытий. Это привело к тому, что итальянские торговые города были вынуждены постепенно уступить туркам господство на Средиземном море. Изменение морских торговых путей нанесло серьёзный ущерб интересам североитальянских городов.

Для венгров и австрийцев сопротивление османам и объединение сил против турок так же стало вопросом жизни и смерти. И как глава

5 Йоганн ФАБРИ, „Религия московитов“, in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*. Сост. О. Ф. Кудрявцев (Москва: Русский мир, 1997), 177–178.

6 АЛЬБЕРТ КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*. сост. О. Ф. Кудрявцев (Москва: Русский мир, 1997), 107.

7 АЛЬБЕРТ КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», 109. и 86., PAULUS IOVIUS, „Elogia virorum illustrium“, in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*, 349 и 353.

8 КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», 97. и 102–110., ПАВЕЛ ИОВИЙ, «Книга о московитском посольстве», in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*, 257.

9 КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», 96–97., 107–108., ПАВЕЛ ИОВИЙ, «Книга о московитском посольстве» 257–289.

христианского мира Папа Римский должен был бы возглавить общую борьбу против врагов христианства.

Кратко резюмируя основные выводы трех вышеупомянутых трактатов, можно отметить, что по мнению их авторов Московия – страна богатая, с набожными, благожелательными жителями, с огромной и послушной армией, с подданными, лояльными правителю. Даже русский государь склонен признать верховенство Папы Римского, следовательно, Московия считалась авторами трактатов оплотом христианства (*Antemurale Christianitatis*) и естественным союзником не только против турецкой угрозы, но и против протестантских сил Европы.

Вот почему был нарисован образ идеализированной, безупречной с религиозной точки зрения, очень сильной в военном отношении страны, которой нужно лишь небольшое поощрение, чтобы она была готова подчиниться папской воле и повернуть свой меч против врагов христианства.

Следует однако отметить, что создатели этого положительного образа ни разу не посетили Московию. Так, Альберт Кампенский писал свою работу на основе рассказов отца и братьев, которые бывали в Московии по торговым делам. Йоганн Фабри получил свою информацию от посла Василия III к Карлу V в Испанию. Паоло Джовио опирался на рассказы Дмитрия Герасимова, посла Василия III к папе, и Павла Чентурионе, генуэзского купца и папского гонца в Москву. И, конечно, все трое хорошо знали труды своих предшественников: трактаты античных авторов и воспоминания предыдущих поколений путешественников. Однако образ Московии, который был создан Кампенским, Фабри и Джовио, был несколько перерисован авторами, имевшими личный опыт, т.е. побывавшими в Московии. Тем более, что и их произведения появились в печати примерно в это же время и значительно повлияли на европейское общественное мнение.¹⁰

Повсеместное распространение получила «Книга путешествия» Марко Поло (1254–1324), изданная в Италии в конце XV в. (между 1484–1490 гг.). В этой книге Марко Поло пишет, что жители России люди высокого роста, красивые по внешнему виду. Они христиане по греческому обряду. Очень простые и склонные к пьянству. Их страна обширна, а зима чрезвычайно холодна. У них лучший мех на свете.¹¹ Сделанное

10 см. подробнее KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században* (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2002), 11–39., 78–165., GYULA SZVÁK, *Mi az orosz? A magyarok (és mások) orosz-képéről*, (Budapest: Russica Pannonicana, 2016), 9–49.

11 Marco Polo *utazásai*. ford. ENDRE VAJDA (Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1984), 373–375.

им описание москвитов таким образом заложило основы стереотипов о Московии.

Другим автором-путешественником можно назвать Амброджо Контарини (1429–1499), который в качестве посла венецианской республики ездил к персидскому хану Узун Хассану в 1476 г. для заключения договора против турок. На обратном пути он попал в Москву и получил «информацию из первых рук». Хотя и он писал, что русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но, по его мнению, эти красивые люди очень грубы. «Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из мёда... государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что, если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери... У них есть свой папа, как глава церкви, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди... Местные обычаи были неприемлемы для моей натуры»¹², – резюмирует Контарини и этим объясняет, почему у него возникло сильное желание вернуться на родину.

«Они считают себя святее нас», – подтвердил мысли предшественников английский первооткрыватель Московии (1553) Ричард Ченслор (около 1521–1556)¹³, капитан, доехавший до Москвы в поисках торгового пути в Китай. Иезуит Антонио Поссевино (1533–1611), папский легат (посредник в мирных переговорах между Россией и Польшей, посол папы Григория XIII к Ивану IV в 1582 г.), так же писал о том, что «О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех»¹⁴. По мнению учёного Адама Олеария (1599–1671) москвиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями всех наций и религий, как-то с лютеранами, кальвинистами, армянами... что же касается римско-католиков, или папистов... они вместе с религией были как бы мерзостью в их глазах»¹⁵. Поссевино

12 Амброджо Контарини, «Путешествие в Персию», in Е. Ч. Скржинская, *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* (Ленинград: Наука, 1971), 228–230.

13 Ричард Ченслор, «Книга о великом и могущественном царе России», in *Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков*, ред. М. М. Сухман (Москва: Столица, 1991), 36.

14 Антонио Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.* (Москва: Издательство Московского Университета, 1983), 207.

15 Адам Олеарий, «Описание путешествия в Московию», in *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*, ред. Ю. А. Лимонов (Ленинград: Лениздат, 1986), 413.

считает, что русский правитель ритуально моет руки после приёма католических послов, показывая этим, что они «грязь», что неправославные люди достойны пренебрежения.¹⁶ По Мейербергу (1612–1688, посол императора Леопольда Габсбурга к Алексею Михайловичу в 1661 г.) русские горды и надменны, считают себя выше всех.¹⁷ Сопоставление типа «мы-они» казалось совершенно естественным с обеих сторон. Подобный приём, кстати, работает и по сей день. Несмотря на то, что в печати появились мнения, согласно которым «существует нечто общее, что роднит наших людей (...) с ними: я имею в виду простоту, воздержание, покорность, отвращение к богохульству», перечисляет Поссевино хорошие качества русских, но и он не признаёт этих варваров за европейцев, ведь «московиты произошли от смешения скифов с татарами».¹⁸

Действительно, по мнению русских церковных учёных, Москва стала наследницей Византии, а значит и Рима, благодаря её истинной вере и преданности Богу.¹⁹ На этом фоне с середины XV в. формировался культ исключительности, богоизбранности русского государя, государства, церкви и народа. Московиты – избранный народ, даже новый Израиль. Сам царь – защитник веры, непосредственный наместник Бога на земле, носитель истины и божественной справедливости. В этой идеологии любое выступление против власти расценивалось как выступление против Бога.²⁰

В этот период акценты смещаются. Путешественники уже часто критикуют российские обычаи. По Ричарду Ченслору русские во время службы в церквах гогочут и кланяются, как стадо гусей.²¹ По мнению Барберини россияне суеверно уважают иконы,²² а для протестантов это русское почитание икон – языческое идолопоклонство.²³

16 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 65–66 и 207.

17 В. Н. БОЧКАРЕВЪ, *Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современниковъ-иностранцевъ*, (С-Петербургъ: Энергія, 1914), 133.

18 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 35.

19 FILOFEJ szerzetes, „Levél a rossz napokról és órákról”, *Aetas* 10, no. 3 (1995): 127–136.

20 Н. В. СИНИЦЫНА, *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, (Москва: Индрик. 1998.)

21 ЧЕНСЛОР, «Книга о великом и могущественном царе России», 36.

22 РАФАЕЛ БАРБЕРИНИ, «Путешествие в Московію в 1565 году», in *Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках*. Перевод В. Любич-Романович, (Санктпетербург, 1843), 67.

23 Т. В. ЧЕРНИКОВА, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках* (Москва: Издательство «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2012), 238.

Эти замечания, хотя и критические, не являются враждебными. Каждый народ более или менее видит свою страну как центр мира, и считает себя более отличным от всех остальных. Это универсальное человеческое свойство. Взаимопонимание различных культур, точнее двух миров, очень трудное дело, ведь западные путешественники, с одной стороны, вообще относились к московскому иноверческому миру сдержанно, а, с другой стороны, предубеждение против незнакомцев – характерная черта русских. Но стереотипы о других народах встречаются в европейском общественном сознании той поры повсеместно. Например, можно вспомнить стереотипы, существование у англичан о венграх в начале XVII в. Так, например, венгерская земля описывается как очень плодородная, она изобилует зерном и скотом, а венгерское вино и вовсе отличное. В то же время венгерский крестьянин жесток, вероломен. Дворяне же любят красиво одеваться и любят своих лошадей, но при этом необразованы. Вообще венгры описываются как коварные, двуличные и вороватые люди.²⁴

Отношения между англичанами и французами также были враждебными на протяжении веков, что порождало взаимные стереотипы и предубеждения. Согласно английской присказке, есть два вида существ, которые населяют мир – люди и французы. По мнению французов Англия является естественным врагом Франции, а англичане – нация торгашей, жадная, хвастливая, несправедливая и злобная. Англия и Франция были соперниками во многих областях, что приводило к тому, что политики систематически разжигали ненависть народов друг к другу, укрепляя предрассудки низших классов в своих личных целях.²⁵

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что в те времена от людей не ожидалось понимания, терпимости, уважения к инаковости (другим народам, их привычкам и т.п.) как непреложной нормы. Кроме того, предрассудки по отношению к другим народам являются одними из самых устойчивых формирований в истории.

Иностранные авторы XVI в. довольно подробно изображают московское государство несмотря на то, что у них было маловато личного опыта, ведь русские не общались с иностранцами, которые в преде-

24 "A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard from London to Vienna, and thence to Constantinople", in *Angol és skót utazók a régi Magyarországon (1542–1737)*, Szerk. GYÖRGY GÖMÖRI (Budapest: Argumentum, 1994) 36–37.

25 PÉTER HANNER, „A „békaevő” franciák és a „perfid” angolok”, *História* IX, no. 1 (1987): 11–12.

лах Московии содержались «под почётным арестом».²⁶ Поэтому тексты иностранных авторов следует рассматривать со строгой критикой.

С течением времени образ Московии менялся. Однако сведения путешественников совпадали, когда речь заходила о власти московского государя. В образе Московии, нарисованном европейскими авторами, центральное место занимает государь всея Руси, царь и иерарх в одном лице. «Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья, и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей»²⁷, — информирует нас Герберштейн (1486–1566), «слуга четырёх королей», посол Габсбургского дома, автор энциклопедического труда о России. «Великий государь всё знает, всё может, всё в его власти», — пишет Паоло Кампани (1540–1592)²⁸, и «то, что относилось к почитанию Бога, он перенёс на прославление себя самого»²⁹, — замечает Поссевино.

Иностранные очевидцы наблюдали огромный авторитет, неограниченность власти русского монарха. «Властью, которую он имеет над своими подданными, — пишет Герберштейн о Василии III, — он далеко превосходит всех монархов целого мира»³⁰. В свою очередь Поссевино отмечает, что Иван IV «...хочет быть полным господином имущества, тела, души, а даже как бы мыслей подданных»³¹.

Авторы первых трактатов радовались появлению такого сильного государства на границе Европы, ведь они искали в нём союзника. Но позже выяснилось, что государь всея Руси не желает сочетаться с европейцами вечным союзом, а его самого нельзя привлечь под власть папы и обратить в католичество. Более того, интересы московского государя часто противоположны воле европейских монархов, а иногда и враждебны. И тогда с ним надо считаться, как с врагом. И в этом случае его огромная военная сила и власть уже внушали страх.

В те времена внешняя политика России имела две четко определённые цели. С одной стороны, Московское государство пыталось расширить свои границы на запад, именно поэтому Московия вела войны с польско-литовским и шведским государствами. С другой стороны,

26 Сигизмунд ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии* (Москва, Издательство Московского Университета, 1988), 207., Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.* 205. и 25., и КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», 106.

27 ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, 74.

28 «Московское посольство», in *Исторические сочинения о России XVI в.*, 207.

29 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.* 23.

30 ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, 72.

31 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 24.

Москва пыталась завербовать иностранных мастеров и ремесленников из-за рубежа, чтобы преодолеть свою техническую отсталость. Соседние государства опасались укрепления России, её экспансионистских стремлений, поэтому старались изолировать её всеми возможными средствами.

За период 1492–1591 гг. Московия трижды воевала со Швецией, семь раз с Литвой, завоевала в Поволжье земли Ногайского, Казанского и Астраханского ханств, воевала с крымскими татарами на Юге, разгромила ханства Кучума, начала покорение Западной Сибири, 25 лет боролась с Ливонией.³² Выяснилось, что Московия, поскольку её непосредственные интересы не диктовали антитурецкие действия, только обманула западные державы обещанием совместной войны с Турцией, а утверждение общей веры было просто удивительно ловким дипломатическим трюком со стороны российских правителей.

Когда Московия появилась на европейской политической арене, её приняли довольно благосклонно. Радикальные изменения образа России начинают происходить со времён Ливонских войн. С этого времени в общественном сознании защитница истинной веры превращается в еретика, Московия становится царством варварства и жестокости. Война сильно повлияла на суждение о русских. Точно так же, как ранее европейцы хвалили потенциального союзника, не боясь преувеличений, теперь европейцы с таким же усердием ругали Москву как врага, проецируя искажённую личность Ивана Грозного на весь русский народ. Антипатия соседних стран хорошо отражена в памфлетах, которые выходили в большом количестве и информировали Европу об агрессивном и жестоком противнике. Между 1561 и 1582 гг. в Нюрнберге, в самой крупной типографии на германской территории, было опубликовано около пятидесяти памфлетов о поступках Ивана Грозного, каждый из которых выдержал как минимум по два издания.³³

Авторы памфлетов, давая актуальную информацию о ходе военных действий, нисколько не стремились к достоверности сообщаемой информации. Так, например, титул великого князя Московского смешивался с титулом турецкого султана, а на иллюстрациях русских изображали турками (турецкие и московские памфлеты печатались ча-

32 ЧЕРНИКОВА, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках*, 257.

33 ANDREAS KAPPELER, "Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts", in MERTILD KELLER (Hg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 9. – 17. Jahrhundert* (München, 1985), 159.

стично в одних и тех же типографиях, например у Леонарда Гейсслера в Нюрнберге) и т.д. Стереотипы, использовавшиеся для описания турок, применялись и в отношении русских. Широко распространялись грубые обобщения и клише. Влияние памфлетов на общественное мнение было намного больше, чем влияние научных публикаций, которые были доступны лишь узкому кругу читателей.³⁴ Так, например, во время Ливонской войны армию Иштвана Батория (трансильванского князя, короля польского и великого князя литовского), сопровождала военно-полевая типография, где печатались актуальные сообщения о ходе военных действий. Сразу оценив пропагандистское влияние прессы, Баторий немедленно ввел цензуру, дабы сообщать сведения лишь в нужной ему интерпретации. Свежими новостями о военных событиях Баторий информировал не только образованную публику. В его типографии издавались листовки, предназначенные для более широкого круга читателей, и служившие целям королевской пропаганды. В них всячески превозносили короля и его военные успехи. В данном случае речь шла уже не о подлинности, а об эмоциональном и политическом воздействии на читателей.³⁵

В конечном счёте образ России в этих листовках может быть интерпретирован как отражение мировоззрения их авторов, а не как реалистические представления о России и русских. Во многих сочинениях чувствуется христианское жизнепонимание авторов: в этом смысле война – это наказание Бога за свои собственные грехи, значит русские появились в роли «бича Божия», как ранее турки. Поэтому, как ни странно, листовки порой призывали своих читателей покаяться, обращаться к Богу, а не сражаться с атакующим врагом.³⁶

Напрасно некоторые образованные авторы-дипломаты писали объективно, устарались представить читателю более объективные и детальные сведения о Москве (трактаты Герберштейна, Кобенцля, Принтца, Поссевино). Их голос заглушался громкой, сенсационной прессой.

34 ANDREAS KAPPELER, "Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts", 159–163.

35 ILDIKÓ HORN, „Báthory István uralkodói portréja”, in *Portré és imázs: politikai propaganda és reprezentáció a kora újkorban*. Szerk. NÓRA G. ETÉNYI (Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2008), 381.

36 KAPPELER, «Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts», 163–165.

В результате этого образ Московского государства изменился до неузнаваемости, став тёмным и страшным. В общественном сознании Московия превратилась в империю зла, став ужасным, грозным врагом Европы. А символом этого русского деспотизма стал Иван Грозный. Образ Ивана доминирует над образом России. Портрет Ивана Грозного — первое четко прорисованное изображение правителя московского, а в его лице и русского человека вообще.

«Это был гнусный варвар, кровопийца и тиран, великий скряга, безбожник, распутник, бешеный, гордый, неправосудный и злой человек, насильователь женщин, взбалмошен, неприветлив, прихотлив и беспокоен, охотник до пошлых дураков и мошенников», — писал один из участников шведской интервенции.³⁷ По мнению представителя Англии в Москве, Джерома Горсея, «Главное наслаждение царя, которого руки и сердце были обагрены кровью, заключалось в том, чтобы выдумывать новые мучения, пытки и смертные казни над теми, на которых он гневался, или которых наиболее подозревал ...»³⁸.

В соответствии со сложившимся общественным мнением русские были отождествлены со своим правителем. И эта характеристика глубоко укоренилась в общественном сознании. Так немецкая «Таблица народов», частый атрибут трактиров первой половины XVIII в., таким образом представляла русских: они весьма грубы, злобны, склонны к дракам и очень глупы. Русских изображали в виде ослов.³⁹ Не очень лестное мнение, но очень похожее на то, как изображали в тот период венгров. Если в первой половине XVIII в. образом, олицетворявшим русских, был осёл, после наполеоновских войн символом России становится медведь. Примерно в 1830-ом г. термин «брутальный русский медведь»⁴⁰ становится уже широко известен в Европе. С тех пор медведь — наиболее частный политический образ России, используемый в Европе как во внутривнутриполитических, так и во внешнеполитических целях. Так утвердился угрожающий образ российской нации.

37 Черникова, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках*, 290.

38 Джером Горсей, «Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий» in *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*, 165.

39 Völkertafel – Az Európában található népek és tulajdonságaik rövid leírása, *História IX*, no 1. (1987): 17.

40 Дюла Свак, «Россия и её имидж», in *Образ России с центрально-европейским акцентом*, ред. Дюла Свак, Илона Киш, (Budapest: Russica Pannonicana, 2010), 9–15.

References

- RAFAEL BARBERINI, "Putesestvie v Moskoviiu v 1565 godu" [A Journey to Muscovy in 1565], in *Skazaniia inostrantsev o Rossii v XVI i XVII vekakh*, per. V. LIUBICH-ROMANOVICH (Sankt-Peterburg, 1843), 67.
- V. N. BOCHKAREV, *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniiam sovremennikov* – *inostrantsev* [Muscovy in the 15th–17th Centuries According to Contemporary Foreigners] (S-Peterburg: Energiia, 1914), 133.
- RICHARD CHENSLOP, "Kniga o velikom i mogushchestvennom tsare Rossii" [A Book About the Great and Powerful Tsar of Russia], in *Inostrantsy o drevnei Moskve: Moskva XV–XVII vekov*, red. M. M. SUKHMAN (Moskva: Stolitsa, 1991), 36.
- T. V. CHERNIKOVA, *Evropeizatsiia Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh* [Europeanization of Russia in the Second Half of the 15th–17th Centuries] (Moskva: Izdatel'stvo MGIMO-UNIVERSITET, 2012), 238., 257., 290.
- IOGANN FABRI, "Religiia moskovitov" [The Religion of the Muscovites], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 177–178.
- FILOFEJ szerzetes, „Levél a rossz napokról és órákról” [A Letter About the Bad Days and Hours], *Aetas* 10, no. 3 (1995): 127–136.
- SIGIZMUND GERBERSTEIN, *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs] (Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1988), 72., 74., 207.
- DZHEROM GORSEI, "Sokrashchennyi rasskaz, ili Memorial puteshestvii" [An Abridged Story, or Travel Memorial], in *Rossiiia XV–XVII vv. glazami inostrantsev*, red. Iu. A. LIMONOV (Leningrad: Lenizdat, 1986), 165.
- PÉTER HAHNER, „A „békaevő” franciák és a „perfid” angolok” [The “Frog-eater” French and the “Traitor” English People], *História* IX, no. 1 (1987): 11–12.
- ILDIKÓ HORN, „Báthory István uralkodói portréja” [Portrait of Stephen Bathory], in *Portré és imázs: politikai propaganda és reprezentáció a kora újkorban*. Szerk. NÓRA G. ETÉNYI (Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2008), 381.
- PAVEL IOVII, "Kniga o moskovitskom posol'stve", [A Book About the Moscow Embassy] *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 257–289.
- PAULUS IOVIUS, "Elogia virorum illustrium", [In Praise of Illustrious Men of Military Virtue], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 349., 353.
- AL'BERT KAMPENSKII, "O Moskovii" [About Muscovy], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 86., 96–97., 102–110.
- ANDREAS KAPPELER, "Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts", [The German Pamphlets About the Muscovites and Ivan the Terrible in the Context of Russian Literature of the 16th Century] in MECHTILD KELLER (Hg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 9. – 17. Jahrhundert* (München, 1985), 159–165.
- AMBRODZHO KONTARINI, "Puteshestvie v Persiiu" [Journey to Persia], in. E. CH. SKRZHINSKAIA, *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istoriiu italo-russkikh svyazei v XV v.* (Leningrad: Nauka, 1971), 228–230.

ADAM OLEARII, "Opisanie puteshestviia v Moskovskogo", [Description of the Journey to Muscovy] in *Rossiiia XV–XVII vv. glazami inostrantsev*, red. Iu. A. LIMONOV (Leningrad: Lenizdat, 1986), 413.

Marco Polo utazásai [The Travels of Marco Polo] ford. ENDRE VAJDA (Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1984), 373–375.

ANTONIO POSSEVINO, *Istoricheskie sochineniia o Rossii XVI v.* [Historical Writings About Russia in the 16th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1983), 23–24., 35., 65–66., 205., 207.

KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században* [The Image of Muscovy in Europe in the 15th–16th Centuries] (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2002), 11–39., 78–165.

"A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard from London to Vienna, and thence to Constantinople", in *Angol és skót utazók a régi Magyarországon (1542–1737)*, szerk. GYÖRGY GÖMÖRI (Budapest: Argumentum, 1994), 36–37.

N. V. SINITSYNA, *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI. vv.)* [Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15–16th Centuries)] (Moskva: Indrik, 1998).

DIULA SVAK, "Rossiia i ee imidzh" [Russia and Its Image], in *Obraz Rossii s tsentral'no-evropeiskim aktsentom*, red. DIULA SVAK, ILONA KISH (Budapest: Russica Pannonicana, 2010), 9–15.

GYULA SZVÁK, *Mi az orosz? A magyarok (és mások) orosz-képéről* [What is Russian? About the Russian Image of Hungarians (and Others)] (Budapest: Russica Pannonicana, 2016), 9–49.

„Völkertafel – Az Európában található népek és tulajdonságaik rövid leírása” [Völkertafel – A Brief Description of the Peoples and Their Characteristics in Europe], *História* IX, no 1. (1987): 17.

Opuscula Prima

АНДРАШ БЕНЦЕ

РУССКАЯ АМЕРИКА – ГЛАЗАМИ ВЕНГРОВ¹

RUSSIAN AMERICA THROUGH HUNGARIAN EYES

The modern Hungarian press and Russian America were born at almost the same time. The official date of the creation of Russian America can be put at 1799, when Paul I published his ukase relating to the formation of the Russian-American Company. The first Hungarian newspapers appeared almost at the end of the 18th century. For this reason it may be interesting to study the question of how Russian America was represented in the Hungarian press of the 19th century. This paper examines the most interesting articles connected with events in Russian America, and presents the errors and mistakes in these newspapers with a view to investigating the causes of these inaccuracies.

Keywords: Russian America, Hungarian Press, Russophobia, Russian-American Company, Colonization, Kodiak

András Bencze – PhD student in History, Historical Russistics Doctoral Programme, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.). E-mail: bencze.andris@gmail.com

1 This study is a written version of a lecture given at the 'Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia' conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: ANDRÁS BENCZE, "Russkaia Amerika – glazami vengrov" [Russian America Through Hungarian Eyes], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 185–195. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.p.2

ВВЕДЕНИЕ

В 1799 г. Павел I издал указ об основании Российско-Американской компании, торгового объединения, ставившего своей целью экономическое освоение русских владений в Америке. В это же время в Венгрии, как и по всей Европе, наблюдался рост издательского дела. Повсеместно появлялись многочисленные журналы, в которых нашла отражение и новость о создании Российско-Американской компании. Тем не менее, можно утверждать, что эта тема в венгерской прессе была довольно «маргинальной» (экзотической) и ей не уделялось много места на страницах журналов и газет. Во многом это объяснялось тем, что после Венского конгресса 1812 г. и подавления польского восстания русскими войсками, по Европе прокатилась волна русофобии и усилился рост национализма.² Не случайно, что после этого на государственных собраниях первой половины XIX в. польско-русские отношения становились частой темой для дискуссии.

Вслед за венгерским исследователем Гезой Бузинкаи я разделяю историю венгерской прессы этого периода на три эпохи. Первая начинается в 1780 г. и продолжается до 1830 г. Вторая эпоха начинается в 1830 г. и заканчивается в 1848 г., а последняя длится с 1849 по 1867 г. В своей работе я попытаюсь осветить то, как менялся образ Русской Америки в венгерской прессе с начала XIX в. и до создания Австро-Венгрии в 1867 г.

РУССКАЯ АМЕРИКА: ЦИФРЫ И ТЕМЫ

С момента основания Русской Американской Компании в 1799 г. и по 1820 г. в Венгрии существовало три журнала («Hasznos Mulatságok», «Hazai és Külföldi Tudósítások», «Magyar Kurír»), которые в своих выпусках так или иначе освещали данную тему. Между 1830 и 1848 гг. таких изданий было уже 9 («Budapesti Híradó», «Hazai és Külföldi Tudósítások», «Hetilap, Magyar Kurír», «Hon és Külföld», «Protestáns Egyházi és Iskolai lap», «Századunk, Pesti Hírlap i Honművsz»). С 1849 по 1867 гг. о Русской Америке писали уже 11 журналов («Családi Lapok», «MTA Magyar Népkönyve», «Nefelejts», «Religio», «Sárospataki Füzetek», «Szegedi Híradó»,

2 GYULA SZVÁK, *Mi az orosz?* (Budapest: Russica Pannonica, 2016), 12.

«Politikai Ujdonságok», «Vasárnapi Újság», «Budapesti Hírlap», «Budapesti Közlöny i Pesti Napló»).

Естественно, в годы правления императора Николая I, провозгласившего внешнеполитический курс на подавление любых революционных движений в Европе, в венгерской прессе возросло не только количество журналов, но и количество публикуемых статей, посвященных России и Русской Америке, в частности. Так, можно наблюдать, что в первый период (1780–1830) появилось лишь 11 статей, так или иначе посвященных Русской Америке; в следующий период (1730–1848) таких статей уже 13; а в последний период (1849–1867) их уже значительно больше – 44 статьи. Подобному колебанию интереса к теме в венгерской прессе есть разные объяснения: 1) Можно предположить, что к середине XIX в. Русская Америка достигла периода экономического расцвета, чем и обусловлен интерес к ней со стороны венгерской печати; 2) в первой половине XIX в. венгры были заняты реформами и революцией, поэтому пресса в этот период была в основном сфокусирована на вопросах внутренней политики; 3) Россия стала интересна для венгров в связи с ее внешней политикой, в частности с подавлением восстания в Венгрии в 1848–1849 гг.; 4) Анализ времени публикации статей показывает, что большинство журналистских материалов появляется в промежутке между 1850–1867 гг. Можно предположить, что это объясняется, во-первых, подавлением русскими войсками восстания в Венгрии, а во-вторых, продажей Аляски в 1867 г. и реакцией на эти события венгерской прессы.

Первое же упоминание Русской Америки в венгерской прессе, которое удалось обнаружить, относится к 1802 г., по прошествии трех лет после того, как Павел I издал уже упоминаемый нами указ об образовании РАК. В статье сообщается, что Александр I в 1801 г. году купил 20 акций РАК за 10 000 рублей.³ Однако там не указывалось, что не только новый царь, но и его родственники тоже купили акции. Мать Александра, Мария Федоровна, имела 4 акции, так же, как и его жена, Елизавета Алексеевна. Брат царя, Константин Павлович, владел только двумя акциями.⁴ Тематики статей, посвященных Русской Америке в этот период, были очень разнообразны. Изначально популярными темами были путешествия вокруг света. Так, например, большой интерес вызвали экспедиции Гагемейстера и Лазарева, а также кругосветная экспедиция брига «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу. В этих публикаци-

3 „Orosz Birodalom”, *Magyar Kurir* 16. no. 39 (1802): 602.

4 Л. А. МУРАВЬЕВА, «Русская Америка в XIX веке», *Финансы и кредит* 11, no. 2 (2011): 66.

ях авторы пытались представить Русскую Америку в контексте системы международных отношений.

В 30–40-х гг. XIX в. отмечается смена тематического вектора: на страницах журналов появляются заметки и статьи, касающиеся, например, положения православной церкви, статьи о чукотских землях и их коренном населении и т. п. Среди прочего начинают попадаться и сообщения о деятельности РАК. Многочисленные статьи о Русской Америке в этот период публиковались в основном в журнале „Hon és Külföld”. Наконец, в последний из обозначенных выше периодов (1849–1867 гг.) начинают появляться короткие заметки, более подробно описывающие Русскую Америку с экономической и этнографической стороны. Однако больше всего венгерского читателя этого периода все же интересовала продажа Аляски.

Новости о Русской Америке

Рамки данной работы не позволяют сосредоточиться на всех новостных темах, поэтому я укажу только самые, на мой взгляд, популярные и интересные.

После первой новости в венгерской прессе, посвященной Русской Америке, прошло 15 лет, прежде чем в 1816 г. появились две новые статьи. В первой шла речь о том, что два судна снарядились в сторону Америки под командированием Гагемейстера⁵, а во второй писали о путешествии Лазарева на судне «Суворов». Именно этому путешествию посвящен значительный текст в журнале, но так как статья кишит ошибками, я вернусь к этой теме в другой части работы.⁶

В 1818 г. на свет выходит статья, в которой речь шла о прибытии судна из Калькутты в Охотск, где к тому времени уже не было ни одного торговца, а «вице-губернатор» не знал, что делать со всей привезённой продукцией. Однако в статье описано много любопытных деталей. Например, венгерский читатель мог узнать подробнее о городе Охотск. Автор статьи коротко описывает город как сотню деревянных домов, в котором жило не больше 1200 человек. Правильнее было бы сказать, что это не город, а поселок, в котором продавались камчатские и американские продукты. Кроме этого, в статье было указано, что срок привилегии РАК,

5 „Orosz Birodalom”, *Magyar Kurir* no. 35 (1816): 254.

6 „Nagy Britannia”, *Magyar Kurir* no. 4 (1816): 23.

который даровал Павел I, скоро истекает, но здесь автор допустил ошибку в своих прогнозах, думая, что новый царь, Александр I, не возобновит эти привилегии.⁷ В журналах в этот период вопросы Русской Америки обсуждались и в контексте международных отношений. Так, например, в журнале «*Hazai's Külföldi Tudósítások*» писали, что, по мнению Соединённых Штатов Америки, Российская Империя хочет, чтобы земли в Америке принадлежали только России. Подкрепляя эту теорию, автор цитирует указ царя: «Только эта компания имеет право вести торговлю [...] у Северо-Восточных берегов Америки, с 31 градуса до Берингова пролива и дальше».⁸ Можно предположить, что здесь идёт речь об указе Александра I, который возобновил привилегии Российско-Американской Компании.

Во втором периоде (1830–1848 гг.) в журнале «*Magyar Kurír*» можно найти новости о численности населения американских колоний России (это 10 421 человек)⁹ и что к их берегам с Курильских островов¹⁰ прибыло судно с товарами, общей стоимостью в 250 000 рублей. Также в «*Hazai's Külföldi Tudósítások*» можно было прочитать, что «в колониях Российско-Американской Компании проживало 60 693 человека».¹¹ Откуда автор статьи знает точное число жителей колоний остается неизвестно (предположим, что, он «подсмотрел» эту информацию в иностранном журнале), но важнее, то, что автор писал об этих землях именно как о «колониях». И тут нужно отметить, что такие выражения, как «колонизация», или «колония» в русской историографии имеют другие значения нежели в европейской историографии.¹²

Именно в это время в журнале «*Protestáns Egyházi és Iskolai Lap*» впервые появляются публикации о положении религии в Русской Америке. Кроме того, в одном из его номеров есть очень интересная статья, в которой автор утверждает, что границы Европы распространяются до Берингова пролива.¹³ Географически это конечно же не так, но сама идея имеет важное значение. Автор упоминает Россию как безуслов-

7 „Orosz Birodalom”, *Hazai's Külföldi Tudósítások*, no. 23 (1812): 183.

8 „Éjszaki Amerikai Egyesült Statusok”, *Hazai's Külföldi Tudósítások*, no. 30 (1822): 239–240.

9 *Magyar Kurír*, no. 41 (1830): 332.

10 *Magyar Kurír*, no. 48 (1833): 380.

11 „Oroszország”, *Hazai's Külföldi Tudósítások*, no. 2 (1838): 15.

12 Больше можно читать об этом вопросе: KINGA SZÁLKAI, *Gyarmatosítás vagy sajátos orosz út? A kolonizáció fogalma az Orosz Birodalom kontextusában*. MA szakdolgozat (Budapest, 2021). Или А.В. ГРИНЁВ, *Аляска под крылом двуглавого орла* (Москва: Academia, 2018).

13 „Észrevételek Fényes Elek kézi és iskolai átlászára”, *Protestáns Egyházi és Iskolai Lap* 3, no. 46 (1844): 1100.

но европейскую державу. В первой статье журнала «Pesti Hírlap» о Русской Америке так же касались темы веры. В журнале публикуются новости о том, что новый царь (Николай I) основал старообрядческое епископство в колониях.¹⁴ Гаврил Иванович Шелихов¹⁵ сам писал, что много местных приняли крещение, когда он был на острове Кадьяк.¹⁶ Расширение русской православной церкви было настолько удачным, что и в настоящее время на Аляске существуют ее приходы.

Наиболее важные журналы второго периода — это «Hon és Külföld» и «Honművész», потому что именно в них публиковалось больше всего статей о Русской Америке. Первая статья о Русской Америке в журнале «Hon és Külföld», под названием «Népismertetés» (Изложение народа), вышла в 1841 г. В ней большое внимание уделено коренным жителям Русской Америки. Описаны их внешность, обычаи, вера, а также окружающая их природа и климат.¹⁷ В этом номере, как и в воспоминаниях путешественников, явно проявлялась идея превосходства европейцев и их культуры. С едва скрываемой жалостью и презрением писали они об индейцах, хотя и старались делать это «с пониманием». Например, писали о каннибализме местных. По мнению журналистов, индейцы дают своим детям испить кровь врагов и едят тела мёртвых. Вообще автор думает, что это «печальный образ слепой неотесанности в тёмном разуме».¹⁸

Не стоит удивляться таким мнениям. Обычно информация о Русской Америке попадала в Венгрию через немецкие или английские газеты. Таким образом, венгры могли получать искажённую информацию через призму точек зрения журналистов из этих стран. Конечно, это не значит, что автор венгерского журнала не был согласен с коллегами из Германии или Великобритании, но проверить достоверность фактов, приводившихся коллегами, у него не было шансов. В журнале «Honművész» можно найти статьи и о чукчах. Автор подробно описал этот народ, его торговые отношения, традиции рыболовства и охоты и т. п. Интересно, что автор не скрывает тот факт, что в основу его статьи

14 „Külföldi napló”, *Pesti Hírlap*, no. 20 (1841): 161.

15 Русский исследователь, мореплаватель, промышленник. Он основал Северо-Восточную компанию в 1783 г.

16 Р. Фасхутдинов (главный редактор), Г. И. Шелихов, Г. И. Давыдов, *Русская Америка* (Москва: Издательство «Эксмо», 2019), 52.

17 „Népismertetés”, *Hon és Külföld* 1, no. 26 (1841): 103.

18 Ibid.

легла информация о чукчах от офицера, служащего в Российско-Американской Компании.¹⁹

В третьем периоде (1849–1867 гг.), как отмечалось выше, увеличилось число журналов и статей, писавших о Русской Америке. Это прежде всего журналы «*Budapesti Hírlap*», «*Budapesti Közlöny*» и «*Pesti Hírlap*». В журнале «*Budapesti Hírlap*» впервые о русской Америке написали в 1853 г. Короткая заметка была посвящена географии: границам русско-американских берегов с территорией эскимосов.²⁰ В 1854 г. в этом же журнале выходит статья, уже более подробно описывающая Русскую Америку. Однако статьи авторов содержали многочисленные ошибки. Например, отмечалось что именно царь возглавлял Российско-Американскую Компанию. Однако на самом деле у РАК была собственная административная система со своими директорами. Так же утверждалось то, что РАК хочет распространить свою власть от Китая до Калифорнии, что конечно же было некорректно. К тому же к этому времени компания уже продала своё селение Росс, которое находилось в Калифорнии.²¹

В журналах «*Budapesti Közlöny*» и «*Pesti Hírlap*» вообще ограничились только одной темой – продажей Аляски. Писали о разных вариантах стоимости этой сделки, пересказывали мнения американских депутатов и т. д. В 1856 г. в журналах написали, что первый русско-американский торговый договор был подписан в 1831–33 гг.²² Но Александр Андреевич Баранов, правитель Русской Америки, подписал временной контракт с американскими купцами еще в начале XIX в.

ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ЖУРНАЛАХ

К примеру, одна из ошибок возникла из-за незнания, когда было описано путешествие Михаила Петровича Лазарева, бывшего капитаном судна «Суворов» во время кругосветного путешествия 1813–1816 гг. Согласно статье, Лазарев открыл остров им. Суворова, но вообще это был только атолл. Были ошибки и более грубые. Например, то, что Лазарев достиг Камчатки. Однако, посмотрев на карту его маршрута, можно

19 „Szorgalom”, *Honművész*, no. 44 (1838): 338-339.

20 „Az éjszaki ut fölfedezése”, *Budapesti Hírlap*, no. 288, (1853): 1610.

21 „Oroszország”, *Budapesti Hírlap*, no. 321 (1854): 1787.

22 „Éjszak Amerika”, *Pesti napló* 7, no. 5 (1856): 4.

ясно понять, что он не был на Камчатском полуострове²³. Кроме того, атолл им. Суворова не мог служить тем, о чем сообщал автор статьи. Он отмечал, что «новый остров» будет форпостом русских в торговых отношениях с Китаем, потому что находился между Камчаткой и Калифорнией²⁴. Этот «новый остров» мог бы оказаться и островом Кадьяк, но тот уже был к тому моменту открыт мореплавателями. Таким образом, автор мог писать об этом атолле, хотя, на мой взгляд, невообразимо, что такой маленький атолл мог бы выполнить настолько важную функцию торгового форпоста.

Кроме того, существуют неточности в датах. Например, автор одной из статей указывал, что Лазарев вышел в море 10 марта 1814 г., но в действительности это произошло намного раньше, в октябре 1813 г. Автор также упоминал Коцебу, который в 1816 г. также совершил путешествие вокруг света. Коцебу действительно был на Камчатке и дошел до Сандвичевых и Маршалловых островов, которые действительно могли бы быть важным пунктом в торговле между РАК и Китаем.²⁵

Венгерская пресса без какой-либо перепроверки принимала информацию из иностранных журналов. Так, например, цитируя журнал «Morning Chronicle» венгерские авторы писали, что русские засели в Буйаде в 1813 г., что находится недалеко от бухты Бодега²⁶. Кажется, что здесь идет речь о Крепости Росс, которая уже была построена в 1812 г. Автор писал, что не знает, каким образом русские получили эту территорию (предположительно по контракту или по обмену). Такого договора между русскими и испанцами вовсе не существовало, но был «протокол» между русскими и туземцами.²⁷ Уже в другой статье речь действительно идет о Крепости Росс: «в южных частях (Калифорнии) есть большие части, под 35-ым градусом северной ширины в Новой Калифорнии основано многолюдное селение».²⁸ В действительности, согласно запискам И. А. Кукова, в Крепости проживало лишь 107 человек.

23 „Михаил Петрович Лазарев”, *Большой информационный архив*, https://big-archive.ru/geography/domestic_physical_geographers/33.php (дата обрещения: 15 декабря 2021 г.)

24 „Nagy Britannia”, *Magyar Kurir* 30, no. 4 (1816): 23.

25 Ibid.

26 „Éjszak Amerikai Egyesült Státusok”, *Hazai Tudósítások*, no. 1 (1820): 14.

27 А. А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В. А. Тишков, *Россия в Калифорнии, Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях 1803–1850, Том I*, (Москва: Наука, 2005), 257–259.

28 „Spanyol Amerika”, *Hazai Tudósítások*, no. 30 (1822): 240.

Из-за низкой скорости получения сведений о столь далеких землях имели место и другие неточности. Например, указывали, что в 1835 г. Врангель был одним из директоров РАК²⁹, но в это время директором РАК был Иван Антонович Куприянов. Помимо прочего, часто писали, что Российско-Американская Компания была основана в 1798 г.³⁰, хотя Павел I издал свой указ годом позже – в 1799 г.

До тех пор мы говорили о неточностях в публикуемых статьях, но были и статьи, содержащие в себе явную русофобию, кажущуюся или выдумкой или литературным топосом. К примеру, о русских «экономических» привычках писали так: «Тот факт, что только в 1803 году на складах Уналаски скопилось 800 000 медвежьих шкур, из которых 700 000 были сожжены, [только для того] чтобы это количество не снизило торговую цену на это изделие».³¹ Это было полным вымыслом, хотя бы потому, что сам Н.П. Резонов написал отчет об Испанской Калифорнии, где речь идет о пшенице и лошадях.

Иногда из-за негативного образа о русских, царившем в общественном мнении, тот или иной вымысел мог сойти за правду. По версии «Haza's Külföldi Tudósítások» (1812 г.) царь не хотел продлевать подходивший к концу срок привилегий РАК.³² Причина, по которой автор обращает на это внимание, связана с тем, что русские якобы угнетали туземцев. Однако жизнь туземцев под властью русских была ничем не хуже, чем под властью остальных европейских держав. Скорее всего, она была даже лучше, так как РАК не располагал таким количеством людей на своих территориях, как например испанцы. Это подтверждают и слова Алексея Александровича Истомина, русского историка, занимающегося историей Русской Америки: «ключом к спокойной жизни русских в Калифорнии были хорошие отношения с коренным населением (индейцами)».³³ Конечно, на некоторых территориях русские обложили коренное население традиционным для Сибири налогом – ясаком, но венгерские журналы писали, что для самих туземцев ясак казался торговлей. Наконец, РАК поддерживал учёбу местного населения в Санкт-Петербурге, чтобы потом они возвращались в Русскую

29 „Oroszország ipari állása”, *Hetilap*, no. 1 (1848. január 4.): 10.

30 „Társulati élet”, *Családi Lapok* 3, no. 12 (1854): 585.

31 Ibid.

32 „Orosz Birodalom”, *Hazai's Külföldi Tudósítások*, no. 23 (1818): 183.

33 Но надо отметить, что отношение между местными людьми и русскими были разные на Аляске и в Калифорнии. См.: А. А. Истомин: «Русско-алиутские контакты (XVIII-XIX вв.)», *Исторические судьбы американских индейцев* (1985): 146–154.

Америку квалифицированными специалистами, к примеру врачами и инженерами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно определить, что хотя тема Русской Америки не была самой популярной темой, но всё-таки появилась в венгерских газетах. Статьи, появившиеся в журналах, касались разных тем, в том числе истории, географии (животного мира, климата, и т. д.) Русской Америки. Также можно было читать о местных жителях. Интересно, что иногда очень подробно писали, например, об образе жизни и о торговых отношениях чукчей.

В статьях были довольно много ошибок по разным причинам: я думаю, что главная причина заключается в неточности и незнании предмета. Часто венгры черпали информацию из иностранных газет, к русским источникам не было доступа, поэтому принимали на веру все, что писали в Англии или в Австрии.

Самая популярная тема была продажа Русской Америки именно в тот год, когда «родилась» Австро-Венгрия.

Таким образом, как ни странно, но венгры имели возможность читать о Русской Америке, хоть в несколько искаженном виде.

References

- „Éjszak Amerika” [North America], *Pesti napló* 7, no. 5 (1856): 4.
 „Éjszak Amerikai Egyesült Státusok” [The Northern United States of America], *Hazai Tudósítások*, no. 1 (1820): 14.
 „Éjszaki Amerikai Egyesült Statusok” [The Northern United States of America], *Hazai’s Külföldi Tudósítások*, no. 30 (1822): 239–240.
 „Az éjszaki ut fölfedezése” [The Discovery of the Northern Way], *Budapesti Hírlap*, no. 288, (1853): 1610.
 „Észrevételek Fényes Elek kézi és iskolai átlászára” [Comments on Elek Fényes’ General-Referene and School Atlases], *Protestáns Egyházi és Iskolai Lap* 3, no. 46 (1844): 1100.
 R. FASKHUTDINOV (glavnyi redaktor), G. I. SHELIKHOV, G. I. DAVYDOV, *Russkaia Amerika* [Russian America] (Moskva: Izdatel’stvo Eksmo, 2019), 52.
 A. V. GRINEV, *Al’iaska pod krylom dvuglavogo orla* [Alaska under the Two-Winged Eagle] (Moskva: Academia, 2018).
 A. A. ISTOMIN, “Russko-tlinkistkie kontakty (XVIII–XIX vv.)” [Russian-Tlinkit Contacts (18–19th Centuries)], *Istoricheskie sud’by amerikanskikh indeitsev* (1985): 146–154.

- A. A. ISTOMIN, DZH. R. GIBSON, V.A. TISHKOV, *Rossia v Kalifornii. Russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh svyazakh 1803-1850*, Tom I [Russia in California. Russian Documents on Colonial Russ and Russian-Californian Relations] (Moskva: Nauka, 2005), 257–259.
- „Külföldi napló” [Foreign Diary], *Pesti Hírlap*, no. 20 (1841): 161.
- „Mikhail Petrovich Lazarev”, *Bol’shoi informatsionniy arkhiv*, https://big-archive.ru/geography/domestic_physical_geographers/33.php (Accessed December 15, 2021).
- L. A. MURAV’EVA, “Russkaia Amerika v XIX veke” [Russian America in the 19th Century], *Finansy i kredit* 11, no. 2 (2011): 66.
- „Nagy Britannia” [Great Britain], *Magyar Kurir* no. 4 (1816): 23.
- „Népismertetés” [Presenting of a Nation], *Hon és Külföld* 1, no. 26 (1841): 103.
- „Orosz Birodalom” [The Russian Empire], *Hazai’s Külföldi Tudósítások*, no. 23 (1812): 183.
- „Orosz Birodalom” [The Russian Empire], *Magyar Kurir* 16, no. 39 (1802): 602.
- „Orosz Birodalom” [The Russian Empire], *Magyar Kurir* no. 35 (1816): 254.
- „Oroszország” [Russia], *Budapesti Hírlap*, no. 321 (1854): 1787.
- „Oroszország” [Russia], *Hazai’s Külföldi Tudósítások*, no. 2 (1838): 15.
- „Oroszország ipari állása” [The Condition of the Russian Industry], *Hetilap*, no. 1 (1848. január 4.): 10.
- „Spanyol Amerika” [Spanish America], *Hazai Tudósítások*, no. 30 (1822): 240.
- KINGA SZÁLKAI, *Gyarmatosítás vagy sajátos orosz út? A kolonizáció fogalma az Orosz Birodalom kontextusában*. MA szakdolgozat [Colonization or a Specific Russian Way? The Concept of Colonization in the Context of Russian Empire. MA thesis] (Budapest, 2021).
- „Szorgalom” [Diligence], *Honművész*, no. 44 (1838): 338–339.
- GYULA SZVÁK, *Mi az orosz?* [What is Russian?] (Budapest: Russica Pannonica, 2016), 12.
- „Társulati élet” [Social Life], *Családi Lapok* 3, no. 12 (1854): 585.

Review articles

Обзоры

Szemle

АЛИСЕ ПЛАТЕ

**«МОСКОВСКОЕ СМЯТЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ» (РЕЦЕНЗИЯ)¹**

**“THE MOSCOW CONFUSION CONTINUES TO THIS DAY”
(REVIEW)**

This article provides a review of Gleb Kazakov's book “Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatic Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa” [The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence and Narrative Transfer between Russia and Europe]. In this book, the author employs the example of foreign reaction to the uprising of the Tsarist infantry troops to demonstrate that pre-Petrine Russia was not the “hermit nation” it is assumed to be in traditional historiography. By the last quarter of the 17th century, the Moscow state had become significant enough in foreign policy terms to tilt the scales. Its domestic crises mattered: the bloody struggle for power in the Kremlin that followed the death of Tsar Fyodor Alekseevich in April 1682 attracted a great amount of attention in early modern Europe's communication networks and subsequently produced a flood of narratives. Having analysed the letters of foreign representatives at the Moscow court and numerous early modern print media, Kazakov illustrates the ways in which the turmoil of 1682 was interpreted and instrumentalised in both Russian and European diplomacy and journalism. In addition, the book opens up new perspectives on the functioning of the early modern news market, as well as on the interaction between networks of diplomatic correspondence and the seventeenth-century print media. These perspectives should be considered one of its main merits.

Keywords: Gleb Kazakov, the Streltsy uprising of 1682, Russian history of the 17th century, history of early modern Europe, communication networks, new diplomatic history.

Alice Plate – PhD in History, Researcher, Ural Federal University, Laboratory for the Study of Prime Sources, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: aliceplate@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0055-2385>

1 Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания МНИВО РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

Citation: ALICE PLATE, “Moskovskoe smiatenie prodolzhaetsia do segodniashnego dnia (retsenziia)” [The Moscow Confusion continues to This Day], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 199–212. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.21

Миссия подьячего Никифора Венюкова к польскому королю Яну III Собескому и императорскому двору в Вене затянулась. Первоначально он должен был отправиться в зарубежную поездку в начале мая 1682 г., чтобы передать весть о смерти царя Федора Алексеевича и о воцарении его преемника, Петра Алексеевича. Обстоятельства, однако, изменились, так как среди стрельцов вспыхнул бунт.

Решение интронизировать всего девятилетнего Петра, вместо старшего Ивана, правда, умственного и физического инвалида, но зато родного брата Федора Алексеевича, спровоцировало мятеж стрелецких полков, когда-то элитной, приближенной к царям пехоты. 15 мая 1682 г., как известно, стрельцы штурмовали кремль, было убито большое количество ведущих думных и придворных деятелей, в том числе и принадлежавших к семейству Нарышкиных, родственников Петра. В итоге, под давлением бунтарей, вставших на сторону партии Милославских, семьи Ивана, последний был провозглашен соправителем Петра. Однако сразу восстановить контроль правительству не удалось, и в ближайшие месяцы фактически бразды правления в Москве держали в своих руках стрельцы, диктовавшие, умело лавируя между конкурировавшими придворными группировками, свои условия. Только к осени того же года дела приняли другой оборот: 17 сентября казнили нового руководителя Стрелецкого приказа боярина князя И. А. Хованского; на протяжении следовавших семи лет царевна Софья, родная сестра Ивана, установилась опекуном несовершеннолетних царей, а также полуофициальной регентшей.

Когда в октябре 1682 г. Никифор Венюков, наконец, прибыл в Вену, он с удивлением обнаружил, что там его новость вовсе не являлась новостью. И его объяснениям, что «братья попросили самодержавствовать „обще“»² исключительно по любви друг к другу, верить никто особо не хотел. С подобной ситуацией столкнулись и другие российские курьеры. Известие о произошедшем в далекой Москве мятеже успело проникнуть не только через границы с соседними Швецией и Речью Посполитой, а облетело с быстротой молнии всю Европу.

Глядя с перспективы сегодняшнего дня, роль и влияние внешнеполитических интересов и международного наблюдения на возникновение и динамику протестных движений и правительственных кризисов того или иного государства нам кажутся обыденным делом, почти

2 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa* (Stuttgart, 2021), 95.

само собой разумеющимся последствием глобализационных процессов. А появившиеся в результате подобного рода вмешательства во внутривнутриполитические вопросы других стран термины – такие, как информационная война или дезинформационная кампания, до недавних пор мало кто в исторической науке ассоциировал бы с прошлыми периодами, тем более с эпохой и местом столь отдаленными, как раннемодерное Московское государство. Теперь, правда, не первое, но зато очень живое и наглядное доказательство тому, что допетровская Россия вовсе не являлась той «страной-отшельником», как принято было считать в традиционной западной историографии, предоставил Глеб Казаков³. В своей монографии «Московский стрелецкий бунт 1682 г. Дипломатический шпионаж. Организация передачи новостей и трансфер нарративов между Россией и Европой» полностью переработанной версии его докторской диссертации, защищенной в 2018 г. в университете Фрейбурга автор убедительно демонстрирует, что Россия к последней трети XVII в. стала неотъемлемой частью общеевропейской коммуникационной сети и, к тому же, занимала прочное место на тогдашнем рынке новостей⁴.

«Хованщина» являлась чрезвычайным событием: длившееся три дня жестокое кровопролитие в столице большого европейского государства, вылившееся в общую смуту, и, вдобавок к тому, более чем неоднозначная ситуация двоецарствия, усугубившаяся еще тем фактом, что соправителем выступала женщина. Для современников все это представлялось зрелищем, которое крайне сложно было утаивать от глаз общественности. Реакция западноевропейских правителей, посчитавших политический кризис в России прежде всего угрозой и без того уязвимой внешнеполитической конфигурации на континенте, последовала незамедлительно. Соответственно, уже с конца лета 1682 г., не дав, таким образом, шансов прижиться русской официальной версии о событиях, в Москву были направлены дипломатические миссии. Их письма-донесения домой в Швецию, Данию, Речь Посполитую, Францию, Пруссию-Бранденбург и Нидерланды не только попали на столы к правительственным чинам; не менее пристальный интерес к новостям из России проявляла иностранная пресса. Сюжет, вернее,

3 Относительно подобной традиционной оценки допетровской России см. С.В. О'БРИЕН, *Russia Under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna* (Berkeley, 1952), 178.

4 Г. КАЗАКОВ, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682*.

история, в которую он со временем превратился, был слишком хорош, а собранные в письмах слухи, неизбежно обвивавшиеся вокруг события, слишком сочны, чтобы не будоражить воображение редакторов и публицистов.

Особенно живым был отклик в германских странах. В немецкоязычных газетах и публицистике статьи, посвященные «ужасающим лихолетьям и жестокой резне», приключившимся с 15 по 17 мая 1682 г. в Москве, только со временем перешли с первых полос газет в прочие рубрики и тематические разделы. Круг, что было весьма ожидаемо, скоро замкнулся: зарубежная шумиха о внутренних делах России не могла остаться незамеченной в ее столице. Через «куранты», раннемодерный «медиа дайджест», издаваемый в Посольском приказе, кремль скоро узнал о западной трактовке собственного правительственного кризиса. Все изложенные обстоятельства подтверждают оценку Казакова, на наш взгляд справедливо охарактеризовавшего Московский стрелецкий бунт 1682 г. медиа-сенсацией международного масштаба.

Московский стрелецкий бунт 1682 г. относится к хорошо изученным темам в истории России раннего нового времени; богатство и разнообразие источникового материала, а также безусловная привлекательность самого сюжета продолжают притягивать внимание немалого количества исследователей. Новизна работы Казакова заключается, прежде всего, в выбранном им методологическом подходе. В отличие от его предшественников – отечественных историков разных поколений и зарубежных русистов – его не интересуют ни традиционное «whodunnit», простая детективная интрига Милославские vs. Нарышкины, ни социальные мотивы восставших, также он не поставил себе цель скрупулезной позитивистской реконструкции самих событий. Казаков рассматривает восстания, бунты, мятежи и тому подобные вооруженные стычки, как феномен, предоставляющий, в первую очередь, повод для коммуникации, что, следовательно, и распространяется на служившее здесь примером для анализа московское стрелецкое восстание 1682 г. Таким образом, основополагающим замыслом монографии является идея о транслируемости двух на наш взгляд достаточно перспективных в исторической науке подходов на период позднего московского государства. Существенный импульс Казаков получил, во-первых, от немецкого историка М. Гриссе, уже достаточно давно занимавшегося проблемой транснациональности раннемодерных протестных движений, и, во-вторых, от так называемой новой дипломатической истории, ставшей в последние годы настоящим исследователь-

ским трендом, особенно среди немецкоязычных историков-русистов. Последние, однако, преимущественно сконцентрировались на известной своими правительственными кризисами послепетровской России, эпохой так называемых «дворцовых переворотов», оставив, таким образом, с предложенного ракурса мало изученными отличавшиеся не меньшими политическими турбулентностями последние десятилетия XVII в.⁵ Эту исследовательскую нишу теперь собирается занять Казаков. Соответственно, в своей книге он задается вопросами о содержании распространенных в дипломатической переписке новостей о стрелецком восстании, о скорости транспортировки почты и сроках доставки писем к европейским дворам, а также о существовавших для этого маршрутах и предпочитаемых для передачи новостей каналах. Но это не все; помимо анализа существовавших сетей контактов, источников и стратегий, применявших для приобретения новых сведений, Казаков в не меньшей степени интересуется резонанс и эхо, которые вызвали новости из Москвы у адресатов. Он хочет знать, как с момента их поступления история продолжалась, какие меры и шаги предприняли европейские правители, получив известия о различных версиях стрелецкого восстания, и, кроме того, каким образом данная информация была воспринята раннеמודерной общественностью. Операциональными концепция и вопросы становятся посредством понятия о нарративе, под которым Казаков понимает «часто повторяющиеся в исторических источниках повествования, определенные комплексы тем и мотивов, несущие значимую разъяснительную функцию для анализа событий»⁶.

Основная часть монографии, анализ коммуникации о стрелецком восстании, начинается во второй главе «Исторический фон» (с. 35–59) с экскурса о предыстории и о самых происшествиях 1682 г. – при этом достаточно подробного для научного произведения, поскольку со-

5 M. GRIESSE, "Introduction", in *From Mutual Observation to Propaganda War. Premodern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld, 2014), 733; M. GRIESSE, "State-Arcanum and European Public Spheres: Paradigm Shifts", in *ibid.*, 205–269; CH. STEPPAN, *Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)* (Göttingen, 2015), 492; F. SCHDEWIE, "Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten. Einleitung zur Edition", in *Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten 1690–1730*, 2016 *Relationen vom russischen Hof* (perspectivia.net) (дата обращения: 15.05.2023); S. MÜLLER-UHRIG, *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* (Göttingen, 2021), 434.

6 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolution 1682*, 19.

ставленного с учетом осведомленности немецкоязычной аудитории, для большинства которой история допетровской России и тем более события «Хованщины» не являются хрестоматийным знанием. Первый раздел главы «Россия и Европа около 1682 г.» (с. 35–47) посвящен усилению контактов между московским государством и его западными соседями в так называемой «переходной» или «пороговой» эпохе, как Казаков, ссылаясь на немецкий оригинал известной статьи Ш. Требста «Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в новое время» московского централизованного государства», характеризует наступивший с правлением Алексея Михайловича период в истории России⁷. Соответственно, читатель узнает о значении «полков нового строя» и «рутенизации» элит для европеизации страны, а также о реорганизации и модернизации военного дела, способствовавших территориальному расширению России за счет Речи Посполитой, ее прежде могущественного соседа. Одним словом, Казаков убедительно напоминает своему западному читателю о том, что идея о царе-реформаторе, энергично распахнувшем окно в Европу, во многом является лишь красивой метафорой. Тектонический же разлом приходился на пару поколений раньше, на тот судьбоносный 1667 г.: год заключения Андрусовского договора о перемирии, в который под подданство России перешли земли, развивавшиеся на протяжении нескольких веков под влиянием гуманизма, возрождения и католицизма, и когда к Москве отошла Левобережная Украина с Киевом, что напрямую столкнуло страну с интересами Османской империи. Россия отметила тогда свое появление на раннемодерной международной арене, и вскоре к турецкой проблеме присоединилась и балтийская: подтвержденный в Кардиском мире (1661 г.) *status quo ante bellum* дал лишь короткую передышку, достаточную для формирования новых коалиций, группировавшихся вокруг Швеции и Франции – бывших союзников, ставших теперь главными антагонистами на Северо-Востоке Европы. Ключевыми в данной геополитической обстановке являлись русско-шведские взаимоотношения, поскольку Россия, хотя пока и не доросшая до европейской державы, уже обладала достаточным значением, чтобы склонить чашу весов в пользу той или иной стороны. Соответственно, летом и осенью 1682 г. все взоры были обращены на Москву, вся

7 S. TROEBST, "Schwellenjahr 1667? Zur Debatte über den »Durchbruch der Neuzeit« im Moskauer Staat", in *Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa*, ed. M. G. MÜLLER (Berlin, 1995), 151171.

Европа с любопытством и страхом наблюдала, как за кремлевскими стенами кризис престолонаследия обернулся кровавой борьбой придворных группировок за власть. С главными вехами этой запутанной и во многом противоречивой истории, объединявшей в себе элементы семейных распрей, социального протеста и недавно пережившей религиозной схизмы, познакомят читателя в следующем разделе «Обзор событий 1682–1698 гг.» (с. 47–59). Данная глава, как в прямом, так и в переносном смысле, завершилась лишь к самому концу столетия с последним, крайне жестко подавленным стрелецким бунтом 1698 г. События в этот раз – Софью и верные ей, как предполагалось, стрелецкие полки заподозрили в подготовке путча против отсутствовавшего в стране Петра – закончились, как известно, пострижением царевны в монахини и упразднением московских стрельцов как военного института и социальной группы.

Для обеих группировок, как для партии царевны Софьи, так и для контрагентов, приверженцев Петра, стрелецкое восстание 1682 г. стало важной точкой отсчета, требовавшей от той и другой стороны немало объяснений для оправдания собственных действий, о занятой ими позиции в те весенние и летние месяцы. Об основных бытовавших тогда версиях, зачастую сосуществовавших и конкурировавших между собой, речь идет в третьей главе монографии «Традирование нарративов о стрелецком восстании в России, 1682–1750 гг.» (с. 60–90). Служивший стрельцам для легитимации своих поступков против произвола начальства «Нарратив мятежников» (с. 60–67), которому посвящен первый раздел, к осени 1682 г. после подавления восстания перестал быть актуальным, и, скорее всего, обернулся опасностью для нового московского правительства, и тем более для царевны Софьи. Помимо применения рестриктивных мер, теперь для эффективного функционирования политики *damnatio memoriae* потребовалось создания новой, адаптированной к изменившимся обстоятельствам легенды. Согласно «Нарративам времен регентства царевны Софьи» (с. 67–81), ставшим в 1682–1684 гг. официальной, рекомендованной для распространения за рубежом версией, царевна Софья, сумев успокоить стрельцов после майского кровопролития денежными подарками, выступает в роли спасительницы страны и гаранта восстановления прежнего порядка. Поскольку правительство публично простило стрельцов, напрямую привлечь их к ответственности было нельзя; поэтому виновниками майских эксцессов объявили «еретиков» то есть старообрядцев, к которым принадлежала немалая часть стрельцов,

в том числе, и князь И. А. Хованский, ставший, удобным козлом отпущения. Однако целиком взять под контроль процесс традирования нарративов оказалось недостижимо, и практически одновременно с одобренной правительством легендой через польскую границу в Европу проникал еще один нарратив о стрелецком восстании. Вскоре повествования о заговоре партии Милославских против Нарышкиных доминировали в европейском дискурсе о московских событиях. Оттуда же эти рассказы вернулись в Россию, где после 1698 г., как показывает раздел «Стрелецкое восстание у авторов петровского и послепетровского периода» (с. 81–90), история о хитрой царевне, ловко манипулировавшей недовольством стрелецких полков, превратилась в новый официальный нарратив.

Заложив необходимые для дальнейшего понимания основы, Казаков в четвертой и пятой главах, наконец, переходит к собственно его интересующим вопросам. Глава IV «Стрелецкое восстание в дипломатической коммуникации 1682–1684 гг.» (с. 911–81) начинается со смущенно-сдержанных «Отчетов российских курьеров в 1682 г.» (с. 91–97), пытавшихся в своих статейных списках обойти малопохвальную правду, что их опередили. О московских событиях вся Европа давно была в курсе, причем не только о санкционированной правительством версии. В последовавших разделах на примерах Дании, Нидерландов, Пруссии-Бранденбурга, Франции, Швеции и Речи Посполитой, поставившихся в 1682 г. отправить в Россию дипломатические миссии, Казаков тщательно реконструирует находившиеся, прежде всего, в шведских руках сети информаторов, оперативно организовавших поставку переписки из российской столицы. Соответственно, читатель узнает о преимущественно использованных каналах, связавших Москву через Новгород и Псков с прибалтийскими портами Рига и Нарва, практически вытеснивших к этому времени традиционный торговый путь в Европу через Архангельск и Белое море. Удивляет высокая, разумеется по меркам XVII в., скорость передачи новостей. Не в последнюю очередь, благодаря установленной в 1661 г. в Московском государстве почте, в 1682–1683 гг. письма, отправленные из Москвы, доходили до контактного лица в Нарве в течении двух-трех недель, и дальше дорога через море в Стокгольм занимала еще две, максимально четыре недели, в зависимости от погодных и сезонных условий. Бросается также в глаза, особенно если сравнить с ситуацией XVIII в., разнообразность источников снабжения новостями. В момент начала восстания при Московском дворе был аккредитован лишь нидерландский предста-

витель, Иоганн ван Келлер, а остальные монархи, напрасно ходатайствовавшие в годы правления Федора Алексеевича за продление договоров своих дипломатов, в 1682 г. заново должны были формировать делегации. В связи с этим для обеспечения новостями о восстании использовались разные источники: ценными посредниками, благодаря знанию местности и языка, выступали купцы, в качестве информационных агентов привлекались и государственные служители иностранного происхождения, как например, дьяк Андрей Виниус. Наряду с этим более технически организационным аспектом функционирования коммуникационных сетей освещается не менее значимый момент – способы выстраивания неформальных отношений. Одним из, пожалуй, самых сильных эпизодов работы, как в научном плане, так и с позиции яркости рассказа, является описание дипломатической дуэли между шведским посланником Кристофом Кохом и его внешнеполитическим оппонентом, представителем датского королевского двора Хильдебрандом фон Хорном. Контрагенты, оба получившие инструкцию склонить новую российскую власть к союзнической политике, отвечавшей внешнеполитическим амбициям их страны, соперничали за благосклонность московской политической элиты, используя все характерные для их профессии приемы: лесть, подкуп и дискредитацию. Об обещанном в названии книги дипломатическом шпионаже речь идет в разделе главы, посвященном анализу переписки польских посланников: польский король, в отличие от западноевропейских государей, довольствовавшихся минимальной программой, увидел во внутривнутриполитическом кризисе соседа удобный шанс для пересмотра положений Андрусовского перемирия, тем более, что сроки его действия скоро должны были истекать. Миссия Станислава Бентковского в Смоленщину, в местечко Кадино, преследовавшая цель прощупать настроение в приграничных районах и распространять пропольскую пропаганду, однако, как доказал Казаков, завершилась провалом.

Глава V «Стрелецкое восстание в европейской раннемодерной общественности» (с. 1822–40) отведена второму заявленному автором тематическому комплексу, отголоскам московских беспорядков в зарубежной прессе в газетах, журналах и брошюрах. За достаточно длительным введением в европейское печатное дело и функционирование транснационального рынка новостей раннего Нового времени следует подробный анализ моментов взаимодействий и переплетений между сетями дипломатической корреспонденции, с одной стороны, и прессой и ее представителями с другой. Главным образом издатели

получили информацию о восстании из донесений отправленных в Москву дипломатов. Но и последние, в свою очередь, так как количество источников был невеликим, а спрос на свежие новости не иссякал, порой, чтобы отчитаться перед своими правительствами, были вынуждены обращаться к газетным статьям. Так же, как и сама переписка, поскольку события воспринимались через призму лишь относительно знакомых с внутренними делами России иностранцев, транслируемые нарративы были подвержены адаптационным процессам. Официальная правительственная версия, приписавшая вину за майскую резню старообрядцам, за рубежом не прижилась. Оказалась она в европейском контексте «белым пятном», так как в раннее Новое время сама православная вера воспринималась схизмой; а схизма схизмы – это явление слишком сложное, чтобы делать из него историю. Гораздо интереснее с точки зрения публицистики, тем более, что он перекликался с собственным опытом, был сценарий о заговоре Милославских против Нарышкиных. В связи с тем, что часть стрелецких полков привлекалась для охраны кремля, западная пресса их волнения скоро стала сравнивать с бунтами янычарского корпуса, более известным европейскому читателю сюжетом. В России подобная трактовка стала неотъемлемой частью петровского дискурса, согласно которому стрелецкие мятежи ассоциировались со «старой» Россией, в то время как реформы первого императора открыли стране путь в «цивилизованную» Европу.

Отправной точкой для выводов выделенных, в дополнение к соответствующей главе VI «Заключение: сети, практики и нарративы трансграничной коммуникации» (с. 241–246) еще последние параграфы четвертой и пятой глав – является основной тезис автора о достижении настолько достаточной внешнеполитической весомости России в последней трети XVII в., чтобы вызванное правительственным кризисом восстание в ее столице могло стать объектом пристального международного внимания. Интеграция страны в европейские дипломатические структуры, однако, находилась еще в зачаточном состоянии. Московский двор начала 1680-х гг., в отличие от Санкт-Петербурга имперской эпохи, не являлся сценой и, тем более, хабом большой дипломатии: при Федоре Алексеевиче постоянные представительства не получили утверждения – за исключением Нидерландов, считавшихся наименее опасной европейской страной из-за большого географического расстояния между странами и их преимущественно коммерческих интересов, нежели политических. С неменьшим вниманием, чем за проявленным западной прессой интересом к московским беспоряд-

кам, российское правительство следило за реакциями зарубежной общественности. В эти годы, в отличие от более поздних времен, кремль, все-таки, ограничивался статусом наблюдателя и не подвергал цензуре попавшую на подвластные им территории иностранную прессу. Возможные причины, почему правительство не сочло необходимым или попростому не располагало ресурсами, чтобы ввести контрольные меры, автор, однако, не уточняет.

Книга Глеба Казакова оставляет только положительное впечатление, и с основными выводами трудно не согласиться. Но это не все. Не менее важной заслугой представляется то, что его весьма многообещающий подход к изучению стрелецкого восстания 1682 г. не превратился, как это часто бывает, в самоцель. Иными словами, автор сдержал свое обещание и, согласно старой истине драматурга К. С. Станиславского «Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить», в главной части книги ни один из поднятых во введении вопросов не остается необсужденным или без ответа. Именно, в этом грехе: что он переоценил потенциал изученных источников, в связи с чем и заявленный в концептуальной части работы план в итоге оказался неосуществленным, Казакова упрекают, причем, как нам кажется, не вполне справедливо. И, поскольку ситуация сложилась так, что рецензент не является первым рецензентом книги, в данном случае раздел, посвященный критике приходится начать с критики критики. Даниэла Матхубер, научный сотрудник Института Лейбница по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге, выразила сомнения в том «..., насколько автор смог реализовать свое намерение отследить, каким образом доклады оказали влияние на формирование политической программы?». ⁸ То есть, она предполагает, что Казаков поставил себе цель показать степень воздействия различных циркулировавших нарративов о стрелецком восстании на процесс принятия внешнеполитических решений европейских правительств. Однако о таких намерениях, что действительно говорило бы о допущении стратегической ошибки, свидетельств в тексте не обнаруживается. Казакова интересует лишь отражение нарративов в западных масс-медиа. Об обратном выводе речи не идет:

8 D. MATHUBER, "Rezension zu: Kazakov, Gleb: Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa. Stuttgart 2021" in *H-Soz-Kult*, 26.05.2022, <www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-113470>. (дата обращения 15.05. 2023).

в соответствии с инструкциями отправлявших их дворов, западные дипломаты руководствовались чисто политическими мотивами. Сказанное четко проистекает из соответственных тематических глав и заключения. Другое дело, что Казакова справедливо считать состоявшимся историком, а монографию, несмотря на то, что она является опубликованной диссертацией, вовсе не его научным дебютом; на данную тему уже вышло несколько его статей, в том числе в соавторстве⁹. Поэтому маловероятно, что такое явное нарушение логики осталось бы ранее незамеченным.

Тем не менее, критика возникла не на пустом месте. Только обусловлена она, скорее всего, недоразумением, поскольку формулировка «Каким образом информация о волнениях в Московском государстве была использована европейскими дворами в собственных политических интересах, и какое влияние оказывали эти новости на процессы принятия политических решений?»¹⁰ действительно подразумевает (по крайней мере в немецком оригинале текста) наличие подобного рода политической программы, как предположила Матхубер. Таким образом, проблема, как выясняется, не логическая, а лингвистическая.

Однако упрекать за такого рода ляпсусы хочется не автора книги, а, скорее, ответственных за ее редакцию. Текст, правда, местами недостаточно отшлифован в отношении лексики и синтаксиса остались некоторые отклонения от языкового стандарта, что порой омрачает получаемое от чтения удовольствие. И это жаль, так как Глеб Казаков не только пишет о коммуникации, но и сам является прекрасным коммуникатором: в прямом смысле как историк, который несмотря на все свойственные в последнее время данной дисциплине концептуальные и методологические инновации, не забыл, что сердцем исторической науки осталось умение рассказать интересную историю. При этом и в более широком смысле немецкий историк российского происхождения (или, наоборот, работающий в Германии российский историк) принимает на себя функцию посредника. В отличие от более «доступного» для исследователей обеих сторон XVIII века, специалисты по истории XVII века, одинаково хорошо справляющиеся с расшифров-

9 См., например: Г. М. Казаков, «Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г.», в *Российская история*, no. 3 (2018): 121–133; Г. М. Казаков, И. Майер, «Отоман Разин»: Разин как турок в немецкой печати 1670–1671 гг.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 72, no. 2 (2018): 95–107.

10 G. KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682, 1718*.

кой скорописи допетровской эпохи и немецкого куррент шрифта времени барокко, до сих пор являют собой завидное исключение. Поэтому публикации таких ученых, что и показывает его недавно вышедшая в соавторстве с А. С. Лавровым монография «Хованщина. Донесения шведских агентов»¹¹, служат не только первичным, очевидным целям, то есть обогащению знаниями но и введению в научный оборот прежде неизвестных документов. Кроме того, подобные издания, особенно когда они, как в данном случае, снабжены переводом документов, способствуют обоюдной готовности к взаимопониманию, что кажется не менее ценной заслугой.

References

- MALTE GRIESSE, "Introduction", in *From Mutual Observation to Propaganda War: Pre-modern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld: transcript Verlag, 2014), 733. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839426425>
- MALTE GRIESSE, "State-Arcanum and European Public Spheres: Paradigm Shifts", in *From Mutual Observation to Propaganda War: Premodern Revolts in their Transnational Representations*, ed. M. GRIESSE (Bielefeld: transcript Verlag, 2014), 205–269. <https://doi.org/10.14361/transcript.9783839426425.205>
- G. M. KAZAKOV, "Poezdka pod`iachego Nikity Alekseeva v Shveciu i Daniu v 1682 g." [Clerk Nikita Alekseev's Journey to Sweden and Denmark in 1682], *Rossiiskaia istoria*, no. 3 (2018): 121–133. <https://doi.org/10.7868/S0869568718030111>
- G. M. KAZAKOV, A. S. LAVROV, *Khovanshchina. Donesenia shvedskikh agentov, 1682–1683 gg.*, Podgotovka teksta, perevod, primechania i posleslovie G. M. Kazakova i A. S. Lavrova [Khovanshchina: Reports of Swedish Agents, 1682–1683, Text Preparation, Translation, Notes and Afterword by G.M. KAZAKOV and A.S. LAVROV] (Sankt-Peterburg: Nauka, 2022), 230.
- G. M. KAZAKOV, I. MAIER, "'Ottoman Razin': Razin kak turok v nemeckoi pechati 1670–1671 gg. ["The Ottoman Razin": Razin as a Turk in the German Press of 1670/1671], *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 72, no. 2 (2018): 95–107.
- GLEB KAZAKOV, *Die Moskauer Strelitzen-Revolte 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa* [The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence, and Narrative Transfer between Russia and Europe] (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021), 17–19, 95. <https://doi.org/10.25162/9783515129824>
- DANIELA MATHUBER, "Rezension zu: Kazakov, Gleb: Die Moskauer Strelitzen-Revolte 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen

11 Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг., Подготовка текста, перевод, примечания и послесловие Г.М. Казакова и А.С. Лаврова (Санкт-Петербург, 2022), 230.

Russland und Europa. Stuttgart 2021" [A Review of Gleb Kazakov's: The Streltsy Uprising of 1682: Diplomatic Espionage, Intelligence and Narrative Transfer between Russia and Europe. Stuttgart 2021], in *H-Soz-Kult*, 26.05.2022

www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-113470 (Accessed May 15, 2023)

STEVEN MÜLLER-UHRIG, *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* [Who Rules Russia? The Uprising of the Russian Nobility in 1730 as a Perceived Threat to the Monarchs of Europe] (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2021), 434. <https://doi.org/10.7767/9783205212805>

CARL BICKFORD O'BRIEN, *Russia Under Two Tsars 1682–1689: The Regency of Sophia Alekseevna* (Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1952), 178.

FRANZISKA SCHEDEWIE, "Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten. Einleitung zur Edition" [Relations from the Russian Court: The Reports of European Diplomats], in *Relationen vom Russischen Hof. Berichte europäischer Diplomaten 1690–1730*, 2016 Relationen vom russischen Hof (perspectivia.net) (Accessed May 15, 2023).

CHRISTIAN STEPPAN, *Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)* [Actors at a Foreign Court: Political Communication and Representation of Imperial Envoys during the Decade of Change at the Russian Court (1720–1730)] (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015), 492. <https://doi.org/10.14220/9783737004336>

STEFAN TROEBST, "Schwellenjahr 1667? Zur Debatte über den »Durchbruch der Neuzeit« im Moskauer Staat" [Was 1667 a Pivotal Year? Debating the "Breakthrough of Modernity" in the Muscovite State], in *Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa*, ed. M. G. MÜLLER (Berlin: Akademie Verlag, 1995), 151171.

EISUKE KAMINAGA
VIEWS OF RUSSIA IN JAPAN
IN THE LATE 20TH CENTURY

ANNA V. URIADOVA
THE FIRST SOVIET CONSTITUTIONS
IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN
EMIGRATION

JUDIT HAMMERSTEIN
ABOUT RUSSIA FROM A HUNGARIAN
PERSPECTIVE – LAJOS THALLÓCZY'S
STUDY "RUSSIA AND OUR COUNTRY"

CHARLES J. HALPERIN
THE FICTIONAL IVAN:
IVAN THE TERRIBLE IN ENGLISH-
LANGUAGE FICTION

MIKHAIL P. ODESSKIY
THE VISUALIZATION OF RUSSIA
IN THE ERA OF PETER I

OLGA K. ERMAKOVA
THE PRACTICE OF HIRING
FOREIGNERS FOR THE RUSSIAN
CIVIL AND MILITARY SERVICE
UNDER ALEXEI MIKHAILOVICH
AND PETER THE GREAT

**VLADIMIR A. BOLDIN,
DARYA YU. KURGINOVA,
ALEXANDR A. SHIRINYANTS**

"WE FEEL SORRY FOR
THE RUSSIANS, ... WE NEED
TO HELP THE SUFFERERS"

TAMÁS KRAUSZ
REMARKS ON THE NATURE
OF MODERN RUSSO- AND
SOVIETOPHOBIA

GYULA SZVÁK
"KEY MOMENTS" IN HUNGARIAN
RUSSOPHOBIA

KLÁRA RADNÓTI
THE SO-CALLED RUSSOPHOBIA
OF FOREIGN TRAVELERS
TO MUSCOVY

ANDRÁS BENCE
RUSSIAN AMERICA THROUGH
HUNGARIAN EYES

ALICE PLATE
"THE MOSCOW CONFUSION
CONTINUES TO THIS DAY"
(REVIEW)

